

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX-XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Сборник материалов
Международной научной конференции*

(30 ноября - 02 декабря 2017г.)

**при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной
и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-11-24501**

Красноярск
Сибирский федеральный университет

2017

Сборник материалов международной конференции по национальным и миграционным вопросам «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы», выполненный при **при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-11-24501**, охватывает широкий круг проблем по научным подходам к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири; профессиональному стандарту деятельности специалиста по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений как базе для реализации государственной национальной политики Российской Федерации; подхода, форматам, задачам, эффективным практикам Федерального, регионального и муниципального уровней управления в процессах реализации государственной национальной политики; профилактике экстремизма в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений как элемент государственной национальной политики; научным концепциям и социальным инновациям управления миграционными процессами; концептуальным вопросам современной миграционной политики; социокультурной адаптации и интеграции мигрантов как фактор современной этнической мобильности; педагогическим моделям обучения русскому языку как иностранному; теория государства и права в контексте зарубежного и российского миграционного законодательства; этнокультурной динамике и этнической мобильности в XXI веке.

Представлены тезисы научных работ экспертов, докладчиков, модераторов, специалистов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики, специалистов в области межнациональных и миграционных отношений; представителей научного сообщества, специализирующихся в области этнологии и религиоведения; преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗОЛЮЦИЯ

Коровушкин Дмитрий Георгиевич,

доктор исторических наук, профессор Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), президент Научно-исследовательского фонда «Наследие Сибири»

Щанкина Любовь Николаевна,

доктор исторических наук, заместитель проректора по учебной и методической работе Московского гуманитарно-экономического университета

(г. Новосибирск)

«Мордва в Азиатской России: миграции, массивы, трансформации»

Погодаев Николай Петрович,

доцент кафедры социальной работы философского факультета, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Исторического факультета

Национального исследовательского Томского государственного университета

(г. Томск)

«Образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества»

Парфенова Елена Ивановна,

научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН,

Чебакова Надежда Михайловна,

старший научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева, ФИЦ КНЦ СО РАН,

Швецов Евгений Геннадьевич,

научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева, ФИЦ КНЦ СО РАН

«Оценка условий жизнедеятельности на территории Азиатской России в XXI веке при изменении климата по сценариям СМIP5»

Московских Анастасия Валерьевна, Стручева Елизавета Сергеевна, направление

«Культурология» Сибирского федерального университета,

Копцева Наталья Петровна,

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Информационный образ представителей таджикской этнокультурной группы в региональном информационном пространстве (на материале анализа Красноярского края 2014-2017 гг.)»

Северуженко Наталья Сергеевна, Семакова Наталья Александровна,

направление «Культурология» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Замараева Юлия Сергеевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Этническое осознание армян в региональном информационном пространстве Красноярского края»

Ольхина Дана Владимировна,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Замараева Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Влияние политики НЭПа на приток миграции в Красноярский край»

Луцык Даниил Николаевич,

направление «Искусства и гуманитарные науки» Сибирского федерального университета,
Замараева Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета
«Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде Сибирского федерального университета»

Абдуманапов Роман Анатольевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета
«Опыт Кыргызских диаспор как пример процессов консолидации этнических сообществ России»

Дзись Юлия Викторовна,

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета
«Модель мультикультурализма в ЕС: идея, реальность и перспективы»

Пайтян Роза Хачатуровна,

старший преподаватель кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета
«Современные подходы к международно-правовому регулированию проблем вынужденной миграции»

Зобнин Василий Сергеевич,

направление «Юриспруденция» Юридического Института Сибирского Федерального Университета
«О проблеме обеспечения прав мигранта на достоинство»

Попова Юлия Владимировна,

аспирант по направлению «Образование и педагогические науки», ассистент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального университета
«Практики развития межэтнического взаимодействия в поликультурной среде Сибирского федерального университета»

Сметанин Фёдор Анатольевич,

магистрант направления «Антропология и этнология» Исторического факультета Томского государственного университета (г.Томск)
«Проблема исследования сообщества мигрантов-мусульман в контексте дискурса «радикализации» (пример г. Томска)»

Безызвестных Екатерина Анатольевна,

старший преподаватель кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального Университета

Смолянинова Ольга Георгиевна,

профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального Университета
«Социокультурная адаптация и интеграция иностранных студентов в федеральном университете средствами электронного обучения и технологии e-портфолио»

Лыткина Анастасия Юрьевна, Пастухова Кристина Игоревна,

направление «Экономическая безопасность» Института экономики, управления и

*природопользования Сибирского федерального университета
«Социальная адаптация иностранных студентов посредством внедрения в работу»*

Микиденко Наталья Леонидовна,

доцент кафедры социологии, политологии и психологии

Сторожева Светлана Петровна,

доцент кафедры социологии, политологии и психологии

Монастырская Татьяна Игоревна,

доцент кафедры социологии, политологии и психологии,

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

(г. Новосибирск)

«Гендерные аспекты адаптации детей мигрантов в образовательной среде (по материалам исследования в школах г.Новосибирска)»

Вейлерт Наталья Владимировна,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Грязнухина Татьяна Владимировна,

доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

«Процессы этнической миграции в контексте угрозы этнокультурной безопасности России»

Лисаускайте Валентина Владо,

доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета

«Современная миграция и вопросы гуманитарного реагирования»

Павельева Эвелина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

«Посткризисная миграционная политика ЕС: соотношение интеграционных и национальных интересов»

Жуковская Людмила Николаевна,

доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Содействие социально-культурному взаимодействию мигрантов в полиэтническом пространстве современной библиотеки»

Брызгина Диана Евгеньевна,

магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск)

«Риторика ходьбы: «этнические» рынки г. Иркутска в пешеходных практиках горожан»

Корешкова Юлия Олеговна,

преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Исторического факультета Иркутского государственного университета

(г. Иркутск)

«Вичат как образ жизни»: инструмент социальных связей китайских мигрантов в России»

Филько Антонина Игоревна,

аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Особенности восприятия визуального образа Красноярска жителями и гостями города: метод декодирования»

Юсупов Абдулазиз Мадаминжанович, Антипина Алёна Владимировна, Недбайло Дарья Олеговна,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Резникова Ксения Вячеславовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Роль исламских культовых сооружений Красноярского края в адаптации и интеграции мигрантов»

Арпентьева Мариам Равильевна,

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования Института психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

«Модерн и национальные отношения в России: татарский и славянский этносы в суперэтносе России»

Гуляева Наталья Павловна,

кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления бизнес-процессами ИУБПЭ СФУ

«Жилищные условия как фактор миграции»

Резванов Ринат Искандярович,

Директор центра компетенций проектного управления

«Сибирский проект советской индустриализации: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950-1970-х годов»

Кошелев Михаил Сергеевич,

магистрант ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,

руководитель научной лаборатории Читинского института ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» «Центр социально-культурной адаптации мигрантов»

«Проблемы межэтнических отношений и толерантности в молодежной среде Забайкальского края: опыт регионального исследования»

Федотова Татьяна Александровна,

кандидат экономических наук, доцент Днепровского национального университета им. О. Гончара

«Научные подходы к исследованию миграционных процессов»

Кузнецова Екатерина Михайловна,

аспирантка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра, сектора этнографии, этнологии и антропологии

«Этническое и социальное развитие есейских якутов Красноярского края Эвенкийского муниципального района: проблемы, успехи, современное положение»

Лойко Александр Иванович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета

«Миграция этнических белорусов в Сибирь: Евразийский вектор»

Уразаева Куралай Бибиталыевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва,

Кожамкулова Гульмира Есенбековна, кандидат филологических наук, старший менеджер отдела лингвистических предметов АО НИИШ (Назарбаев интеллектуальных школ)

(Республика Казахстан)

«Школьные учебники с обновленным содержанием в Казахстане: общие тенденции с Россией и

реализация реформы в образовании»

Кочерова Анастасия Викторовна,

магистрант направления «Практическая психология в образовательных организациях» кафедры социальной психологии института психолого-педагогического образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Горбачева Диана Витальевна,

*направление «Педагогическое образование с двумя профилями: русский и иностранный (английский)» кафедры теории русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
«Квест как технология реализации коммуникативного метода обучения русскому языку как иностранному»*

Былкова Екатерина Сергеевна,

направление «Международные отношения» Исторического факультета Томского государственного университета» (г. Томск)

«Вопросы и проблемы языковой политики Красноярского края в отношении коренных малочисленных народов»

Сатива Гамбоа Хуан Себастьян,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Понимание русской культуры через стихотворение Б. Пастернака "Никого не будет в доме"»

Ермилова Елизавета Сергеевна,

магистр по направлению «История стран Азии и Африки» кафедры Всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Изменения миграционных процессов среди западных эвенков в XXI веке»

Зотова Алина Александровна,

направление иностранных языков Томского государственного университета

«Процесс адаптации студентов-мигрантов, прибывших на обучение на факультет иностранных языков в Томский Государственный университет»

Задорин Артём Викторович,

ассистент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Внешняя миграция в Красноярском крае в 1922-2015 гг.: ее влияние на поселенческую структуру региона»

Шмальц Марк Евгеньевич,

PhD, научный сотрудник Института общего языкознания и языковой типологии Университета им. Иоганна Гутенберга

г. Майнц (ФРГ)

«Миграция как основание для датировки фольклорных текстов коренных малочисленных народов Сибири на примере нижнеколымских юкагиров»

Капустина Екатерина Леонидовна,

кандидат исторических наук, зав.отделом Кавказа в музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН

(г. Санкт-Петербург)

«Миграция из Дагестана в города Западной Сибири: неформальные транслокальные сети односельчан и деятельность официальных земляческих организаций в принимающем сообществе»

Михалев Алексей Викторович,

директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского госуниверситета
(г. Улан-Удэ)

«Современная монгольская миграция и трансформации кочевого общества»

Чихачёва Мария Михайловна,

помощник первого проректора по научной работе Красноярского государственного института искусств

«Сохранность традиционной культуры Енисейского района Красноярского края (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции Красноярского государственного института искусств в 2017 году)»

Джанызакова Сеиль Давлетовна,

магистрант направления «Антропология и этнология», лаборант Лаборатории социально - антропологических исследований (ЛСАИ) Исторического факультета Томского государственного университета

(г. Томск)

«Трудовая миграция глазами читателей городского портала «Новости в Томске» (по результатам контент-анализа комментариев к новостным сообщениям)

Петрова Ксения Ильинична,

магистрант направления «История искусств» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Севера как механизм конструирования региональной идентичности»

Аброськин Даниил Александрович,

аспирант кафедры экономики Новосибирского государственного университета,

Рабчевский Никита Игоревич,

Магистрант направления «Стратегического управления» Новосибирского государственного университета

(г.Новосибирск)

«Перспективы развития международных отношений в освоении ресурсов Арктического шельфа»

Резникова Ксения Вячеславовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Представления о цыганах в современном российском обществе»

Хребтов Михаил Яковлевич,

Аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Основные культурные смыслы в сознании современной молодежи (на материале контент-анализа СМИ и интернет-опроса молодёжи)

Шантур Юлия Витальевна,

Направление «Зарубежное регионоведение» исторического факультета Иркутского государственного университета

«Образ мигранта через призму кинематографа»

РЕЗОЛЮЦИЯ

С 30 ноября по 02 декабря 2017 г. в г. Красноярске прошла Международная научная конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI вв.: опыт и перспективы» (далее – Конференция) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-11-24501.

В очной и заочной формах работы конференции приняли участие не менее 300 ученых, в том числе не менее 150 молодых ученых. В качестве докладчиков на пленарных и секционных заседаниях конференции участвовали ученые из Соединенных Штатов Америки (профессор У. Брумфильд), Казахстана (профессор Куралай Уразбаева), Болгарии (профессор Дарина Григорова), Германии (профессор Марк Шмальц), Италии (профессор Лаура Сальман), Колумбии (Сатива Гамбоа Хуан Себастьян), а также из крупнейших научных центров Российской Федерации – г. Москвы (профессор Виктория Леденева, профессор Елена Михайлова, профессор Владимир Шуников), Санкт-Петербурга (профессор Владимир Давыдов), Томска (доцент Николай Погодаев, доцент Ирина Максимова), Иркутска (профессор Виктор Дятлов, профессор Константин Григоричев, доцент Юлия Елохина), Новосибирска (профессор Татьяна Монастырская), Омска (профессор Дмитрий Коровушкин), Улан-Удэ (профессор Марина Балдано), Лесосибирска (доцент Ольга Лобанова), Ростова (профессор Диана Горбачева) и некоторых других. После обсуждения пленарных докладов работали 7 секций конференции по следующей проблематике: 1 секция "Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири: научные подходы к изучению"; 2 секция "Управление миграционными процессами: научные концепции и социальные инновации"; 3 секция "Концептуальные вопросы современной миграционной политики"; 4 секция "Социокультурная адаптация мигрантов как фактор современной этнической мобильности"; 5 секция "Педагогические модели обучения русскому языку как иностранному"; 6 секция "Теория государства и права в контексте зарубежного и российского миграционного законодательства"; 7 секция "Этнокультурная динамика и этническая мобильность в XXI веке". В ходе работы конференции были организованы круглые столы с участием экспертов и исследователей, занимающихся проблематикой адаптации мигрантов и их интеграции в принимающее сообщество; виртуальная дискуссионная площадка по тематике конференции на сайте конференции, стено-форум с обсуждением документальных и художественных фильмов по проблемам этнической миграции, презентации научных журналов.

В ходе пленарного заседания Конференции, работы круглого стола и секций состоялось обсуждение федеральных и региональных законодательных актов в области миграционного политики и этнической мобильности, результатов теоретических и прикладных научных исследований (в области истории, политологии, юриспруденции, экономики, социальной (культурной) антропологии, социологии, культурологии и др.), связанных с проблематикой глобальных и региональных этнических миграционных процессов.

Участники конференции считают необходимым дальнейшую разработку концептуальных и программных документов в области национальной государственной политики Российской Федерации в Красноярском крае и других регионах Сибирского федерального округа, поскольку эти регионы имеют собственную специфику, связанную с политэтничностью и поликонфессиональностью проживающего и работающего здесь населения, с притоком большого количества мигрантов из-за рубежа.

В ходе обсуждения представленных докладов и в процессе работы круглого стола, участники конференции полагают необходимым сделать следующие рекомендации для

органов государственной власти субъектов Российской Федерации, для образовательных, научных и культурных учреждений, работающих в сфере национальной политики, в том числе в аспекте этнических миграционных процессов в Центральной Сибири:

1. В субъектах Российской Федерации должна быть организована постоянная работа специализированных координационных и экспертных советов, включающих представителей органов власти, общественных организаций, экспертов-аналитиков (из числа ученых-исследователей), в обязанности которых будут входить информационные, экспертно-аналитические, координирующие, социально-коммуникативные функции, связанные с разработкой и реализацией программных документов в области государственной национальной политики с учетом специфики конкретных регионов — субъектов Российской Федерации.

2. Высшим учебным заведениям и научно-исследовательским сообществам необходимо включить в содержание профессионального образования, в тематику научных исследований теоретические и прикладные проекты в области совершенствования государственной национальной политики и миграционной, эффективного управления миграционными процессами, разработки механизмов по интеграции и адаптации иммигрантов в местную социокультурную среду, межкультурной коммуникации, обновления педагогических и социально-культурных практик в связи с повышением социальной значимости межнациональных отношений в Российской Федерации и в сопредельных с нею государствах.

3. Российские университеты должны выступить организаторами специального социально-коммуникативного пространства, где вопросы государственной (в том числе региональной) национальной политики найдут самое широкое общественное обсуждение и где будут формироваться запросы на создание и внедрение конкретных научно-исследовательских, педагогических, социально-культурных, политических и других проектов, связанных с постоянным совершенствованием государственной национальной и миграционной политики, созданием крепких и позитивных межнациональных (межкультурных, межэтнических, межконфессиональных и иных) социальных связей и отношений.

4. Органам государственной власти федерального и регионального уровня следует организовать обсуждение профессионального стандарта специалиста в области межэтнических и межконфессиональных отношений, подключив к этому обсуждению научные и образовательные организации Сибирского федерального округа.

5. С учетом предложений, высказанных экспертами в ходе работы круглого стола и секций, представителям телевизионных профессий необходимо изменить подходы к формированию образов процессов этнической миграции и образов трудового мигранта в документальных фильмах, телепередачах (транслирующихся по государственным телеканалам), способствующих гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах Центральной Сибири. Провести дополнительное обсуждение СМИ-образов трудовых мигрантов на материалах Сибирского федерального округа в среде профессионалов и экспертов.

6. Рекомендовать организаторам конференции часть материалов конференции разместить в научных журналах, входящих в Перечень ВАК и в международные базы данных.

7. Продолжить обсуждение резолюции в заочной форме, поручить оргкомитету конференции организовать данное обсуждение, собрать предложения и провести редакционную работу окончательного варианта резолюции к 1 февраля 2018 г.

Коровушкин Дмитрий Георгиевич,

доктор исторических наук, профессор Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), президент Научно-исследовательского фонда «Наследие Сибири»

Щанкина Любовь Николаевна,

доктор исторических наук, заместитель проректора по учебной и методической работе Московского гуманитарно-экономического университета

(г.Новосибирск)

«Мордва в Азиатской России: миграции, массивы, трансформации»

Аннотация. Мордовский народ – один из крупных этносов финно-угорской языковой семьи в Российской Федерации. Изучение истории переселения, миграционных потоков, динамики численности мордовских переселенцев в многонациональной среде Азиатской России актуально в региональной и отечественной науке. В череде миграционных потоков, в первую очередь аграрных, участвовали выходцы из многих районов Поволжья, в том числе мордовское население, численно наиболее выраженное.

Ключевые слова: мордва, мордовские переселенцы, миграции, расселение, динамика численности, Поволжье, Сибирь, Азиатская Россия.

На территории Азиатской России – Сибири в её традиционном понимании – издавна живут представители различных народов и культур, вступая друг с другом в разнообразные контакты «по разным поводам, в различных сферах и в многообразных формах, видах и способах». Столетия исторического развития Сибири в составе России являют нам картины то неспешного течения, то стремительного потока, несущего кардинальные изменения. Одним из примеров являются аграрные переселения конца XIX – начала XX века, во многом сформировавшие облик современной Сибири. В результате на её территории проживают представители более 100 этносов. Согласно материалам переписей населения самыми многочисленными неавтохтонными группами являются русские, украинцы, белорусы, мордва, татары, немцы, чувашаи, поляки, евреи, эстонцы, латыши, эзыряне. Для Западной Сибири, ставшей первым и основным макрорегионом водворения аграрных переселенцев, свойственно заселение и проживание мордвы с представителями различных этносами, зачастую чересполосно, что соответственно способствовало интенсивности их взаимных контактов. Если в прошлом для многих народов совместные поселения были редкостью, то сегодня, наоборот, довольно трудно отыскать селения, где этносы полностью однородные по национальному составу. Часто в одном населенном пункте живут представители сразу многих национальностей.

Мордовское население в азиатскую часть России переселялось из районов, ныне входящих в современные республики Мордовия, Татарстан и Башкортостан, Самарскую, Оренбургскую, Пензенскую области.

Следует отметить, что миграционные процессы в жизни мордовского этноса, приведшие к дисперсности его расселения, имеют давнюю и длительную историю. По мнению В.А. Тишкова, «переселение мордовского народа особенно в годы советской власти привело к дисперсности его расселения. Массовые миграции населения были связаны с происходящей в стране индустриализацией, коллективизацией, войной и послевоенным восстановлением экономики российского государства, освоением целинных и залежных земель, развитием новых промышленных центров и т.д.».

В Европейской России к середине XIX в. сформировались три основных района расселения мордвы: 1) коренной район обитания, с общей численностью 307 – 330 тыс. человек, т.е. около 50% от общего количества мордвы; 2) Пензенско-саратовский край с мордовским населением в 151 тыс. человек (около 22%); 3) Заволжье и Приуралье, где проживало в конце 1850-х гг. 186 тыс. человек, т.е. около 27% от всего мордовского

населения страны. В пределах Азиатской России перед реформой 1861 г. проживало незначительное количество мордвы – всего около 2 тыс. человек или 0,2%. Этнограф В.И. Козлов писал отмечал, что «до отмены крепостного права в 1861 г. мордва мало участвовала в переселенческом движении в Сибирь. К этому времени лишь незначительные по численности группы проживали в Томской губернии (около 1 тыс. чел.). Основная же масса мордвы обосновалась в этом регионе, вероятно, после 1852 г., когда было разрешено официальное переселение в Томскую губернию». Так, в списке населенных мест за 1859 г. в Енисейской губернии мордовское население отмечено в 33 поселениях (в 5 – в Ачинском округе, 27 – Минусинском, в 1 – в Енисейском округе), в г. Красноярске (10 мужчин, 8 женщин), г. Минусинске (соответственно 16 и 11), г. Енисейске (6 и 8) и г. Канске (1 и 1). Общая численность мордовского народа в Енисейской губернии составила примерно 3 тыс. чел..

На первых порах Сибирь со своим суровым климатом, малым количеством осадков не могла привлечь большинство переселенцев на переезд. Тем не менее, со временем, когда удобные для переселения земли были исчерпаны, переселенцы стали заселять участки степи, и приступили к освоению тайги. Важную роль в освоении сибирских просторов играла Транссибирская железнодорожная магистраль, ставшая главной осью массового оседания переселенцев. С её строительством начали осваиваться степные пространства, расположенные к югу от железной дороги. Общая численность населения к 1897 г. на территории только Среднего Прииртышья насчитывала уже около 517,5 тыс. чел., из которых 90,6% проживало в сельской местности.

Если до 1890-х г. XIX в. ввиду отсутствия выхода на внешние (относительно Сибири) рынки сбыта сибирские крестьяне не могли продавать свою продукцию и из-за неимения денег и оставались недоимщиками, то в 1890-е г. положение коренным образом изменилось. Тысячи местных крестьян привлекались к сооружению дороги, получая за свою работу, как теперь говорят, живые деньги. Прибывающие переселенцы привозили с собой какие-то суммы денег и получали от государства пособия на обустройство и продовольствие. Так, при переселении в Кыштовскую волость (Кыштовский район современной Новосибирской области) государство выдавало каждой семье в 1903 г. по 14 рублей 50 копеек. Приблизительные подсчеты показывают, что только осевшие за 20 лет в Омском Прииртышье 100 тыс. семей переселенцев (в том числе мордвцев) привезли с собой около 10 млн. рублей, примерно столько же им было выплачено ссуд и пособий. Также значительные суммы крестьяне получили за эти годы от продажи хлеба, масла, мяса. Из-за поступления в местный оборот больших сумм денег ускорилось развитие товарно-денежных отношений в сибирском крае.

Заметный вклад в правительственную политику переселения и землеустройства внёс образованный в 1893 г. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД), огромную роль в деятельности которого сыграл управляющий делами комитета А. Н. Куломзин. Из опубликованных материалов известно, что до 1890-х гг. переселенцы чаще селились среди старожилов, а с началом строительства Транссиба стали осваивать переселенческие участки. Так, А.А. Кауфман в 1894 г. провел обследование хозяйственного положения переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По его сведениям, из Мордовии в Томскую губернию переселилось 104 семьи, из них 81 семья (79,4 %) – безлошадные и однолошадные. В пос. Островский, Воскресенский и Наумовский крестьянская беднота среди переселенцев составляла соответственно 80,6 %, 83,3 и 90,0 %. Он также отмечал, что с наименьшими средствами прибывали бедняки из Пензенской и Симбирской губерний. Данные об имущественном положении свидетельствуют о преобладании бедноты среди переселенцев. По материалам обследования, проведенного в 1895 – 1896 гг., около 84 % семей либо не имели жилых домов, либо оценили свои постройки менее чем на 100 руб.

В переселенческом движении мордовского народа на территорию Западной Сибири можно выделить 3 периода: 1) 1861 – 1917 гг. (пореформенный период); 2) 1920 – 1930 гг.

(индустриализация, коллективизация); 3) 1950 г. – активное образование промышленно развивавшихся городов, освоение целинных и залежных земель.

После реформы 1861 г. (отмены крепостного права) наблюдается увеличение количества переселенцев на территории Сибири. К примеру, только в пределах современной Омской области с 1857 по 1868 гг. общая численность населения возросла на 120 % (со 161 до 207,9 тыс. чел.). В 1862 г. на Урал и в Сибирь переселились 39 семей из Краснослободского уезда, 1863, 1868 и 1888 гг. – около 200 семей из Саранского, в 1889-1891 гг. – 140 семей из Инсарского, Спасского и Темниковского уездов мордовского края. По неполным данным, в 1861-1914 гг. из Мордовии выехало около 200 тыс. чел. Зачастую, не имея возможности легального переселения, мордва передвигалась самовольно вплоть до середины 90-х гг. XIX в. Действительные же размеры миграции народов из Мордовии были значительно больше, нежели показывала официальная статистика, так как ею не учитывалось количество самовольных переселенцев и ходоков, которые не возвращались на родину, подыскав себе подходящую землю для проживания.

Следует также отметить, что именно Томская губерния после реформы 1861 г., стала основным местом оседания переселенцев, так как на данной территории были удобные места для ведения сельского хозяйства и благоприятные природные условия для проживания. До 1859 г. указанная губерния заселялась слабо. Так, под пашней находилось всего 0,95 % территории Томской губернии, а средняя плотность населения на то время составила 0,8 чел. на 1 км². К 1897 г. ситуация изменилась. Численность жителей Томской губернии выросла почти в три раза, в немалой степени за счёт переселенцев. Наиболее благоприятным местом для проживания считался Барнаульский округ. С 60-х гг. XIX в. в Притомье активно начали проникать переселенцы из мордовского края. Численность мордовского населения в 1897 г. в Томской губернии достигла 14,7 тыс. чел.. Судя по местам выхода, состав переселенцев был крайне разнообразным. Например, в Верхотомской волости Томского уезда в 1888 г. переселенцы жили в 36 селениях. Большинство из них выехало из Пермской, Тобольской и Нижегородской губернии (в последней значительным по численности было мордовское население). Согласно переписи 1897 г., в Азиатской России было зафиксировано 1 400 тыс. выходцев 50 губерний Европейской России. В это время из Пензенской губернии переселилось – 56,5 тыс., Тамбовской – 93 тыс. чел., Саратовской – 43 тыс. чел., Самарской – 80 тыс. чел. Население губернии в 1897 г. достигло 570,2 тыс. чел., к 1914 г. оно выросло до 1 119,2 тыс. жителей. К примеру, согласно архивным данным Кыштовского краеведческого музея Новосибирской области, «в 1897 г. в с. Верх-Кулябинское Кыштовской волости проживали представители разных национальностей. Мордвы здесь числилось 304 чел. Из них 154 чел мужского пола и 150 – женского.

Рассмотрим динамику численности и размещение мордовского населения Западной Сибири, основываясь на материалах всеобщих переписей населения. Первая всеобъемлющая перепись населения была проведена в 1897 г. (до этого основой учета населения являлись ревизии), дальнейшие переписи проводились в 1926, 1939, 1959, 1970, 1989, 2002 гг., а последняя в 2010 г.

Согласно опубликованным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., мордовское население, рассеянное по 22 губерниям Российской империи, насчитывало 1 023 841 тыс. чел.. Мордовские переселенцы в Сибири селились главным образом в Томской, Енисейской, Тобольской, Иркутской губерниях. Наибольшее количество мордовского населения в 1897 г. первая всеобщая перепись зафиксировала в Барнаульском, Бийском Змеиногорском, Кузнецком, Мариинском, Томском округах Томской губернии, Минусинском округе Енисейской, Тюкалинском и Ишимском округах Тобольской губернии. Таким образом, только в указанных четырех губерниях сибирского региона числилось 20 223 чел. мордовской национальности или 0,4 %.

Следует отметить, что в конце XIX века большинство мордовского населения в сибирском регионе было зарегистрировано в сельской местности. Во всех указанных губерниях Азиатской России среди населения мордовской национальности численность мужского пола была выше, чем у женского. Существенным являлось преобладание мужчин мордовской национальности в Иркутской и Тобольской губерниях. К примеру, на 100 мужчин-мордвы Иркутской губернии приходилась 14,8 женщина, а в Тобольской – 89,4. Эта особенность для означенного периода вполне объяснима источниками формирования мордовских локальных групп в этих губерниях: если Тобольскую губернию (и всю Западную Сибирь) уже накрыла волна аграрных переселений, то Иркутская губерния (и Восточная Сибирь в целом) всё ещё находилась во власти традиционного «каторжного» тренда.

Что касается городского населения мордовской национальности, то здесь, наоборот, зафиксировано преобладание женского населения над мужским. На 100 человек мужчин мордовской национальности в целом по губерниям Сибири приходилась 102,1 женщина-мордовка. В Томской губернии зарегистрировано наибольшее количество женщин, нежели мужчин. Здесь на 100 человек мужского пола приходилось 108,1 женщина. В других губерниях численность мордовских мужчин была выше численности женщин-мордвов.

В 1920-е гг. повсеместно в западносибирском регионе также имела тенденция к быстрому росту населения мордовской национальности. Главная причина переселения большого числа сельских жителей мордовского края состояла в аграрном перенаселении еще Октябрьской революции. Основной поток мордовских переселенцев пришёлся на 1921–1922 гг. По нашему мнению, это явилось следствием «качения по инерции» переселенческого процесса, организованного в рамках многолетней деятельности бывшего Переселенческого управления Министерства внутренних дел Российской империи.

Большинство переселенцев являлись выходцами из левобережных районов Поволжья. По сведениям В.И. Козлова, «мордва все чаще, минуя районы Западной Сибири, устремлялась дальше на восток. Если общая численность мордвы в границах бывшей Томской губернии с 1920 по 1926 г. возросла с 41 до 81 тыс. человек (т.е. в 2 раза), то ее численность, к примеру, в границах Енисейской губернии увеличилась за это же время с 5 до 14 тыс. чел. (т.е. почти в 3 раза)». В 1927 г. в городах Мордовии проживало 60,2 тыс. жителей, в 1939 г. – 82,4 тыс. Таким образом, численность городского населения в течение 13 лет выросла всего на 22,2 тыс. чел. Это было связано с отсутствием в городах Мордовии развитой промышленности, что соответственно приводило к недостатку свободных мест, поэтому многие сельские жители вынуждены были мигрировать дальше, за пределы Мордовии.

В связи с созданием при ЦИК СНК специального Центрального колонизационного комитета (с 1926 г. – переселенческого), миграционные процессы в Сибирь возобновились, т.к. желающим переселенцам выделялась земля и оказывалась различная помощь. По статистическим данным В.И. Козлова, с 1926 по 1939 г. население в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось в 3 с лишним раза. Так по переписи 1926 г. в указанных регионах проживало 11,9 млн. жителей всех национальностей. В миграционном процессе участвовали и представители мордовского этноса Поволжья. К примеру, в 1925–1926 гг. из Пензенской губернии на территорию Сибири выехало 60 семей (295 человек) мордовской национальности.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Сибири числились 107 794 чел. мордовской национальности. По сравнению с 1897 г. численность представителей мордовского этноса здесь резко увеличилась. Из таблицы 2 видно, что больше всего мордвы зафиксировано в Барнаульском округе – 25 059 чел., а наименьшее – в Тулунском округе, всего 536 чел. Следует отметить, что в сельской местности проживало большинство мордовских переселенцев, и практически одинаковой была численность мужского и женского населения. В этот межпереписной период основные причины переселения были связаны с

освоением природных богатств, прежде всего, полезных ископаемых и др. Необходимо также отметить, что большую роль сыграл и естественный прирост населения.

Эту только сложившуюся на добровольной основе структуру резко нарушила индустриализация, кардинально перекроившая экономику и размещение населения. Свой вклад внесли переселения раскулаченных, ГУЛАГовское «освоение» Сибири, депортации «виноватых». Новая страшная встряска была связана с Великой Отечественной войной: призыв представителей всех народов в войска, потери военные и тыловые, хлынувшие эвакуированные и «провинившиеся». Из полутысячи эвакуированных предприятий пятая часть была размещена в Средней Сибири. Помимо оборудования эшелоны везли десятки тысяч работников предприятий и членов их семей.

Новой страшной встряской стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. с её глобальными людскими потерями, разрывом межпоколенных, семейных и культурных связей. В связи с этим, в послевоенное время наблюдается сокращение численности мордовского народа по всем регионам России. В послевоенные годы жизнь в стране постепенно начала улучшаться: резко возросла рождаемость населения, в связи с восстановлением брачных связей, когда вернулись фронтовики из армии. В то же время наблюдалась тенденция сокращения смертности благодаря некоторому улучшению условий в здравоохранении и роста материального благосостояния населения.

На середину XX в. пришлась очередная волна массовых переселений связанная со стройкой новых шахт, электростанций, предприятий легкой и тяжелой промышленности, началом освоения целинных и залежных земель и т.д. Особенностью этого периода стало отсутствие «этнической» привязки миграционных потоков: они стали более индивидуальными в своей основе, максимум, что проявлялось – это локально обусловленные перемещения сформированных частей трудовых коллективов на новые стройки и объекты тяжёлой индустрии.

Анализ данных первой послевоенной переписи населения 1959 г. показывает, что численность мордовского населения в сибирском регионе увеличилась. Видно, что этот межпереписной период (после проведения ВПН 1937 / 1939) отличается увеличением доли женского населения, как в сельской, так и в городской местности, что вполне укладывается в рамки последствий широкомасштабной мировой войны с её чудовищными людскими потерями.

Наибольшее количество представителей мордовского этноса зарегистрировано в Кемеровской области – 26 861 чел., а наименьшее в Хакасской АССР – 3 933 чел. Численность мужского населения на территории сибирского региона была ниже, чем у женского населения. Это было связано с тем, что у женского населения средняя продолжительность жизни была больше, у мужского населения зафиксирован более высокий уровень смертности. Кроме того, численность мужчин напрямую зависела и от их убыли в годы Великой Отечественной войны.

Данные переписей 1970 – 2002 гг. показывают, что количество мордовского населения в Сибири заметно начала снижаться. Главная причина заключалась в том, постепенно начали сокращать промышленное строительство в этих регионах, а также с тем, что некоторая часть мордовских переселенцев мигрировала в иные регионы России. Кроме того, процесс снижения численности был связан с частичной ассимиляцией мордвы, а также при получении паспорта выбором молодыми людьми из национально-смешанных семей русской национальности.

Из этих данных также явствует, что в основном представители мордовского народа в Сибири в это время больше проживали в городской местности. Это было связано с переездом мордвы из сельской местности в крупные промышленные города, а также на строительство предприятий народного хозяйства и т.д. Продолжающиеся миграции молодых людей из сел – это глобальная проблема современности не только в Западной Сибири. Данная тенденция

характерна для всей территории Российской Федерации, что соответственно приводит к значительным изменениям в сфере материальной, духовной культуры и социальной жизни этносов.

По данным переписи 2010 г., общая численность мордовского этноса составила 744 237 чел., указавших свою национальность (0,54 % удельного веса). В границах Республики Мордовия проживает 333 112 человек мордовской национальности. Мордвы-мокши было зарегистрировано 4 767 чел., мордвы-эрзи – 57 008 чел. Численность мордовского народа в Алтайском крае составила 2 976 чел., Иркутской области – 2 128 чел., Кемеровской области – 3 932 чел., Красноярском крае – 4 295 чел., Тюменской области – 7 444 чел., Республике Хакассия – 1 124 чел.

По итогам переписи 2010 г. также зафиксировано, что для большинства национальностей, проживающих в Российской Федерации, за 2002 по 2010 гг. свойственно уменьшение доли населения, владеющей национальным языком. Перепись населения 2010 г. показала, что среди мордовского населения владеют родным языком 392 941 чел., что главным образом связано с причиной уменьшения количества мордовского народа и общей тенденцией к демографическому спаду. Основными причинами уменьшения численности являются – экономические трудности, проблема с жильем, изменение внутрисемейного отношения к семье. Другой причиной снижения численности мордвы является этническая ассимиляция. В XXI в. как у мордовского народа, так и у других этносов наблюдается тенденция к ассимиляции. Главная причина – постепенная урбанизация и рост крупных городов, которые приводят к замене мордовского языка русским, что соответственно приводит к сокращению официальной численности мордвы. Большим изменениям этнического самосознания, как известно, подвержены дисперсно расселенные группы.

Постсоветский этап истории Сибири как части российской истории характеризуется теми же особенностями, которые в полной мере можно признать универсальными для всей Азиатской России в наши дни:

1. Общий отток населения и миграции из села в город.
2. Тотальное сокращение числа сельских населённых пунктов и их измельчание.
3. Информационная и культурная глобализация в основном российского ещё уровня.
4. Всеобъемлющая утрата позиций национальных языков с замещением их на русский во всех сферах функционирования.

Итогом стала повсеместная тенденция к смене этнического самосознания, несколько замедленная формально лишь в среде коренных малочисленных народов Севера (благо закон даёт некоторые преференции их представителям) либо в субъектах с преобладанием титульного этноса.

Современные тенденции этнического развития мордовцев в Сибири в целом (и Средней Сибири в том числе) отражены в универсальных результатах постсоветских всеобщих переписей населения России 2002 и 2010 гг. Обращает на себя внимание снижение в общей численности доли некоторых этнических групп, ранее выделявшихся удельной величиной (и мордовцев в их числе). При этом, если сокращение численности сибирских немцев обусловлено, в том числе, и их эмиграцией в Германию, то для всех остальных это сокращение (нередко многократное) - лишь следствие исключения обозначения национальности гражданина в паспорте и смены им официальной этнической самоидентификации.

Погодаев Николай Петрович,

доцент кафедры социальной работы философского факультета, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск)

«Образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества»

Институализированные миграционные потоки из Таджикистана в Россию ведут не только к определённому преобразованию общества исхода и принимающего общества, но и к формированию трансграничного общества. Последнее формируется не просто в процессе взаимодействия между обществами двух стран, но и в процессе «разделения» индивидом себя между homeland и hostland – страной происхождения и страной проживания. Родина всё ещё живет во многих культурных стереотипах и ностальгических воспоминаниях индивида, а принимающая страна требует больших усилий для интеграции в новое общество [1].

Сармояи (капитал) от российской Alma Mater

Активными агентами трансграничного общества являются студенты из Таджикистана, оканчивающие российские вузы. Alumni («питомцы») университетов претендуют на обладание не только культурным капиталом в виде знаний, но и символическим капиталом в виде дипломов. Понятие «символический капитал», введенное в социологический тезаурус французским социологом Пьером Бурдьё, позволяет выделить внеэкономическую составляющую взаимодействия индивидов и социальных групп. Объяснению содержания этого понятия посвящен одноименный раздел в его работе «Практический смысл» [2]. Анализируя феномен символического капитала на примере отношений среди крестьян в различных сферах жизнедеятельности - от возделывания земли и покупки скота до заключения браков, Бурдьё показывает как эта внеэкономическая составляющая не только облегчает процессы социального обмена, но и ведет к приращению материального капитала. «Материальный капитал конвертируется в капитал символический, - пишет он, - а тот в свою очередь подлежит конвертации в капитал материальный» [3]. Критикуя «экономизм», Бурдьё анализирует общественные отношения с точки зрения «социальной физики», которая, подобно физике как таковой, раскрывает механизмы, лежащие в основе жизни общества. Символический капитал создается немалыми усилиями индивида или социальной группы для того, чтобы в дальнейшем увеличивать уже не символический, а вполне реальный финансовый или экономический ресурс агента. «Зная, что символический капитал — это кредит, но только в самом широком значении слова, т.е. своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, легко понять, что демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [4].

Понятие «символического капитала» в качестве аналитического инструмента используется П.Бурдьё и в других его работах. Так в «Социологии социального пространства» [5] автор пишет, что «Логика официальной номинации видна как никогда хорошо на примере звания — дворянского, ученого, профессионального, т. е. символического капитала, гарантированного юридически. ... Профессиональное или ученое звание — это определенного рода юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право. Это институционализированный и законный (а не просто легитимный) символический капитал, все более и более неотделимый от ученого звания, поскольку система образования стремится все более и более предоставлять дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий. Символический капитал обладает также

самоценностью ... получая всю возможную символическую прибыль (и блага, которые не продаются за деньги)» [6].

Трансграничное общество в процессе своего развития и функционирования также с неизбежностью включает «символический капитал» в круг своих ресурсов. Университетские дипломы, получаемые выходцами из Таджикистана в России, являются одной из его разновидностей.

Дӯ конҳо (оптика) трансграничного пространства

По данным Минобрнауки в 2014 году в российских вузах учились 8 777 студентов из Таджикистана, в 2015 – 11 731 [7]. В 2016 году, по словам российского посла в Таджикистане Игоря Лякина-Фролова, в российских университетах училось более 20 тысяч выходцев из Таджикистана [8]. Выбор студентов объясняется тем, что в обмен на затрачиваемые ресурсы (материальные, физические, моральные) они хотят получить диплом, который гарантирует им более качественные знания, и который обеспечит им более высокие позиции на рынке труда, нежели диплом таджикского университета. Но путь к обретению этого символического ресурса тернист. Об этом свидетельствуют материалы интервью с таджикскими студентами, которые учились и учатся в университетах Томска и других городов Сибири. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов. Особенности речи в ряде случаев выделены в тексте жирным шрифтом и подчёркиванием. Это даёт возможность показать степень владения русским языком и теми, кто недавно приехал учиться в Россию, и теми, кто уже прожил здесь определённое время. «Так как у нас преподавателей..., на русском языке мало кто преподаёт сейчас. Так как они уехали. Вот. Приехали в Россию, чтобы тоже зарабатывать, так как там (в Таджикистане) зарплаты маленькие. Поэтому..., можно сказать, что не по профессии они преподают, люди, которые просто, ну знают немножко русский язык, они преподают. Поэтому я плохо училась в школе, но, как бы... оценка отличная, но на самом деле я плохо знала русский язык. Я понимала, но... трудно было разговаривать, и сказать свои там..., рассказать что-то, если хотела. Вот. А приехала в Россию, и среди русских живу, и начала разговаривать» [9]. «...тут высококвалифицированные преподаватели, очень хорошие. Вот. Вот из-за этого, мне кажется. Специалистов тут много (больше), чем у нас, у нас там маловато. Ну, по моему мнению» [10]. Не скрывали студенты в интервью и некоторых особенностей организации учебного процесса у себя на родине: «Ну, разница в том, что... там берут взятки! Они требуют прямо! А здесь требуют знания! Вот. Поэтому мне не нравилось там учиться» [11].

Банком символического капитала в виде диплома выступает государство [12]. Именно ему принадлежит право контроля за качеством обучения. Качество владения иностранцами русским языком в России определяется утвержденными государством тестами [13]. Процесс освоения русского языка, как ключевого условия получения выходцами из Центральной Азии образования в России, лежит в лоне систем образования обеих стран: их размежевания в условиях постсоветского развития и поиска путей нового взаимодействия. Представление о существующем порядке вещей даёт нарративное интервью со студентом из Таджикистана, приехавшим для совершенствования знаний русского языка в одном из томских университетов [14]. Язык он начал учить в таджикской школе в конце 90-х. В этот период в его школе уже не было ни одного носителя русского языка. Несмотря на это, окончив школу, молодой человек решил стать преподавателем русского языка и с этой целью поступил на факультет русского языка и литературы в один из провинциальных университетов Таджикистана. Там среди преподавателей тоже не было русских. Только, говорит респондент, «когда мы были в четыре курс ... на четвертом курсе, ну была одна, да, русская женщина. Но у неё профессия, ну, можно сказать только училище. Образование у неё ... - не высшее образование. ... Вела предмет (предмет – Н.П.) по фразеологизм... ещё методика преподавания русского языка. ... Из-за нехватка кадров, тем более русские ... с кафедру русского языка и литературы может её принял (принял – Н.П.).

Преподавание в вузе велось в основном на русском языке. Исключение составляли лишь предметы, касавшиеся непосредственно Таджикистана: история страны и родной язык. Из двадцати пяти студентов группы до выпуска дошли восемнадцать. По завершению бакалавриата он и его сокурсники не писали выпускную квалификационную работу, а лишь сдавали госэкзамены по педагогике, психологии, русскому языку и русской литературе. По оценке самого респондента, уровень знания русского языка после окончания бакалавриата в таджикском университете был невысок: «Когда я закончил я не очень хорошо учил русский язык, да, владел русский язык – то, что я хотел (так, как я бы хотел – Н.П.). После университета работал учителем: «...работал в школе три года. Обычно я работал там в младших школе сначала, потом в высшим эээ ... старшим. В школе два ставка было у меня: первый - русский язык я преподавал, и второй у меня этот... как можно сказать, заместитель директора по часть обучать... - да, завуч».

Человек, проработавший три года не только учителем, но завучем в провинциальной таджикской школе, конечно же, знает о системе преподавания там русского языка: «Обычно завуч составляет всю программу в школе. Я могу сказать - русский язык, как второй язык в Таджикистане, в нэдэли три раза преподаётся в школе. ... со второго класса начинается ... по одиннадцатый, как второй государственный язык». Более того, говорит респондент, преподавание русского языка улучшается: «Количество часы они дополняют ... соберутся ...дополнить это количество часы, во-первых, во-вторых, ... они хотят создать ...параллельные группы – именно русские группы ... Мы создали, в том числе, «Дэн русского языка» ... в этот ден мы польно говорим по-русски – преподаватели, ученики, все». Работа завучем была связана с организацией учебного процесса на родном языке, что у моего собеседника, по его словам, хорошо получалось. Он очень быстро получил звание учителя первой категории. Но для освоения русского языка решил ехать в Россию: «... причина в том, что у меня проблема с русским языком. Я хочу узнать и овладеть русский язык и совершенствоваться в его знании. Для меня трудно это, действительно трудно.... Но возврат нече (возврата нет – Н.П.)». Появилась возможность сравнить содержание подготовки по русскому языку на родине и в России: «Ну, обычно то, что мы там учили, здесь нет. ... Те предметы, которые я здесь учил, там не было. Лингвокультурология, ну, риторика. У меня не было никаких информаций об етим. ... И риторика здесь и культура речи тоже здесь... Никаких из них там я не учил.... там элементарные вещи, можно сказать, в бакалавриате учатся. ... А здесь, ну, боле сложное. ... То, что мы учили дополнительно занятий, то есть русский язык для иностранцев ... мне нравится это. ...Программа очень прекрасна, но жаль, что эта была мала». То есть больше всего ему понравился курс по русскому языку, как иностранному. Это именно то, говорит, что его интересует: «То, что я хотел в Таджикистана, видел на этом программа было (в программе РКИ – Н.П.). ...Падежи изучили, рассказ, ну, как можно рассказать - развитие речи, ну, части речИ, изУчили части речи».

Парадоксальным выглядит его признание по поводу затруднений в освоении разговорной лексики в Томске: «Потому что ми не разговариваем по-русски – здесь даже. Когда есть занятия, ну толко в занятии. Магистерский занятий, ну, мало... в неделю два дня – некоторые три пара, некоторые два». Его огорчает отсутствие возможности совершенствовать язык, живя с его носителями в одной комнате: «В общежитии вместе с таджики – вместе живём. У меня не письменный заявление, но устный заявление было у меня, когда я приехал сюда, заведующей общежития, что нас заселяй, пожалуйста, с русскими, чтобы ми... эээ... ми приехали сюда учить русский язык. Но, к сожалению, я ... не знаю почему нас не заселил с русским – все таджики или, ну, иногда туркмены или узбеки. ... Я против этого. Я даже в деканате этого сказал, что ви не прав. Мы приехали учить русский язык в русской пространстве. Но обычно ви создавали нас таджикский пространство». Ряд обстоятельств, как говорит, препятствует и тому, чтобы общаться с русскими вне стен кампуса: «У нас нет времени, чтобы с ним говорить или с ним пойти куда-нибудь. Русские обычно всегда гуляют,

а у нас нет (времени – Н.П.). Если мы пойти на прогулку или чё типа того, на другие месте или что, или с ним играть в какой-то игры с русским, ну у нас занятия, надо готовиться к занятиям – сдать всё, экзамен или зачёт... Мы пишем свою научную работу, какой-то задание, другие задачи».

Оптика трансграничного пространства рассматривает обучение в университете не только как систему передачи знаний, но и как коммуникацию между студентами и преподавателями, выделяя особенности педагогических паттернов двух культур. В томском университете, говорит, «...удивил только отношение преподавателей со студентами, всё. ... Их отношение со студентом – не только с иностранцем, но и сродным студентом – очень отличные, можно сказать. Близкие отношения, они пытаются, чтобы действительно выполнять они свои профессии, педагогические задачи. Они тщательно работают со студентом». В отличие от таджикского университета, где «студент не свободно сможет задать свои вопросы преподавателю. ... У них нет близких отношений с преподавателем. ... Статус преподавателя совсем в другой части, а студента – в другой. (А в Томске) студент свободный, он то, что хочет сказать и задать вопрос, то, что хочет спросить у преподавателя свободно – сможет спросить». Более жёсткая регламентация внутриуниверситетской жизни проявляется в существовании обязательной формы для юношей: тёмный костюм с галстуком и белая рубашка. Для девушек форму ввели позже, но теперь есть определенные требования по одежде и для них.

Среди деталей повседневного быта отмечает то, в чём ходят студентки в общежитии, чем это отличается от Таджикистана: «... здесь абсолютно по-другому. Ну, они обычно... ну, как сказать ... (долгая пауза) ну, бельё..., как можно сказать... (снова долгая пауза) об этом мне трудно будет сказать... они ходят в общежитии более не одетые, можно сказать, а у нас одетые». Но это как элемент свободы в целом, которую он не раз отмечал в ходе разговора: «свобода слов, свобода применения одежды, свобода учёба, конечно. В общем, везде можно встретить свободу. ... Студент или человек может...или имеет право выразить своё мнение». Иную природу отношений в Таджикистане объясняет тем, что «с точки зрения культура нас так воспитывают, во-первых, ... есть такое выражение «Пред взрослыми людьми младших нельзя говорить». Так нас воспитывают. А потом – у нас нет свободный пресс, свободное слово, когда мы говорим, в одну сторону. В другой – закон у нас не позволяет, чтоб мы будем свободны». А тот, кто пытается говорить свободно (здесь респондент даже рассмеялся) конечно, ясно что будет – ответит перед законом, ответит перед сотрудником...ну, как можно сказать... касающийся орган, перед касающийся орган (перед карающими органами – Н.П.)».

Есть и строгий регламент по поводу использования сотовых телефонов в университете: «... использование мобильного телефона у нас абсолютно запрещено ...если во время занятия вы используете телефон – разговор ...ну, первый раз ... объяснение от вас требуют, а второй раз, всё, автоматически исключают».

Темпорально-топологические характеристики символического капитала

Диплом российского университета может иметь разный вес в пространствах отдающего и принимающего обществ. В России выходец из Таджикистана, получивший диплом российского университета, конкурирует на рынке труда с российскими носителями этого символического капитала. Результаты этой конкуренции неоднозначны: талантливый потомок персов и саманидов вполне может её и выиграть. Но ему, вероятно, придется приложить больше усилий для доказательства своих профессиональных компетенций, так как на первых порах его background может уступать позициям коренных представителей принимающего общества. «...здесь, вот, в нашем крае вот такая проблема, что иностранные студенты, которые заканчивают, сложно их ...ээээээ...по поводу ээээ... В дальнейшем работать здесь. Потому что не берут таких, не каждого берут, и не каждый может по профессии работать. ... Это очень большая большая головной бол для нас тоже, для молодёжь, потому что мы сколько лет учились здесь, заканчивали, да, мы не можем здесь по

диплому работать уже» [15]. «У меня племянник закончил ТУСУР... И в ходе практики он работал на одной предприятии по сборку...э... плат в Академгородке. И там, в принципе, постепенно он стал успешным. ... Вот... а ему хотелось ... не остановиться на достигнутом... Ну, и находит другую работу, там испытательный срок. На испытательном сроке он показывает себя... достаточно хорошо. А ... напарник отстает от него, ... и в результате потом руководитель говорит, что ты не прошел испытательный срока, мы, мол, тебя не берем. А была причина именно в зависти и то, что он нерусский, а хотя он хороший специалист» [16]. Подобную ситуацию подтверждают и представители административных структур принимающего общества: «В ИТР им попасть очень сложно – в категорию ИТР – инженерно-технических работников. Потому что у нас есть свой, что называется, здесь контингент и работодатель, вот опять-таки... ну есть же какие-то там предрассудки, наверное, определенные, традиции уже. Ну, наверное, он предпочтительно возьмёт местного – именно из соображений предсказуемости. Не из фашистских каких-то там или шовинистических этих, а вот предсказуемости» [17]. Что касается отдающего общества, то на том поле таджики - выпускники российских университетов, конкурируют с обладателями дипломов таджикских вузов: «А на родине российский диплом очень такие авторитетные и везде все берут их на работе» [18]. «...в прошлом году я прочитал объявление в мерию в самом Душанбе. Мерия принимает..., подала объявление ..., принимает на работу молодёжь..., выпускников российских вузов» [19]. Очевидно, что распространенность подобной точки зрения в общественном мнении Таджикистана и является основным стимулом молодёжи из Таджикистана ехать на учёбу в Россию.

Символический капитал российского диплома, полученного выходцем из Таджикистана, может рассматриваться с темпорально-топологической точки зрения. С темпоральной (временной) точки зрения речь идет о том, что значение диплома имеет вполне реальный шанс сохраняться на протяжении всей жизни индивида. «Звание само по себе, - пишет Бурдые, ... — институция более прочная, чем внутренние характеристики труда. Вознаграждение за звание может сохраняться, несмотря на изменения в труде и его относительной ценности: не относительная ценность труда определяет ценность имени, но институционализованный звание служит средством, позволяющим защитить и сохранить ценность труда» [20]. Для таджиков в России пролонгированный характер символического капитала диплома российского университета связан с тем, что номинация «выпускника российского университета» легитимизирует дальнейшее пребывание в России, выход на российский рынок труда и процесс дальнейшей социализации в принимающем обществе. Последнее связано с вхождением в более высокие социально-профессиональные слои «специалистов с высшим образованием» и возможностями последующей карьеры. С топологической точки зрения (с точки зрения места обучения) диплом российского университета означает, в частности, знакомство индивида с условиями того региона России, где он учился, с культурой местного населения, с условиями на местном рынке труда, включенность в местную национальную диаспору и т.п. Важно не просто знание языка, но и тех культурных локаций, где происходит его изучение.

Don't put all your eggs in one basket

«Диверсификация» языковой сферы Таджикистана является ответом на вызов экономической отсталости страны. Одним из способов её преодоления является развитие контактов с более развитыми странами. Взаимодействие с Россией не является единственным направлением. Несмотря на большую культурную и экономическую дистанцию с передовыми странами англоязычного мира, в Таджикистане закладываются основы программы подготовки специалистов с университетским образованием на английском языке. Её организатором является духовный лидер памирских исмаилитов-низаритов принц Карим Ага-Хан IV. В Хороге – центре Горно-Бадахшанской автономной области, он строит Университет Центральной Азии, о котором студенты-таджики говорят с надеждой и пиететом: «Сейчас

наш духовный руководитель открывает Университет Центральной Азии. В Казахстане открылась, в Кыргызстане – в Бишкеке и вот в этом году или в следующем – в Хороге» (интервью проводилось в мае 2017г) [21]. Преподавание на английском языке объясняется и тем, что это создаст возможность продолжать образование в англоязычных странах, и тем, что учиться в университете Ага-Хана смогут выходцы из целого ряда стран. Известно, что Горный Бадахшан поделён между Таджикистаном и Афганистаном, а общины исмаилитов существуют более чем в двух десятках государств. Но, несмотря на этот англоязычный проект, так или иначе ориентированный на развитие коммуникаций с развитыми странами Запада, Ага-Хан поддерживает и активные связи с Россией – и на уровне существующих здесь общин мигрантов, и на уровне российского истеблишмента. На встрече с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым в апреле 2017г. в Москве Карим Ага-Хан сказал, что встреча очень важна для него, так как «... сотрудничество с Россией является критически важным не только для моего сообщества, но и для всей Центральной Азии, где мы сейчас создаем совместные институты, которые будут иметь большое значение для региона» [22]

В Москве Ага-Хан поддерживает таджиков-исмаилитов, создавших Региональную общественную организацию «Нур». Там, в частности, учат и русскому языку: «Это как школа... они договариваются с определенными компаниями, с определенными школами, с преподавателями... Наш офис трёхэтажный ... там как раз расположены наши офисы все ... по разным вопросам – кто отвечает за учебу, кто-то за спорт ... и часть - процентов семьдесят оплачивает Фонд [Представительство «Фонда Ага-Хана» в Российской Федерации - Н.П.], процентов тридцать ... - родители. А потом, если дети у них достижения лучше, они с уровня на уровень проходят и каждый уровень на 10 процентов меньше и в итоге это становится вообще бесплатно. ... У нас теперь открылась такая же большая центр в Екатеринбурге» [23].

Муаллими рус (Русский учитель) - как миссия и ресурс трансграничного общества

Увеличение численности таджикских мигрантов в России ведет и к расширению дипломатических структур этого государства в России. Помимо посольства в Москве, по данным на 2017г., в России существует ещё 4 Генеральных консульства. Первое из них – в Екатеринбурге, было создано в 2009г. В 2011г. - в Уфе. Его создание связывалось с открытием Генерального консульства России в столице Согдийской области Таджикистана – Худжанде. Сразу два – в Санкт-Петербурге и Новосибирске, были открыты в 2017г. Как правило, открытие этих дипломатических представительств объяснялось наличием большого количества таджиков, которые живут на территории соответствующих Федеральных округов России, проблемами, с которыми они сталкиваются при оформлении необходимых документов и патентов на право работы. По разным данным на территории России в 2017г. проживало от 600 тысяч до миллиона таджиков.

В то же самое время в последние годы ряд российских университетов стал отказываться от приёма абитуриентов из Таджикистана. Причиной этого стало не только слабое знание русского языка, но и слабая подготовка по базовым предметам: «Тенденция, к сожалению, ухудшается, - говорит представитель приемной комиссии одного из томских университетов, - ... из Таджикистана мы уже почти не набираем. В основном это произвольный самопоток, который идет, так скажем, через Россотрудничество, либо через какие-то знакомые связи – может друг сюда приехал, родственники приехали, вот, и они их перетягивают. Что касается наших выездов туда, эээ... , ну опять же говорю, знание русского языка оставляет желать лучшего» [24]. Возникли два противоположных тренда: понижение качества преподавания русского языка и других базовых предметов в Таджикистане и повышение требований к уровню знаний в отношении таджиков, с теми или иными целями въезжающих в Россию. Объективация этих проблем привела к формированию соответствующих рефлексий на межгосударственном уровне. Посетив с официальным визитом Таджикистан в октябре 2016г., Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что Россия поможет с улучшением изучения русского языка в

Таджикистане [25]. Визит Президента России Владимира Путина в страну в феврале 2017г. добавил динамики решению этой проблемы [26]. К началу 2017-2018 учебного года к Таджикистан выехало около трёх десятков учителей русского языка, математики, информатики, физики, химии и биологии. Вероятно, что при отборе первой группы учителей использовалась определенная тактика. Обращает на себя внимание то, что среди участников этого пилотного проекта нет учителей из российских столиц – Москвы и Петербурга. Российская провинция представлена Кемеровской и Костромской областями, а также тремя республиками с преимущественно мусульманским населением – Татарстаном, Башкортостаном и Дагестаном. Поездка учителей из Дагестана связана, очевидно, ещё и с тем, что в то время главой республики был Рамазан Абдулатипов, с 2005 по 2009 год занимавший должность чрезвычайного и полномочного посла России в Таджикистане. Есть среди группы учителей и русские уроженцы Таджикистана, некогда покинувшие эту страну. Педагогический стаж учителя должен составлять не менее пяти лет. Изначально российским специалистам предлагается работать в таджикских школах в течение одного года, но при желании контракт может быть продлён. Причем учителя из России будут не только вести уроки, но и «оказывать методическую поддержку местным учителям». Вернувшись в Россию, педагог сможет занять своё прежнее рабочее место. С учебниками помогает Проект «Русский мир». Учителям обещана высокая зарплата: 14 тысяч рублей за счет бюджета Таджикистана и 60 тысяч – из бюджета России. Она же предоставляет и медицинскую страховку. Жильё учителями предоставляется Таджикистан. Он же оплачивает перелёт педагогов. Оплата труда педагогов вызвала определенную рефлексию в обеих странах, где зарплаты учителей за работу на родине невелики [27].

То, что в Таджикистан поехали учителя из ряда российских регионов с преимущественно мусульманским населением, возможно, не случайно. Это ресурс усиления, вероятно, не только образования, как такового, но и традиционного ислама в противовес попыткам определенных кругов Таджикистана формировать у тамошних школьников приверженность к радикальным течениям данной религии. Таким образом, транзиту религиозных идей из пространства так или иначе связанного с идеей исламского халифата, могут быть противопоставлены гораздо более умеренные течения ислама, не противоречащие функционированию этой религии в условиях сложившихся национально-государственных образований [28]. Если пилотный проект будет удачным, то количество учителей из России в Таджикистан, возможно, будет увеличиваться. Например, в пресс-релизе администрации Томской области по поводу встречи губернатора Сергея Жвачкина с генеральным консулом Таджикистана в Новосибирске Зарди Шамсиддином Курбонзода, говорится, что на фоне иных проблем возможного взаимодействия, они «отдельно обсудили сотрудничество в научно-образовательной сфере». В материале обращается внимание на причины, препятствующие приему студентов из Таджикистана в университеты Томска: «Сегодня в томских университетах учатся 240 студентов из Таджикистана. Это немного, и преградой для резкого увеличения численности таджикских студентов является языковой барьер. «Мы готовы направить в вашу республику преподавателей русского языка, чтобы они готовили школьников к поступлению в наши университеты», - сказал губернатор Сергей Жвачкин» [29]. Позиция губернатора в это ситуации отражает, видимо, консолидированное мнение руководства томских университетов по поводу качества знаний молодёжи, приезжавшей из Таджикистана в минувшие годы. Планы, о которых заявляет руководство России, идут ещё дальше. В ходе вышеупомянутого визита Президента Владимира Путина было сказано, что Россия построит в Таджикистане 20 общеобразовательных школ, обучение в которых будет вестись на русском языке. Куратором этого проекта является вице-премьер Игорь Шувалов. Он сказал, что "Это пока звучит так: это должна быть инвестиция российского государства, школы будет содержать Таджикистан. Но сама материальная инфраструктура будет создаваться за счет бюджетных инвестиций Российской Федерации" [30]. Планируется, что

русские школы будет своеобразным пролонгированным проектом. Их статус будет выше обычных таджикских школ, а выпускники будут иметь высокие шансы на продолжение обучения в российских вузах.

Афсонаҳои нав / Новые русские азиаты

Закладывая свою относительно зыбкую основу в первом поколении мигрантов, трансграничное общество получит своё реальное воплощение в последующих поколениях «новых русских азиатов» - интегрированных в российское общество выходцев из Центральной Азии. Институализация этого феномена произойдет через соответствующие «стратегии воспроизводства», о которых говорит П.Бурдые [31]. Среди них - стратегия матримониального и репродуктивного поведения, а также образовательные стратегии. К особенностям матримониального поведения можно отнести смешанные браки части мужчин-таджиков с представительницами иных этносов из состава принимающего общества. Прежде всего, это может касаться тех, кто, окончив российские университеты, решит остаться в России. Выход из-под контроля семьи в Таджикистане, общение в российской молодёжной среде усиливает усвоение паттернов принимающего общества, что может привести к межнациональным бракам. А эти последние станут механизмом дальнейшего усвоения паттернов местной культуры. К их числу, возможно, будут относиться занятость женщин не в сфере домашнего хозяйства, а в сфере наемного труда, относительная малодетность семьи, повышенные вложения в формирование человеческого капитала детей. Именно этим качеством, а не количеством детей будет характеризоваться сила семейной группы. В последующих поколениях воспроизводство трансграничного общества окажется под влиянием детерминант демографического перехода, описанного в работах А.Г.Вишневого [32]. Деликатной проблемой по-прежнему будет религиозная принадлежность членов семьи. Необходимость и возможность принятия ислама женой, принадлежащей ранее к одной из христианских конфессий или просто выросшей в условиях христианской культуры. Потомки нынешних выходцев из Центральной Азии, в рамках механизма межпоколенческой трансмиссии, будут наследовать воспринимаемый от старших поколений вариант культуры общества исхода и отсорбированные ими паттерны принимающего общества. Всё это приведет к формированию особого габитуса семей, характерного для трансграничного общества. Образовательные стратегии новых русских азиатов будут направлены, если отталкиваться от методологии Бурдые, «... на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы, т.е. передать их в свою очередь группе» [33]. Критерием отбора этих качеств станет эффективность продвижения к обладанию дефицитными ресурсами общества.

Таҳсилоти оӣ (Высшее образование) для преобразования

Трансграничное общество с неизбежностью находится в постоянном взаимодействии с обществом исхода и с принимающим общество. В континууме взаимодействия двух вышеупомянутых стран, одним из направлений его воздействия на общество исхода может быть преобразование клановых систем в системы, основанные на бюрократической целесообразности. Методологией подобного подхода служит рассуждение П.Бурдые о периоде перехода в Англии от «династического государства к бюрократическому», когда велась борьба «между теми, кто не желал знать и признавать ничего, кроме стратегий семейного воспроизводства (братья короля), опиравшихся на кровное родство, и теми, кто прибегал к стратегиям бюрократического воспроизводства (министры короля), основанным на передаче культурного капитала через образовательную систему» [34]. Сила клановой системы Таджикистана может постепенно размываться и заменяться более рациональной системой, построенной не на клановой принадлежности, а на профессиональной компетентности. Трансграничное общество, формирующееся в процессе взаимодействия двух культур, может сыграть в этом процессе заметную роль. Межнациональные экономические группировки и профессионалы высокого уровня, окончившие российские и западные

университеты, могут стать той бюрократической силой, которая постепенно преодолет господство клановых группировок. Знания, профессиональные компетенции, в отличие от клановой принадлежности, не могут наследоваться непосредственно и потому становятся механизмом ротации агентов профессиональной сферы деятельности. Изменение положения в экономической сфере, через опосредующие механизмы, будет постепенно проникать и в сферу политики. Те или иные экономические группировки, основанные на бюрократических началах, а не на клановой принадлежности, будут стремиться получить своё представительство и на политическом уровне. Это путь от возникших на постсоветском пространстве нефеодалных отношений к рыночной бюрократической системе. Процесс подобен тому, что происходил в Европе в период перехода от династического правления к бюрократическому: «На историю европейских обществ оказало очень сильное влияние постепенное развитие внутри поля власти способа воспроизводства, основанного на образовании, влияние которого можно наблюдать внутри самого поля власти в виде перехода от династической логики «королевского дома», опиравшейся на семейный способ воспроизводства, к бюрократической логике государственного интереса (*raison d'Etat*), в основе которой лежит образовательная модель воспроизводства» [35]. Следуя мысли мэтра французской социологии можно сказать, что диплом хорошего российского университета является для выходцев из Таджикистана «пропуском» в систему трансграничного общества. «Школа (в форме «*grande école*») и корпус — социальная группа, которую школа производит, казалось бы, *ex nihilo* (но в действительности из характеристик агентов, связанных с семейной принадлежностью), занимают место семьи и родственных отношений. Кооптация однокурсников на основе студенческой солидарности и принадлежности к профессиональному корпусу играет ту же роль, что и кумовство и клановая солидарность на семейных предприятиях» [36].

Условием формирования трансграничного общества является не только «разделение» личности между *homeland* и *hostland*, как говорилось в начале данной статьи, но и другое качество данного континуума — консолидация индивидов, попавших в трансграничное пространство, в определенные общественные группы. Создание таких корпусов на основе профессиональной солидарности выпускников российских и западных университетов может постепенно преобразовать общество, основанное на клановой консолидации. Обстоятельством, оказывающим косвенное воздействие на движение в данном направлении, может быть распределение учителей из России по всем регионам страны — в Районы республиканского подчинения, в Хатлонскую и Согдийскую области, и даже в Горно-Бадахшанскую автономную область на Памире [37]. Это свидетельствует о том, что запрос на хорошее школьное образование есть во всех регионах страны. Работать учителя из России будут, прежде всего, в «президентских лицеях и школах для одаренных детей». То есть, скорее всего, их учениками будут дети таджикской (в том числе и региональной) элиты. Именно они затем смогут учиться в России и формировать трансграничное общество. В традициях прежних трендов взаимодействия России со странами Центральной Азии и в условиях новых трендов глобализации формирование трансграничного общества будет развиваться ровно настолько, насколько оно будет востребовано перманентными вызовами взаимодействия макрорегионов Северной Евразии и Центральной Азии. Перераспределение ресурсов будет вести не только к изменению социально-экономических, но и этнических реалий. В целом это будет лишь продолжением тех глобальных исторических процессов, которые со времен зарождения человеческой цивилизации шли на пространствах евразийского континента.

Список источников и литературы:

Анн де Танги «Размышления о миграции в постсоветских государствах» // Антропологический форум № 13. С. 323-344. Данная статья является отредактированным

вариантом доклада, прочитанного на конференции «Национальная идентичность в Евразии II: миграция и диаспора» (Wolfson College, Oxford, 10–12 июля 2009 г.).

Бурдые, Пьер. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — С.96-104с.)

Бурдые, Пьер. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — с.101.

Бурдые, Пьер. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — с.102.

Бурдые, Пьер Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.

Бурдые, Пьер Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С.30.

Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. [Электронный ресурс]: URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014> (дата обращения 3.01.2016); Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. [Электронный ресурс]: URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015> (дата обращения 16.01.2016).

Россия увеличила количество квот для таджикских студентов // Информационное агентство Регнум 7 февраля 2017г. [Электронный ресурс]: URL: <https://regnum.ru/news/2236010.html> (дата обращения 10.11.2017).

СТТ-10 - Архив автора.

СТТ-6 - Архив автора.

СТТ-10 - Архив автора.

Бурдые, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 240-241.

Онлайн тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ). [Электронный ресурс]: URL: <https://mgu-russian.com/ru/learn/test-online/> (дата обращения 23.10.2017).

СТТ-16 - Архив автора.

ТДКр-1 - Архив автора.

ТДТ-6 - Архив автора.

ПОВТ-2 - Архив автора.

ТДКр-1 - Архив автора.

ТДТ-6 - Архив автора.

Бурдые, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 31.

СТТ-15 – Архив автора.

Принц Ага-Хан IV встретился с главой МИД России Сергеем Лавровым. [Электронный ресурс]: URL: <http://ru.sputnik-tj.com/russia/20170420/1022111837/aga-khan-IV-vstretilsya-s-sergeyem-lavrovym.html> (дата обращения 20.11.2017).

СТТ-15 - Архив автора.

СПКУ-1 - Архив автора.

Из России с учебниками. Валентина Матвиенко встретила с учителями, которые отправляются работать в Таджикистан / Российская газета 28.08.2017. [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2017/08/28/rossijskie-uchitelja-otpraviatsia-v-tadzhikistan-rabotat-v-shkolah.html> (дата обращения 20.10.2017.)

Визит президента РФ В.Путина в Республику Таджикистан (подборка статей) / Центральноазиатский портал. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ca-portal.ru/article:33395> (дата обращения 15.11.2017).

Кто едет обучать таджикских детей: знакомство с учителями из регионов РФ. [Электронный источник] : URL: <http://sptnkne.ws/fWP8> Обращение 15.11.2017. (дата обращения 25.10.2017); В Таджикистан приехали первые учителя из России. Они будут зарабатывать по 74 тысячи рублей. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.currenttime.tv/a/28705292.html> (дата обращения 15.10.2017); Учителя из РФ поедут преподавать в Таджикистан. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.molbulak.ru/news/tadzhikistan/uchitelya-iz-rf-poedut-prepodavat-v-tadzhikistan/> (дата обращения 15.11.2017).

Борис Джерелиевский. Русские учителя потеснят в Азии религиозных экстремистов / Колокол России. [Электронный ресурс]: URL: <http://kolokolrussia.ru/russkiy-mir/russkie-uchitelya-potesnyat-v-azii-religioznh-ekstremistov#&hcq=nSkY4Cq> (дата обращения 15.11.2017).

Томский губернатор и генконсул Таджикистана обсудили сотрудничество региона с республикой. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.tomsk.gov.ru/news/front/view/id/23432> (дата обращения 25.11.2017.)

Визит президента РФ В.Путина в Республику Таджикистан (подборка статей) / Центральноазиатский портал. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ca-portal.ru/article:33395> (дата обращения 15.11.2017).

Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 102.

Вишневский, А. Г. Время демографических перемен: избр. ст. [Текст] / А. Г. Вишневский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 517с.

Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 103.

Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 107.

Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 112.

Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ;СПб. : Алетейя, 2007. С. 113.

Лилия Гайсина. Зачем в Таджикистан приехали российские учителя. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ca-portal.ru/article:37565> (дата обращения 15.11.2017).

Используемые аббревиатуры:

ПОВТ – Представитель органов власти Томска и Томской области

СПКУ – Сотрудник Приемной комиссии университета

СТТ – Студент таджик из Таджикистана

ТДКр – Руководитель или активный член таджикской диаспоры в Красноярске

ТДТ – Руководитель или активный член таджикской диаспоры в Томской области

Парфенова Елена Ивановна,

научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН,

Чебакова Надежда Михайловна,

старший научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева, ФИЦ КНЦ СО РАН,

Швецов Евгений Геннадьевич,

научный сотрудник Института леса им. В.Н. Сукачева, ФИЦ КНЦ СО РАН

«Оценка условий жизнедеятельности на территории Азиатской России в XXI веке при изменении климата по сценариям СМIP5»

При прогнозе и анализе последствий изменений климата в регулярных отчетах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) [1] определенное внимание уделяется проблемам экологической, в частности, климатической миграции. Как правило, тема изменений климата в контексте миграций ассоциируется с представлением об ухудшении условий жизнедеятельности человека – аридизации, ухудшении качества воды и т.д. – Исходом.

Целью нашей работы было – рассмотреть изменение условий для жизнедеятельности человека на территории Азиатской России с точки зрения показателей экологического потенциала территории и комфортности/суровости климата, которые будут меняться под влиянием прогнозируемого потепления климата к концу века. Эта территория, расположенная восточнее Урала (60ов.д.), составляет около 77% площади России, но по численности населения составляет только 27%, обладая огромными запасами полезных ископаемых, нефти, газа и возобновляемых природных ресурсов.

Объекты и методы

Из множества показателей, используемых для характеристики комфортности климата и условий окружающей среды, мы выбрали степень суровости климата и присутствие вечной мерзлоты [2]. Для оценки экологического потенциала территории мы принимаем показатель экологического потенциала ландшафта (ЭПЛ) в трактовке А.Г. Исаченко (2003), комплексно отражающий тепло- и влагоресурсы территории [3]. Географическое положение границы вечной мерзлоты рассчитывалось на основе климатических индексов тепло- и влагообеспеченности и годового количества осадков. Для определения параметров климата Азиатской России конца текущего века были использованы данные IPCC 2013 (www.ipcc-data.org) – 5-го Доклада Меж-правительственной Группы Экспертов по Изменению Климата (МГЭИК). Были обработаны данные температур января и июля и годового количества осадков по 20 моделям общей циркуляции атмосферы и океана (МОЦАО) ведущих мировых климатических центров. Для исследуемой территории мы проанализировали прогнозные изменения аномалий указанных климатических показателей в соответствии с наиболее мягким (гср 2.6) и наиболее жестким (гср 8.5) сценариями изменения климата для 20 МОЦАО к 80-м годам текущего века с условным временным срезом 2070-2099 г.г. (www.ipcc-data.org).

Экологический потенциал ландшафта (ЭПЛ) по Исаченко [3] рассчитывался как произведение сумм температур выше 10оС на индекс увлажнения, представляющий отношение годовых осадков к испарению. При этом, индекс увлажнения больше 1 (влажный климат) принимался равным 1; а индекс увлажнения меньше 1 (сухой климат) снижал величину ЭПЛ.

Результаты и обсуждение

Были получены карты распределения экологического потенциала ландшафта и суровости условий территории Азиатской России для современного и прогнозного климата текущего века (рис.1.). Как видно из анализа распределений градаций суровости климата по территории Азиатской России, современный климат может быть охарактеризован как

суровый и неблагоприятный. Зона умеренных условий соответствует зоне лесостепи и лишена неблагоприятного влияния вечной мерзлоты.

Ансамблевые изменения январских и июльских температур и осадков к концу века повысятся по всей территории Азиатской России: зимние – на 3–9 градусов; летние – на 2–6 градусов; годовые осадки – на 60–140 мм, в зависимости от сценария.

Как следует из прогнозных расчетов, климат Азиатской России к 2080-м годам станет мягче, с меньшим распространением вечной мерзлоты.

Категории суровости современного климата (экстремально суровый, суровый, неблагоприятный) заменятся на большей части территории на более комфортные (умеренный и относительно благоприятный). Однако, вечная мерзлота не будет отступать так быстро, как повышение температуры приземного слоя, вследствие своей инерционности.

В соответствии с найденной А.Г. Исаченко зависимостью плотности населения от величины экологического потенциала ландшафта, можно ожидать, что потенциальная емкость экологической ниши для человека в Азиатской России может увеличиться к концу текущего века от 3 до 10 раз.

Современное состояние	К 2080-м годам	
	гср 2.6	гср 8.5
Распределение вечной мерзлоты (глубина сезонного протаивания < 2 м)		
Суровость климата: 1 – относительно благоприятный; 2 – умеренный; 3 – неблагоприятный; 4 – суровый; 5– экстремальный; 6 – абсолютно экстремальный		
Экологический потенциал ландшафта: 1 – наиболее высокий; 2 – относительно высокий; 3 – средний; 4 – низкий; 5 – очень низкий; 6 – экстремально низкий		
Изменение категории экологического потенциала ландшафта: 0 – без изменений; 1 – на одну категорию; 2 – на две категории; 3 – на три категории		

Рис. 1. Изменение условий жизнедеятельности человека на территории Азиатской России к концу текущего века

Список литературы:

1. Изменение климата, 2013. Резюме для политиков. https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/wg1/WG1AR5_SPM_brochure_ru.pdf

2. Парфенова Е.И., Чебакова Н.М., Швецов Е.Г. Климат в аспекте комфортности для человека при изменении климата в Средней Сибири в XXI веке. В сб. Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (28–30 ноября 2016 г., Красноярск), с. 70-73.

3. Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию. 2003. Издательство С.-Петербургского университета. 192 с.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 16-05-00496.

Московских Анастасия Валерьевна, Стручева Елизавета Сергеевна, направление «Культурология» Сибирского федерального университета,
Копцева Наталья Петровна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Информационный образ представителей таджикской этнокультурной группы в региональном информационном пространстве (на материале анализа Красноярского края 2014-2017 гг.)»

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, численность таджикской этнокультурной группы на территории Красноярского края составляет 6304 человека, что определяет ее на седьмое место в региональном рейтинге среди представителей стран СНГ [1]. Данный показатель находится в процессе активного роста. По сведениям Красноярскстата, за последние три года в Красноярском крае численность мигрантов из Таджикистана ежегодно увеличивается в среднем на 1359 человек, в основном за счет мужчин трудоспособного возраста, отправляющихся на заработки из-за нестабильной социально-экономической обстановки в республике [1, 2].

К 2000 году, в связи со значительным увеличением доли таджиков среди населения края, диаспора стала принимать активное участие в жизни города. В 1999 году был образован «Красноярский таджикский национально-культурный центр “Пайванд” (Воссоединение)», прекративший деятельность в 2013 году. Также с 2012 по 2014 годы существовала «Красноярская региональная общественная организация национально-культурный центр народов Таджикистана “Саразм”». В 2013 году была учреждена «Красноярская местная общественная организация таджикская национально-культурная автономия “Ватан” (Родина)», действующая по сей день. По данным сайта Дома дружбы народов Красноярского края, таджикская НКА участвует в религиозных и светских мероприятиях, решает проблемы трудовой миграции, координирует отношения с органами власти.

Несмотря на рост диаспоры, её представленность в сети Интернет не имеет широкого характера. В течение 18 лет существования, НКА так и не заявили о себе в виртуальной среде. Исходя из этого, обнаруживается необходимость рассмотрения образа представителя таджикской этнокультурной группы, конструируемого в региональном сетевом информационном пространстве. В следующем исследовании применяется метод контент-анализа, так как данный подход позволяет выделить маркеры, отражающие ценностные ориентации и стереотипы восприятия, связанные с представителями анализируемой этногруппы.

Контент-анализ широко используется в рамках этнокультурных исследований, опирающихся на рассмотрение различных типов информационных каналов. Стоит отметить работы J. Hein, J. Chaikhambung, R. NurMuhammad [3, 4, 5]. В последние годы прослеживается увеличение совмещения контент-анализов социальных сетей, поисковых систем и Интернет-СМИ. В отечественных исследованиях данный метод представлен в работах К.В. Резниковой [6] и П. Фадеева, техника которого применяется в данной работе [7].

Далее представлены результаты контент-анализа трех типов информационных каналов: региональных тематических групп и неофициальных новостных сообществ в русскоязычных социальных сетях “ВКонтакте”, “Одноклассники” и русскоязычной платформе “Facebook”, а также официальных информационных порталов Красноярского края. В выборке участвовал контент, опубликованный с января 2014 по октябрь 2017 года. Анализ был основан на дифференциации ролей, занимаемых словами-доминантами, и оценке эмоциональной тональности контекста. В качестве слов-доминант были выбраны: «таджик»,

«таджичка», «таджики», «таджикский», «таджикская», «таджикские», «таджикское», «уроженец Таджикистана», «уроженка Таджикистана», «уроженцы Таджикистана».

Для мониторинга тематических групп в русскоязычных социальных сетях были выделены восемь сообществ, содержание и участники которых непосредственно связаны с представителями таджикской этнокультурной общности города Красноярска, такие как: «Таджики Красноярска поймут» (<https://vk.com/club77457081>), «Таджички и таджики красноярска» (<https://vk.com/club42558160>), «таджики и таджички красноярск» (<https://vk.com/tj.krasnoyarsk>), «МЫ ТАДЖИКИ» (<https://vk.com/club48260699>), «Молодёжный Союз Таджиков Красноярского края» (https://www.facebook.com/pg/MSTjkK/posts/?ref=page_internal), «Таджики Красноярска» (<https://ok.ru/group/51643357134997>), «Таджики Черема» (<https://vk.com/club132955932>), «Таджики СФУ !!» (<https://vk.com/club120410803>). Общая численность подписчиков оказалась небольшой и составила всего 594 пользователя.

Среднее количество упоминаний слов-доминант (4 ед. на один источник за 46 месяцев) указывает на то редкую актуализацию национальной идентичности в публичных сообщениях. Контент-анализ показал, что представители таджикской этногруппы Красноярска презентуют себя в региональном информационном пространстве с помощью следующих маркеров: “патриот”, “красноярец”, “брат” – направленных на самих представителей этноса, с целью объединения и формирования таджикской общности в регионе. Конструируется положительный образ человека, готового оказать помощь и поддержать своего земляка вдали от родины.

Таблица 1. Данные контент-анализа тематических сообществ за 2014 – октябрь 2017 гг.

Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Главн.роль	Втор.роль
24	17	7	0	22	2

Для контент-анализа популярных неофициальных новостных сообществ в русскоязычных социальных сетях были отобраны девять групп, основанных на публикации мнений горожан: «Я Люблю Красноярск» (<https://vk.com/ilovekrsk>), «Наш город Красноярск» (https://vk.com/nash_krasnoyarsk), «Я живу [В] Красноярске» (https://vk.com/live_kras), «Узнавай [В] Красноярске» (https://vk.com/uznavai_krsk), «ЧП Красноярск» (https://www.facebook.com/pg/kraschp/posts/?ref=page_internal), «Нетипичный Красноярск» (<https://vk.com/krasnetip>), «Я умру [В] Красноярске» (https://vk.com/dead_kras), «Подслушано в Красноярске» (<https://vk.com/krskoverhear>), «Подслушано в Красноярске» (https://vk.com/krsk_overhear). Выборка была осуществлена по количеству подписчиков и популярности генерируемого контента. Общая численность подписчиков составила 1053416 пользователей.

Среднее количество упоминаний слов-доминант составляет 3 ед. на один источник за 46 месяцев. Основной интерес горожан составляет непосредственная деятельность представителей рассматриваемой общности, их участие (негативное и позитивное) в жизни региона. Восприятие таджикского этноса среди жителей города стереотипизировано, и несет преимущественно негативный характер, указывающих на неприятие и намеренную отстраненность от представителей рассматриваемого этноса: «чужой», «преступник», «разнорабочий». Демонстрируется и высмеивается инаковость рассматриваемого этнокультурной группы, ограничиваются сферы деятельности, исключается взаимодействие “на равных”. Формируется образ таджика, как маргинала, субъекта, потенциально опасного для общества.

Таблица 2. Данные контент-анализа неофициальных новостных сообществ за 2014 – октябрь 2017 гг.

Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Главн.роль	Втор.роль
31	4	16	11	19	12

Для проведения контент-анализа официальных информационных городских Интернет-порталов были выделены по рейтингу популярности следующие новостные источники: «Проспект Мира» (<https://prmira.ru/news/>), «Newslab.ru» (<http://newslab.ru/>), «Красноярский краевой медиа-портал “Столица 24”» (<http://stolitca24.ru/>), «НГС. Новости Красноярск» (<http://ngs24.ru/news>), «Красноярский край. Официальный портал» (<http://www.krskstate.ru>), «Городские новости» (<http://gornovosti.ru/>). Среднее значение посещаемости представленных сайтов составляет 42% от общего числа жителей города Красноярска [8].

Было выявлено низкое среднее количество употреблений слов-доминант (14 ед. на один источник за 46 месяцев при общем охвате в среднем - 25 новостных постов/день), их преимущественно индифферентный характер, дублирование новостных поводов. Контент-анализ популярных официальных информационных городских Интернет-порталов позволил выделить следующие маркеры: “равный”, “соотечественник”, “социально активный субъект”, “мигрант”, “разнорабочий”, “раб”, “нелегал”, “преступник”, обладающие крайней противоречивостью, и конструирующие двойственный образ представителей таджикской этнокультурной группы, как людей готовых соблюдать законы принимающего государства, но не имеющих возможности реализовать свое стремление из-за отсутствия адекватных условий социализации.

Таблица 3. Данные контент-анализа официальных новостных порталов за январь 2014 – октябрь 2017 гг.

Всего	Положительные	Отрицательные	Нейтральные	Главн.роль	Втор.роль
82	29	19	34	45	37

Можно сделать вывод, что в региональном информационном пространстве отсутствует определенный образ представителя таджикской этнокультурной группы. Сосуществуют три разных позиции отношения к таджикам: положительная – формирующаяся изнутри, отрицательная – исходящая от городского сообщества, и нейтральная – транслируемая официальными Интернет-СМИ. Общее количество медиаповодов, зарегистрированных с января 2014 по октябрь 2017 года (137 ед.), указывает на замкнутость, низкую активность представителей таджикского этноса в информационном пространстве Красноярского края, причиной чего может служить как отсутствие адекватных социально-экономических условий, так и незаинтересованность НКА и представителей этногруппы в демонстрации сплоченности диаспоры в виртуальном пространстве, что может привести к разрыву межкультурной коммуникации.

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2010 года [электронный ресурс]: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

«Красноярскстат» — федеральная служба статистики [Электронный ресурс]:
Официальная статистика // Красноярскстат. – Режим доступа: <http://www.krasstat.gks.ru>

Hein, J. The urban ethnic community and collective action: Politics, protest, and civic engagement by Hmong Americans in Minneapolis-St. Paul / J. Hein // *City and Community*. – 2014 – №13 (2). – P. 119-139.

Chaikhambung, J. Knowledge classification on ethnic groups in Thailand / J. Chaikhambung, K. Tuamsuk // *Cataloging and Classification Quarterly*. – 2017. – 55 (2). – P. 89-104.

NurMuhammad, R. Uyghur transnational identity on Facebook: on the development of a young diaspora / R. NurMuhammad, H.A. Horst, E. Papoutsaki, G. Dodson // *Identities*. – 2016. – №23 (4). – P. 485-499.

Резникова К.В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // *Litera*. – 2016. – № 2. – С. 20-34.

Fadeev, P. The perception of different ethnic groups in the mass media of Saint Petersburg / P. Fadeev // *Mir Rossii*. – 2017. – №26 (1). – P. 103-126.

Сервис статистики LiveInternet.ru [Электронный ресурс]: Статистика сайтов // LiveInternet.ru – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/stat/>

Севруженко Наталья Сергеевна, Семакова Наталья Александровна,
направление «Культурология» кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета,
Замараева Юлия Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

*«Этническое осознание армян в региональном информационном пространстве
Красноярского края»*

Красноярский край – межэтническое и межнациональное пространство, в котором на сегодняшний день проживает 159 этносов. Каждая этническая группа пытается сохранить свою идентичность. Поэтому тема этнической манифестации является актуальной в силу возможного проявления этнического самосознания в коммуникативной среде различных национальных культур. Один из самых выделяющихся народов на территории Красноярского края – армяне, обладающие самобытной богатой национальной культурой.

Цель исследования:

Выявить этническую манифестацию культуры армян Красноярского края.

Первые официальные сведения об армянах, прибывших на территорию Красноярского края, появились в XIX веке. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., здесь проживало 44 представителя армянской национальности. В середине XX века количество армян в Красноярском крае значительно увеличилось. Это было связано с происходившими в то время событиями. После войны, в период индустриального развития в Сибири, армяне стали активно заселять данный регион не только в период сезонных работ, но и на постоянное место жительства. По переписи 1939 года, на территории Красноярского края — 400 человек. Согласно переписи 1959 году, в Красноярском крае — 1,2 тыс. человек.

На рубеже XX-XXI вв., в связи с политической ситуацией в стране – распад СССР, а также с осложнением политического и социально-экономического положения Северного Кавказа, началась массовая миграция населения из Армении. Все больше человек среди армян становились оседлыми жителями в различных районах Сибири. Стали активнее практиковаться межнациональные браки. В 1989 году, по данным переписи, в Красноярском крае проживало 3 тыс. армян. С 1989 по 2002 года в Красноярском крае армянское население увеличилось в 3,5 раза. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года их уже составляло 10, 677 человек.

В основном, армяне проживают в городской местности (86,7%), большая часть из которых – в городе Красноярске (6,1 тыс. чел.), а также в Ачинске и Норильске.

В 1998 г. в Красноярске открылось общество армянской культуры «Ехпайрутюн» («Братство»). В 2000 г. начал работать народный хореографический ансамбль «Армения». В 2003 г. в Красноярске произошло открытие храма Святого Саркиса (Сурб Саргис). А совсем недавно – 1 октября 2017 года, открылась армянская воскресная школа им. Месропа Маштоца.

В настоящее время не существует точного определения феномену, называемому «этническая манифестация». Самыми близкими по смысловому значению к этому понятию являются определения манифестации культуры и этнической идентичности, из которых, в свою очередь, формируется ключевая дефиниция данного исследования.

Таким образом, этническая манифестация – это процесс трансляции в общество набора ценностно-мировоззренческих принципов и культурных идеалов с целью выразить свою принадлежность к определенной этнической группе.

Анализ группы ВКонтакте

В качестве объекта анализа было выбрано сообщество «Армяне Красноярска» в социальной сети ВКонтакте. Группа открытого типа, публикующиеся в ней материалы находятся в свободном доступе для каждого человека, вне зависимости от возраста, пола и национальности. Количество участников (18.11.17) 1576 человек. Группа существует с 2008г. В сообществе 36 тем для обсуждений, наибольшая активность участников в обсуждениях приходилась на 2009-2011гг. Последнее добавление в альбомы записей в формате видео было в 2012г. Фотографии разделены на 114 альбомов.

В ходе анализа группы (по большей части «стена» сообщества) было выявлено, что этническая манифестация армянской культуры проявляется через общественные организации Красноярска: Армянскую церковь святого Саркиса, Дом Дружбы Народов Красноярского края, Дворец Труда и Согласия, молодежный центр центрального района «Зеркало», Армянскую Воскресную школу, Армянское национальное культурное общество «Ехпайрутюн», которые являются площадками для проведения национальных праздников и мероприятий, образовательных и развлекательных программ.

Этническая манифестация в информационном поле группы Вконтакте выражается посредством: репостов новостного контента с различных сообществ; фото-видеоматериалов; музыкального содержания исключительно армянских исполнителей. Перечисленные инструменты манифестации связаны с событиями, напрямую касающихся жизни армянской общины Красноярска. Основные темы новостного контента группы – национальные и всероссийские праздники, деятельность публичных личностей-армян, творческие и спортивные мероприятия, работа общественных организаций. Эти темы освещены в качестве информирования о предстоящих и прошедших событиях.

Все темы, публикуемые «на стене сообщества» сопровождаются специальными хештегами #армянекрасноярска.

В группе в социальной сети ВКонтакте «Армяне Красноярска» манифестация не выявлена в языке, весь текст излагается на русском языке. Также манифестация отсутствует в развлекательно-познавательном контексте: нет исторического материала, культурного просвещения, разных развлекательных форм.

Анализ фокус-группы

Была проведена фокус-группа с активистами армянского молодежного общества в количестве 8 человек. Возраст участников, ориентировочно, 20-28 лет. Целью фокус-группы было в ходе дискуссии выявить особенности этнической манифестации армянской культуры и существует ли она вообще.

Ребята отлично знают историю своего народа, когда были основные волны переселения армян в Красноярский край (после землетрясения в Ереване и распада СССР).

Участники группы заявляют, что они нацелены на сохранение традиций, культуры, просвещение молодежи.

Беседа началась с вопроса, считают ли армяне важным демонстрировать свою этническую принадлежность другим людям и почему. Все единогласно сошлись во мнении что это необходимо.

Этнические группы, ярко выражающие свою этническую идентичность, по мнению участников фокус-группы: армяне, чуваша, азербайджанцы, татары, осетины. Манифестация этих национальностей проявляется через крупные мероприятия, организованные на высшем уровне; и через широкую информационную поддержку своей национальной структуры.

Вопрос на тему информационного поля армянской национальности вызвал активную реакцию респондентов. По словам участников фокус-группы, одно из проявлений этнической манифестации выражается в информационном пространстве, а именно в социальных сетях. Один из участников отмечает важное значение информационного поля, которое вокруг себя формирует то или иное сообщество, говоря, что, если люди организуют хорошее

мероприятие, но никому об этом не рассказывают, следовательно, информация не распространяется, и ни о мероприятии, ни о людях никто не узнает. И именно у чувашей, татаров, азербайджанцев, евреев, на взгляд участников, высокого уровня информационная политика. Однако, еврейские мероприятия закрыты для посещения другими национальностями, таким образом, этнические особенности не манифестируются в общество. Довольно продолжительное время участники высказывались об информационном поле армянской культуры, что они подразумевают под этим понятием и что оно в себя включает. С 2010 года работает сайт армянской общины «Ехпайрутюн». Ежедневно он собирает около двух с половиной тысяч посетителей, и входит в топ армянских интернет-ресурсов по всей России. Сейчас, отмечают участники, этот сайт немного устарел, но в 2010-2012 годах он являлся движущей информационной силой. Снижение популярности связано с развитием группы «Армяне Красноярска» в социальной сети ВКонтакте», в дальнейшем, появлением страницы ВКонтакте «Информационный агент сайта армян Красноярска», созданием аккаунта в «Инстаграме», группы в социальной сети «Одноклассники», которая является лидером по просмотрам среди всех интернет-сообществ. Непрерывный рост аудитории в группах в социальных сетях связан с публикуемыми там материалами и желанием людей быть в курсе всех событий.

Участники фокус-группы отмечают, что армянская община является одной прогрессивных в плане продвижения в социальных сетях и образования своей информационной площадки. Армянская община пользуется такими маркетинговыми инструментами, как таргетинг и смс-рассылка, чтобы привлечь еще больше людей к мероприятиям. Участники фокус-группы признаются, что такая активная информационная деятельность осуществляется, потому что им хочется, чтобы как можно больше людей были вовлечены в армянскую культуру, заинтересованы в межнациональной коммуникации, обмене ценностями, традициями и обычаями. Главная причина мотивации множественных инициатив армянской общины заключается в следующих словах: «Мы - армяне и мы хотим, чтобы о нас знали. Мы хотим, чтобы вы знали, кто ваши соседи и какая у нас особенная культура с тысячелетней историей».

Респонденты говорят, что каждое общенациональное мероприятие, освещаемое в социальных сетях с корпоративных страниц и групп, обязательно сопровождается специальными хештегами #армянекрасноярска. С личных аккаунтов хештеги используются в большинстве случаев, либо во время празднования свадеб, так как это значимое событие, либо в деятельности, связанной с общением с другими этническими группами, в рамках национальной политики. В неформальном общении, досуге все зависит от человека и его желания «отметиться» данным хештегом. Некоторые респонденты уточнили, что знают людей, которые под многими фотографиями повседневной жизни указывают хештег #армянекрасноярска.

Национальные праздники и традиции, через которые также активно выражается этническая манифестация, имеют важное значение для армян. Участники фокус-группы рассказали о том, какие массовые мероприятия, организуются ими на общегородском уровне. Два крупных национальных праздника с высоким уровнем подготовки – это День матери, любви и красоты, проходящий 7 апреля, и День армянской культуры, отмечаемый в сентябре. Эти праздники, на протяжении двух лет собирают более тысячи человек.

Также одно из немаловажных ежегодных мероприятий посвящено геноциду армян. На нем показывают фильмы, рассказывают о каких-либо исторических фактах, проводят акции, для того, чтобы призвать к миру и согласию народов. Члены армянского общественного движения проводят лекции для сотрудников ГУ МВД, курсантов, в рамках акции «Дни национальных культур», с целью просвещения о том, кто такие армяне, какова их культура и традиции, а также для формирования объективного мнения об армянах.

Традиции, которым молодое поколение следует в повседневной жизни, в первую очередь касаются взаимоотношений между парнем и девушкой. Таким образом трансляция манифестации армянской идентичности через традиции осуществляется в поведении, предписанном их национальной культурой. Эти традиции свяшенно оберегаются и сохраняются. Другие традиции быта почти полностью демократизировались, изменились под лад современного мира.

На вопрос о том, какие общественные организации и заведения способствуют выражению этнической идентичности армян, был получен ответ, что существуют культурные институты, где раскрывается и реализуется творческий потенциал. Такие институты – это Дом Труда и Согласия, где находится межнациональный культурный центр и Дом Дружбы Народов. Площадки для встреч, общения, обсуждения разных тем – это молодежный центр «Зеркало», Армянская церковь.

Коммерческие заведения, такие как: армянский магазин с сувенирной продукцией, кафе и рестораны национальной кухни, в малой степени участвуют в процессе манифестации армянской культуры, в связи с тем, что в Красноярском крае, как не густо населенном армянами районе, маленький спрос на подобные заведения. Здесь нет крупных армянских общин, как, например, в Москве и Санкт-Петербурге, Краснодаре, Сочи. В Красноярском же крае, как отметили респонденты, проживает около 30000 армян по неофициальным данным.

Респондентами отмечается, что через кухню передаются важные культурные ценности. Примером, когда кухня является формой этнической манифестации, может служить межнациональный творческий конкурс-викторина «Вкус согласия», который был выигран семьей армян из Канска.

В ходе обсуждения выяснилось, что армянский язык не манифестирует этническую принадлежность. Разговорная речь на армянском языке в общественных местах не используется, только русская. На родном языке говорят в кругу семьи (в большинстве случаев, старшее поколение). Традиционный армянский акцент существует только у старшего поколения, у молодых людей цели сохранять или возродить его не существует. Участниками отмечено, что у армян, живущих в России, присутствует русский акцент в армянской речи. Также, респонденты отмечают, что в Красноярском крае армянский язык никак не культивируется. Приводится в пример Новосибирск и Кемерово, где армянские общины чаще употребляют в общении армянский язык и стараются делать его актуальным. На вопрос почему этого не происходит в Красноярске, участники ответили, что здесь так не сложилось. Тем не менее, знание армянского языка является важным элементом национальной идентичности и, по мнению, респондентов детям обязательно нужно знать и учить армянский язык. Существует Армянская Воскресная школа, где людей разных возрастов обучают читать, писать, говорить на армянском языке.

Во внешних признаках – в одежде, украшениях, прическах, манифестация армян почти не выражается. Ребята поделились, что существует множество армянских аксессуаров – серебряные пояса, серьги, платки, кошельки, скатерти, футболки с армянскими принтами, но они не используются повсеместно.

Кроме того, армянам сложно отличить представителя своей национальности от другого. Многие сошлись на том, определяют армянина скорее интуитивно. При этом они радуются, когда видят в каком-либо месте человека своей национальности, так как ощущают себя не чужими в России. Некоторые отмечали, что девушек армянок легче определить, чем парней армян. Такие признаки, как большие выразительные глаза, острые черты лица, у девушек «фигуристость» – это те признаки, по которым можно узнать человека армянской нации.

Также подтверждает факт отсутствия манифестации посредством внешнего вида армян то, что участники беседы часто сталкивались с тем, что их путали с представителями других национальностей – с греками, грузинами, азербайджанцами и другими. На вопрос «Как вы

относились к этому?», они ответили, что все зависит от национальности, с какими их путали. Так, из-за плохих политических отношений с Арменией с Азербайджаном, исторического прошлого и конфликтами между этими нациями, армянам не очень приятно, когда их называют азербайджанцами. В этом случае они пытаются донести, что они именно армяне. Та же ситуация с турками, так как в прошлом у них происходили межнациональные конфликты, которые наложили негативный отпечаток на их отношения.

Как говорят сами участники фокус-группы, армяне все же пытаются вести себя дружелюбно с другими нациями. Армяне очень открыты, у них есть хорошие друзья других национальностей. Их открытость к другим нациям можно увидеть по информационной политике, которую проводят члены армянского общественного движения.

Все участники сошлись во мнении, что Красноярский край способствует развитию армянской культуры, всячески оказывает поддержку в проведении праздников и разных мероприятий. Существует множество областей для реализации профессионального и творческого потенциала. В Красноярском крае создана благоприятная среда для манифестации этнической идентичности армянской культуры. Армянская община выигрывает множество грантов на всероссийских творческих конкурсах.

В конце обсуждения, участники фокус-группы высказали свое понимание «этнической манифестации». Они пришли к выводу, что это самоутверждение, призыв показать свою культуру, а также формирование позитивного имиджа армян в Красноярском крае. У большинства участников жизненный девиз – «Каждый армянин – лицо нации». Поэтому у них есть определенные задачи, направленные на то, чтобы люди были осведомлены об армянской культуре, а также о том, что армяне – христиане. Как отмечают армяне, в последние годы чувствуется спад интереса к их культуре, поэтому армянская община разрабатывает различные проекты, которые способны «зацепить» людей.

Выводы

На материале анализов информационного поля и фокус-группы, можно подвести итог, что этническая манифестация культуры армян существует в следующих формах:

Интернет-сообщества (сообщества «Армяне Красноярска» в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники; сайт «Ехпайрутюн»; аккаунт в инстаграме)

Общественные мероприятия (День армянской культуры, День матери, любви и красоты; акции, проекты, посвященные историческим событиям; благотворительность; лекции об армянской культуре)

Общественные организации (Дом Дружбы Народов, Дом Труда и Согласия, молодежный центр «Зеркало», Армянская церковь Святого Саркиса, Армянская Воскресная школа – Армянская национальное культурное общество «Ехпайрутюн»)

Данные формы находятся в открытом доступе и функционируют с целью распространения армянской культуры и формирования позитивного имиджа армян.

Инструментами для поддержания этнической идентичности в информационном пространстве являются:

Репосты новостного контента с различных сообществ

Фото-видео материалы

Музыкальное содержание

Таргетинг

СМС-рассылка

Хэштеги

Инструменты для поддержания этнической идентичности, используемые при проведении общественных мероприятий:

Творческая деятельность (хореографический ансамбль «Армения», выступления известных личностей: музыкант Аргишти, певица Моника Назарян и тд.)

Образовательные программы (лекции в ГУ МВД в рамках акции «Дни национальных культур», лекции по армянской культуре, традициям и обычаям в Воскресной школе; мастер классы психолога-психотерапевта Лилит Сарибекян «Сценарий жизни»)

Интерактивные программы (интерактивная площадка «Армянская деревня» на Дне Армянской культуры, взаимодействие зрителей с экспозициями на Дне Армянской культуры - объемные буквы армянского алфавита)

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что данные, полученные при анализе группы «Армяне Красноярска» в социальной сети ВКонтакте, в целом, совпадают со словами участников фокус-группы. Этническая манифестация культуры красноярских армян была выявлена.

Ольхина Дана Владимировна,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Замараева Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Влияние политики НЭПа на приток миграции в Красноярский край»

Новая экономическая политика (сокр. НЭП) — экономическая политика, проводившаяся в 1920-е годы в Советской России.

Была принята 14 марта 1921 года X съездом РКП(б), сменив политику «военного коммунизма», проводившуюся в ходе Гражданской войны, которая привела Россию к экономическому упадку.

Главными целями данной политики стали: снять социальную напряжённость, предотвратить дальнейшее усугубление разрухи, выйти из кризиса и восстановить хозяйство.

Кроме того, нэп был нацелен на восстановление нормальных внешнеполитических связей, на преодоление международной изоляции.

С начала 20-х годов наметился процесс усиления контроля и регулирования экономики. Это привело к разработке первого пятилетнего плана развития народного х-ва СССР.

В 1930-е гг. в результате административной реформы в Сибири вместо старого деления на округа были введены новые структуры: области, края и районы. Сибирский край был разделен на две части: Западно-сибирскую и Восточно-Сибирскую. А 7 декабря 1934 г. было принято постановление Президиума ВЦИК об образовании Красноярского края в составе 52 районов.

Административным центром нового края стал Красноярск. К этому времени население города уже превысило 170 тыс. жителей. Значительные изменения в этот период произошли в социальной структуре населения. Самой быстро растущей группой были промышленные рабочие. Их численность на 1 января 1933 г. составила 25090 человек. В 1938 г. на предприятиях города трудилось 52 тыс. рабочих и служащих, что составляло треть населения города.

Енисейская губерния была одной из первых сибирских губерний, открытых для переселения еще в конце XIX века. С этого времени переселение в нее не прекращалось до начала Первой мировой войны, и к 1914 году переселенцы уже составляли более половины жителей губернии.

После Октябрьской революции советское правительство планировало организовать переселение в восточные районы с целью решения земельного вопроса. В 1918 на переселение в Сибирь было подано около 300 тыс. заявок крестьян центральных губерний. Начавшаяся Гражданская война вызвала к жизни стихийные миграционные процессы, в результате которых в 1920 в Сибири оказалось 500 тыс. не приписанных к земельным обществам лиц. После окончания войны переселение в восточные районы было определено как важнейшая народно-хозяйственная задача, обусловленная, во-первых, потребностью быстрого вовлечения в хозяйственный оборот пустующих земель на востоке страны и, во-вторых, необходимостью смягчения аграрного перенаселения в европейской части страны.

Выделяется несколько этапов планового сельскохозяйственного переселения в советское время:

1-й этап: 1920-24. Плановое переселение в эти годы официально не проводилось (за исключением переселения из голодающих из-за неурожая европейских губерний). Основной задачей переселенческих органов было хозяйственное устройство переселенцев прежних лет в районах дореволюционной колонизации. Самовольное переселение в восточные районы

продолжалось, его масштабы возрастали. В 1920-22 в Сибирь прибыло более 300 тыс. беженцев из голодающих губерний.

2-й этап: 1925-29. Плановое переселение в стране было открыто 10 апреля 1925. Предпосылкой этого процесса стал рост стихийных миграций, вызванных аграрным перенаселением в европейской части страны, наличием плодородных земель за Уралом, стремлением крестьян расширить свое хозяйство за счет увеличения площадей используемых земель.

Особенностью данного этапа было непосредственное участие государства в организации переезда и хозяйственного устройства, большое количество самовольных переселенцев, увеличение масштабов переселения в 1927 в связи со снятием всяких ограничений, значительной материальной помощью государства, стремлением избежать *коллективизации*, голодом в северо-западной районе СССР.

Плановые переселенцы:

Год: 1920-е.

Всего: ок. 900 тыс.

Из них: 70 % из европейской части России,

20 % - с Украины,

10 % - из Белоруссии.

Доля переселенцев в Сибирь от общего числа переселенных по СССР колебалась от 36 % в 1926/27 до 63 % в 1928/29. В Сибирском регионе закрепилось около 80 % перемещенных семей.

Одновременно с плановыми переселенцами в этот период в Сибирь прибывало и большое число стихийных мигрантов, которые приравнивались к плановым переселенцам в случае, если селились на землях колонизационного фонда. В конце 1920-х гг. переселение стало проводиться в так называемом гнездовом порядке, т. е. в составе ранее созданных колхозов. В восточных районах в это время на переселенческих участках создавались совхозы. Всего в 1920-е гг. в Сибирь прибыло 1,2 млн. плановых переселенцев и учтенных самовольных мигрантов.

Общие выводы исследования исходя из поставленных задач.

Образование края явилось мощным толчком для развития экономики Красноярска. За годы пятилетки выпуск промышленной продукции края вырос в 3,4 раза, численность рабочих возросла в 2,5 раза. Промышленность города Красноярска выросла в 6,5 раз. В основном велась техническая реконструкция ранее созданных предприятий, одновременно с ними сооружались и новые предприятия.

Промышленное развитие края поставило решение проблемы подготовки кадров: была расширена сеть школ, ФЗУ, курсов по ускоренной подготовке специалистов, индивидуальное и бригадное обучение на производстве.

Пополнение колхозов и совхозов Сибири трудовыми ресурсами в 1920-30-е гг. способствовало развитию сельского хозяйства региона. Плановое переселение повлияло и на другие сферы жизни сибирского общества - социокультурную, демографическую и пр. Среди переселявшихся 80 % составляли лица в возрасте 25-35 лет, что способствовало омоложению сельского населения принимающих районов. Переселение дало мощный толчок строительству жилья и объектов социально-культурного назначения, созданию сельской инфраструктуры. Новоселы и старожилы оказывали взаимное влияние на культуру и быт друг друга. Этнические особенности размещения населения в Сибири способствовали процессам ассимиляции, одной из движущих сил которой стали смешанные (межнациональные) браки.

Не смотря на то, что сейчас экономическая политика государства изменилась, Красноярск остается экономически привлекателен для мигрантов. Трудовые мигранты всегда входили и, полагаю, будут входить в состав населения края. Красноярск и сегодня переживает экономический подъем. Это обуславливается притоком средств в город в связи с

проведением универсиады в 2019г. Основываясь на опыте прошлого, можно предположить, что данное событие будет являться новым катализатором миграционных волн на территорию Красноярского края.

Луцык Даниил Николаевич,

*направление «Искусства и гуманитарные науки» Сибирского федерального университета,
Замараева Юлия Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета*

*«Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде Сибирского
федерального университета»*

В статье представлено культурологическое исследование «Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде СФУ». Цель исследования заключается в самой теме – понять, фиксируется ли в сознании современной молодёжи этническая манифестация как культурное явление. Нами была разработана специальная анкета из 10 вопросов преимущественно открытого характера. Анкета содержит вопросы, касающиеся такого культурного феномена, как этническая манифестация. Также анкета включила в себя краткое содержание понятия «этническая манифестация», поскольку данное понятие ново и студенты могли не быть с ним знакомы.

По всем этим вопросам мы сейчас пройдемся и придем к выводу, существует ли этническая манифестация в сознании студентов, обучающихся в Сибирском федеральном университете. Для валидности исследования анкетирование проведено среди ста студентов технических и гуманитарных направлений.

Поскольку Красноярский край является территорией, общей для 159 этносов, то этническая манифестация может присутствовать в культурном поведении, посредством СМИ. Нам как исследователям стало интересно: присутствует ли в повседневной жизни этническая манифестация? Если «да», то какие этносы манифестируют свою культуру?

Исследование проведено поэтапно: разработка анкеты, проведение анкетирования, обработка и анализ полученных результатов, фиксация присутствия или отсутствия исследуемого феномена – в процентном соотношении, выводы исследования.

1 вопрос «Как Вы считаете, важно или не важно демонстрировать другим людям свою этническую принадлежность?»

Как мы видим с вами из представленного графика, более 50% респондентов считают, что это делать не важно. В ответах также прослеживается тот факт, что некоторые студенты боятся, что активная демонстрация своей этнической принадлежности может привести к конфликтам

2 вопрос «Каким образом люди проявляют свою этническую принадлежность?»

В рамках второго вопроса даются еще 7 подпунктов, где студенты должны были согласиться или не согласиться с определенным тезисом

1 подпункт С помощью одежды

Здесь мы подсчитывали, сколько дано ответов вообще и из тех ответов уже высчитывали, где проявляется этническая манифестация, а где нет. В итоге, в 91 анкете этническая манифестация не фиксируется, а из тех 9, что фиксируется, можно выделить представленные на слайде народы: шотландцы(ходят в юбках, носят килт), украинцы(ходят в вышиванках), башкиры(носят на голове особый головной убор), хакасы(ходят в национальной одежде)

2 подпункт «С помощью прически» Как люди проявляют свою этническую принадлежность с помощью прически.

Вот, опять же, как мы можем видеть на графике, 49 % респондентов не фиксируют этническую манифестацию, хотя ответ был да («да», «нет»), а также у нас большое количество пустых ответов, то есть ответа не дано вообще и это тоже можно считать, как «не фиксируется этническая манифестация», ибо студенты не смогли ответить на этот вопрос. Из

названных народов: хакасы(до брака носят много кос, после свадьбы – только 2), евреи, японцы(волосы собирают в пучок и закрепляют палочками), узбеки

«С помощью приверженности к определенной кухне». Конечно, надо быть честным и сказать, что студенты в анкетах писали, что «мусульмане не едят свинину» и таких ответов много, но это не проявление этнической манифестации, а само понятие «мусульмане» - весьма объемно для определения конкретных этнических групп.

Как мы видим из представленного графика, этническая манифестация фиксируется лишь в 13 анкетах.

Из названных этносов наибольший процент ответов набрали: буряты (не едят соленое, едят много яиц, блюда из определенного вида животного, в зависимости от сезона, позы), китайцы (любят все острое и ароматное), японцы(рис, морепродукты, овощи), узбеки(плов)

«С помощью религии». В этом подпункте этническая манифестация фиксируется лишь в 15 анкетах. Из этносов: буряты(буддизм), русские(православные, христианство), азербайджанцы(мусульмане), евреи(религиозные традиции очень яркие и узнаваемы)

« С помощью приверженности к моноэтническим бракам»

Здесь этническую манифестацию мы фиксируем лишь в 5 случаях. Из названных этносов: евреи(практикуются для чистоты крови, еврейский брак), татары (отдают предпочтение моноэтническим бракам (сказано в анкете-прим.)), шорцы(просто назван этнос)

«С помощью украшений»

В этом вопросе тоже этническая манифестация фиксируется крайне мало, лишь в 10 анкетах. Из названных этносов: эвенки(носят этнические украшения), хакасы(этнические украшения – нагрудник), евреи(звезда Давида) и украинцы(вплетение разноцветных лент).

« С помощью создания общественных организаций».

Здесь мы видим, что в основном студенты пропускают эту графу, или отвечают на нее стандартными ответами «да», «нет». Из тех 10 анкет, где фиксируется этническая манифестация, можно выделить евреев(община на территории Красноярского края), китайцы, немцы(немецкая диаспора в Красноярске), азербайджанцы(центр культуры азербайджанского народа)

3) Что еще может свидетельствовать о принадлежности человека к определенной этнической группе?

На выбор было дано 4 варианта ответа: 1)Акцент, Частое употребление слов и выражений родного языка, политические предпочтения, любимые произведения искусства.

В итоге, можно прийти к выводу, что основная часть студентов считает, что акцент и частое употребление слов и выражений родного языка может свидетельствовать о том, что человек принадлежит к определенной этнической группе. Такие цифры указаны потому, что в одной анкете может содержаться сразу по 4 ответа

«Можете ли вы определить принадлежность других людей к определенной этнической группе?»

Здесь можно сказать, что студенты в состоянии определить этническую принадлежность(речь, голос, акцент), но назвать какой-то конкретный народ не могут. И что важно, на этот вопрос у нас очень мало ответов, подавляющая часть студентов его просто пропустила

Какие этнические группы наиболее ярко показывают свою этническую принадлежность.

Здесь, конечно, стоит отметить, что студенты указывают либо приверженность к определенной религии(мусульмане, католики, иудеи) и называют «людей с гор», «кавказские народы» и т.д, но таких анкет мало.

Из того числа анкет, где этническая манифестация фиксируется наверно, можно выделить следующие этносы: армяне, таджики, азербайджанцы, татары, тувинцы, евреи и ряд других. Здесь представлены те, которых в анкетах было большинство.

Какие этнические группы не демонстрируют свою этническую принадлежность?

Ну и наконец последний вопрос. Здесь наиболее всего выделяются русские, белорусы, китайцы, украинцы.

Получается, что менее 50% ответов у респондентов не фиксируют этническую манифестацию как культурное явление (особенно на уровне конкретных этносов), т.е. этот феномен не проявлен в окружающем пространстве города и края. Однако количество зафиксированных ответов явно указывает на то, что студенты понимают этот культурный феномен. Проявление этнической манифестации народов Красноярского края – минимально. Осознание этого факта студентами СФУ (ведущего вуза в Сибири) указывает на будущность благоприятного развития многонационального общества Красноярского края. В ответах респондентов проявлена стратегия интеграции с представителями крупных национальных групп.

Абдуманов Роман Анатольевич,

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета

«Опыт Кыргызских диаспор как пример процессов консолидации этнических сообществ России»

Современные тенденции мировой глобализации, увеличение мобильности населения, неравномерность экономического развития отдельных регионов и стран — все это привело к усилению общемировых миграционных процессов. На постсоветском пространстве эти процессы обладают своей спецификой, сформированной в годы жизни в рамках единой советской культурной общности. Развал Советского Союза и образование суверенной Кыргызской Республики привели к образованию кыргызских этнических диаспор на территории практически всех регионов России, сформированных в большинстве из числа выпускников российских ВУЗов и рабочей молодежи. Именно эти диаспоры создали в регионах первые общественные объединения, часто в форме национально-культурных автономий. Примечательно, что кыргызские сообщества в России представляют собою пример так называемых «современных» диаспор, они соответствуют их основным признакам — пребывают за пределами своей исторической родины, обладают основными характеристиками культурной самобытности своего народа, формируют землячества и общественные организации, осуществляют социальную защиту конкретных людей [Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И., 2004].

В начале 2000-х годов в Россию из Кыргызской Республики хлынул поток трудовых мигрантов, со временем и они активно включились в деятельность кыргызских диаспоральных сообществ и общественных организаций. Эти процессы в корне изменили вектор развития кыргызских диаспоральных сообществ. К традиционным для всех диаспор задачам по сохранению своей национальной самобытности, языка и развитию культуры добавились цели по защите прав и интересов трудовых мигрантов. В то же время актуальными для диаспор стали и моменты экономического развития, в том числе актуализировались и процессы вовлечения прибывающих трудовых мигрантов в общие экономические проекты. Тем самым стирается грань между существующим в диаспорах разделением на условно «трудовых мигрантов» и «старожилов», как правило, представителей местных НКО.

В то же время кыргызские диаспоры являются своеобразными посредниками в процессах интеграции прибывающих из Кыргызской Республики трудовых мигрантов в российское общество. Меняется степень вовлечения трудовых мигрантов в мероприятия местных диаспоральных сообществ, если раньше для трудового мигранта самой главной задачей было формирование лишь материального благополучия, то сейчас ему добавляются и факторы включения в местный социум. Важными для трудовых мигрантов становятся моменты экономической консолидации через создание успешных предприятий.

Со временем этап формирования кыргызских диаспоральных сообществ постепенно перешел в этап их централизации, так как созрело понимание необходимости установления горизонтальных связей между организациями, так и понимание необходимости объединения, в том числе и в рамках федерального уровня. Тем самым происходит углубление функций диаспоры, она превращается из традиционного субъекта культуры в субъект права и политики. Диаспора начинает использовать новые организационные структуры и формы — съезды, конгрессы, форумы, союзы внутрироссийского и международного значения [Осепян А.К., 2013].

Первой попыткой объединения кыргызских общественных организаций стало проведение в столице России в декабре 2006 года Первого всероссийского кыргызского конгресса, в котором приняли участие представители кыргызских общественных организаций

большинства регионов страны. Съезд был организован по инициативе Чрезвычайного и полномочного посла Кыргызской Республики в России Апаса Джумагулова, а также Московского представительства Министерства по делам миграции Кыргызской Республики в РФ в лице его руководителя Тажимамата Шаболотова. Резолюцией конгресса было определено создание общероссийской общественной организации кыргызов России. Однако в дальнейшем такая организация не была создана.

В последующие годы в кыргызских диаспоральных сообществах России росло осознание необходимости объединения, и только 12 декабря 2012 года в Москве был проведен новый Общероссийский кыргызский конгресс, поставивший перед собой задачу создания единой общероссийской организации кыргызских диаспор. На этот раз инициатором конгресса выступил бывший торгпред Кыргызской Республики в РФ, председатель Объединения предпринимателей Кыргызстана в России, Кубанычбек Кожоев. Именно благодаря его напору и целеустремленности в феврале 2017 года была официально зарегистрирована Общероссийская общественная организация содействия изучению культурно-исторического наследия «Диалог цивилизаций «Кыргызский конгресс», объединившая порядка 50 общественных организаций страны. В этом же году организация стала полноправным членом «Ассамблеи народов России» и вошла в состав учредителей «Ассамблеи народов Евразии», чей учредительный съезд прошел в Москве в мае 2017 года. В приоритетах конгресса значатся решение актуальных проблем по адаптации и интеграции трудовых мигрантов в России, реализации совместных деловых и образовательных программ, осуществлению трудоустройства и правовой поддержки, проведению спортивных и культурных мероприятий, формированию «социальных лифтов» для перспективной кыргызской молодежи.

Стоит отметить, что процессы консолидации кыргызских диаспоральных сообществ затронули и регионы страны. Летом 2011 года в г. Шира в Республике Хакасия было проведено собрание, на котором было принято решение о создании новой организации — Межрегионального объединения кыргызских диаспор «Мекендештер». В ее состав вошли общественные организации нескольких сибирских регионов — Республики Хакасия, Красноярского края, Омской области, Кемеровской области, Республики Бурятия, Новосибирской области, Республики Тыва и Томской области. Официальная регистрация Межрегиональной общественной организации «Конгресс кыргызстанцев «Соотечественники-Мекендештер» прошла в 2015 году в г. Иркутске. Первым председателем организации стал представитель Иркутской области Тынчтык Абдылдаев.

Таким образом, процессы интеграции и централизации кыргызских диаспоральных сообществ в России отражают очередную степень их развития. Следующим шагом их генезиса станет создание транснациональных сообществ, в настоящее время уже ведутся переговоры о налаживании тесных коммуникаций с кыргызскими диаспорами Европы и Америки.

Вместе с тем, кыргызская диаспора России подвержена явлениям аккультурации — эти процессы характерны для представителей второго поколения мигрантов. Для них характерна потеря родного языка и как следствие постепенная утрата культурной самобытности. Происходит ломка механизмов воспроизводства культурной самобытности в последующих поколениях, наблюдается и утеря традиционных связей между представителями общины.

Дальнейшее будущее кыргызской диаспоры России будет полностью зависеть от степени ее самоорганизации, при этом спектр возможных вариантов развития достаточно широк — от формирования субэтнуса до полной ассимиляции.

Список литературы

1. Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 16-24.

2. А.К. Осепян. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ. – 2013. – №7 (156). – С. 68-76.

Дзись Юлия Викторовна,

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

«Модель мультикультурализма в ЕС: идея, реальность и перспективы»

Культура того или иного сообщества в обычных условиях воспринимается им как данность, но по мере вторжения в его жизнь инородных элементов, местная культура все больше начинает восприниматься как основа идентификации человека. Таким образом, культура народа влияет на самоидентификацию нации только в динамике, которая, в свою очередь, зависит от общественно-политической и экономической ситуации.

В последние годы резко вырос поток мигрантов из бывших колониальных государств в капиталистический центр, а значит, возникает проблема диаспор.

Британский историк, социолог и культуролог Арнльд Тойнби рассматривал вопросы диаспоры как неизбежный продукт различий в уровнях развития цивилизаций, когда происходит т. н. «ввоз» представителей более отсталых сообществ для выполнения функций, которые развитый социум уже не может или не хочет выполнять (турецкие рабочие в современной ФРГ). Тойнби предлагает три возможных варианта дальнейшего развития событий:

диаспора, после того как необходимость в ней отпадает, бывает уничтожена или изгнана;

диаспора становится господствующим чужеродным меньшинством, которое управляет большинством коренных жителей;

диаспора ассимилируется [1].

Говоря в этой связи о политике Европейского Союза в области культуры, необходимо отметить, что Европейцы выбрали третий вариант построения отношений с представителями тех или иных диаспор — их культурную ассимиляцию, что нашло свое отражение в политике мультикультурализма, в формировании общеевропейской идеи, единой для представителей всех культур и религий, постоянно проживающих на территории ЕС.

Таким образом, мы выяснили, в чем заключается основная идея политики мультикультурализма. Теперь постараемся понять, насколько успешной в настоящее время является эта политика.

Массовый приток иммигрантов в ЕС в настоящее время намного превзошел масштабы традиционных диаспор. Большинство иммигрантов приезжает в ЕС из стран третьего мира, таких, как Афганистан, Индия, Пакистан, Бангладеш, Камбоджа и т. д., население которых отличается от местных жителей и религиозной принадлежностью, и цветом кожи. Отношение европейцев к этой проблеме ясно выражено в одной из статей газеты «Монд»: «Именно тогда, когда нам необходимо сильное чувство национальности, для того чтобы помочь интегрировать и абсорбировать новое поколение иммигрантов, принадлежащих к разным расам и религиям, французов просят перенести свою лояльность на какую-то неясную европейскую идею. Это противоречие вызывает кризис идентичности и подрывает доверие к нашему политическому руководству» [2]. Таким образом, очевидно, что приток беженцев и иммигрантов вызывает со стороны местных жителей протесты, которые в большинстве своем имеют ярко выраженный националистический подтекст.

Каковы же причины провала политики мультикультурализма на современном этапе?

Одной из причин бесспорно считается экономика. По статистике уровень жизни большей части иммигрантов заметно ниже, чем местного населения. Это обусловлено как более низким заработком, так и высокой рождаемостью в семьях иммигрантов. В свою очередь низкие доходы влияют на условия проживания. Многие семьи иммигрантов вынуждены жить в крайне стесненных условиях. Этот феномен специалисты называют

«новой бедностью», которая подобна бедности, свойственной многим европейцам сразу же после окончания Второй мировой войны. Низкий уровень жизни мигрантов приводит к социальному расслоению в обществе и, как следствие, речь об интеграции в национальные сообщества государств уже не идет.

Это одна из причин неэффективности политики мультикультурализма, но не единственная. Главной причиной является причина цивилизационная. Для того чтобы лучше ее понять, необходимо ответить на вопрос: «Какой культурный тип представляет собой Европа и с каким культурным типом ей приходится взаимодействовать?» И здесь возникает проблема Запад-Восток. В своей книге «Ориентализм» известный палестинско-американский философ и литературовед, профессор Колумбийского университета Эдвард Саид замечает: «Восток — это ... один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого» [3]. В своей работе Э. Саид последовательно критикует всю западную культуру за отказ от признания за Востоком права на существование в качестве самостоятельного субъекта.

Таким образом, в цивилизационном плане основная причина провала политики мультикультурализма состоит в том, что приезжающие в страны Европы (Евросоюза) представители исламской цивилизации не воспринимают либерализм с его культом индивидуализма и личного успеха. Как следствие, складывается тенденция взаимного отчуждения и непонимания, которая несет в себе имеет большой конфликтный потенциал.

Это уже привело к реальным конфликтам в европейских странах, а в перспективе может привести к увеличению числа таких конфликтов. В качестве примера можно привести события 2011 г., когда Андерс Беринг Брейвик на острове Утойя расстрелял 77 «мультикультуралистов».

Еще одной проблемой является террористический потенциал и среди иммигрантов. Сегодня спецслужбы многих европейских стран констатируют существование сложившейся сети радикальных исламистских группировок. В одной только ФРГ власти насчитали более 3800 радикальных исламистов [4]. Причем важно заметить, что речь идет только об активистах, попавших в поле зрения спецслужб. Если учесть сплоченность и замкнутость диаспор выходцев из мусульманских стран, то реальное количество радикалов может оказаться значительно большим.

Еще одной важной проблемой в перспективе, которую хотелось бы отметить, является взаимное отчуждение между коренным населением и иммигрантами на бытовом уровне. Эта проблема тесно связана с предыдущей — с радикализацией мусульманской общины. Эксперты говорят о том, что в настоящее время складывается т. н. феномен параллельных обществ, суть которого в том, что представители Западного и Восточного мира терпят друг друга, но одновременно с этим друг другу не доверяют [5].

Феномен диаспоры заключается в том, что среди ее представителей сильнее ощущается чувство родства с земляками. Это чувство заставляет представителей одного этноса держаться вместе, помогать друг другу. Такое существование параллельного мира, замкнутого, живущего по своим законам, не может не вызывать тревогу у коренных жителей, склонных видеть в каждом мусульманине террориста.

В заключении хотелось бы процитировать бывшего федерального канцлера ФРГ Гельмута Шмидта, который осознал всю серьезность проблемы еще в 1992 году. В своем интервью газете «Франкфуртер Рундшау» он выступил с резкими заявлениями по вопросу иммиграции и заявил: «Я полагаю, что было ошибкой, что мы во времена Людвига Эрхарда с усердием и с помощью всевозможных инструментов привлекали иностранных рабочих в ФРГ... Ни из ФРГ, ни из Франции, ни из Великобритании нельзя делать страны-реципиенты миграции. Наши общества этого не вынесут. Тогда общество деградирует... Все имеет границы. Представление о мультикультурном обществе, возможно, этически обосновано, но на практике оно в условиях демократии, в которой каждый гражданин может делать и позволять делать все, что он хочет, вряд ли осуществимо» [6].

Таким образом, мы выяснили, что в настоящее время модель мультикультурализма сталкивается с серьезными проблемами, решение которых не терпит отлагательства, и от того, насколько успешно Европа справится с этими вызовами, в конечном итоге зависит ее будущее.

Список литературы:

См.: Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. - М.-СПб., 1995. С. 365.

Мнацаканян, М.О. Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). - М., 1999. С. 87.

Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. - СПб., 2006. С. 7.

Salafistische Bestrebungen in Deutschland. Bundesamt für Verfassungsschutz. 2012. S.4.

См.: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы: [монография] / [Н.П. Шмелев и др.]; под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Федорова; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. - М., 2014. С. 163.

Цит. по: Antrag der National-demokratischen Partei Deutschland auf Vorlage des Verbotsantrages beim Europäischen Gerichtshof. Stellungnahme der NPD zum Verbotsantrag der Bundesregierung. Teil 1. Eigendruck im Selbstverlag. 2003. S. 16.

Пайтян Роза Хачатуровна,

старший преподаватель кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

«Современные подходы к международно-правовому регулированию проблем вынужденной миграции»

В условиях глобализации, интеграции и стирания национальных границ происходит возрастание миграционных процессов. Реалии современного мира показывают, что необходимо принимать меры, направленные на регулирование такого явления. Мировая практика свидетельствует о том, что международному сообществу и отдельным государствам не удалось наладить достаточное правовое обеспечение миграционной деятельности. Это сложный процесс, который затрагивает права и свободы человека, именно из-за этого необходимо наиболее тщательное регулирование миграционной политики государств.

Масштабы и сложности современной миграции диктуют необходимость научного осмысления миграции, которая охватила многие государства и национальные общества. Миграцию невозможно оценить однозначно. С одной стороны, она влияет на рынок труда, в какой-то степени осуществляет его стабилизацию, изменяет экономическую составляющую населения, но, с другой стороны, происходит неблагоприятное влияние на социальную сферу, рост преступности, безработицы.

Для более детального регулирования вопросов миграции необходимо улучшать как национальные правовые акты, так и международные. Правовое регулирование миграционных процессов в России осуществляется Конституцией, федеральными законами, такими как: ФЗ "О беженцах", ФЗ "О вынужденных переселенцах", ФЗ "О правовом положении иностранных граждан", ФЗ "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ". Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации является одной из форм государственного регулирования миграционных процессов и направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией Российской Федерации гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации в сфере миграции[1].

Генеральная Ассамблея ООН на первой сессии, проходившей в 1945 году сформулировала принципиальные подходы к разрешению проблемы вынужденной миграции. А именно, что проблема беженцев является международной по своему охвату и характеру, ни один беженец или перемещенное лицо, окончательно или абсолютно добровольно выразившее веские причины своего нежелания возвращаться на родину, не должны принуждаться к этому. Будущее таких беженцев и перемещенных лиц должно стать объектом деятельности международного органа, который необходимо создать. Поэтому основной задачей в рамках международного сообщества становится поощрение и содействие всеми возможными путями скорейшему возвращению беженцев в покинутые ими по тем или иным причинам страны.[2]

Международная практика выработала многочисленные документы, в области правового статуса беженцев, вынужденных переселенцев, нелегальных мигрантов. К таким относятся, например, Конвенция о статусе беженцев 1951 года, Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и их семей 1990 г, Конвенция против транснациональной организованной преступности 2004 года, Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года, Конвенция о приграничном сотрудничестве государств -участников Содружества Независимых Государств 2010 года и

другие. Однако как показывают современные реалии, такое регулирование является недостаточным. Необходимо устранять правовые пробелы, которые стоят на пути установления оптимального уровня регулирования миграционных проблем.

Одной из основных проблем в области международного регулирования миграционных потоков является отсутствие унифицированного определения понятия "мигрант". Кроме того, проявляется несовершенство определения понятия "беженец", закрепленного в Конвенции 1951 года. Представляется верным дополнить указание на ситуации массовых нарушений прав человека и вооруженных конфликтов в стране исхода [3]. В качестве примера можно использовать Соглашение стран СНГ 1993 г. «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам»[4]. В данном региональном международно-правовом акте дается расширительное определение, в нем содержится указание на язык, как одно из оснований преследования и требует наличия связи между совершением насилия или преследования или существованием реальной опасности подвергнуться преследованию и вооруженными и межнациональными конфликтами.

Представляется верным ввести институт ответственности в отношении тех государств, по вине которых происходят оттоки населения из своих обычных мест проживания в поисках стабильной жизни. Это, зачастую, является следствием вооруженных конфликтов, внутренних беспорядков, гражданских войн, которые начались по вине вмешательства во внутренние дела государств. Международным правом, в частности в Уставе ООН закреплен данный принцип. Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства [5]. В международно-правовые акты, которые относятся к защите прав мигрантов, необходимо ввести такую норму. Современные реалии показывают, что именно из-за такого вмешательства и создания беспорядков, происходили оттоки лиц, ищущих убежище из Ливии, Сирии и других стран.

Кроме этого, является целесообразным осуществлять временную защиту лиц, которые еще не получили статус беженца. Зачастую, временные промежутки рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища затягиваются, и не ясно какие статусом обладают такие лица. Введение нормы о правовом положении такой категории лиц, позволит с одной стороны, наделять их правами, с другой стороны, они уже будут обладать определенными обязательствами перед государством, которое рассматривает возможность предоставления убежища.

Еще одним важным моментом, является необходимость принятия универсальной конвенции о территориальном убежище. В 1967 году Организация объединенных наций приняла Декларацию о территориальном убежище[6]. Важной является норма, в соответствии с которой, ни к какому лицу, которое ищет убежище, не должны применяться такие меры, как отказ от разрешения перехода границы или, если оно уже вступило на территорию, на которой оно ищет убежище, высылка или принудительное возвращение в какую-либо страну, где это лицо может подвергнуться преследованию. Однако декларация носит лишь рекомендательный характер. Конвенцию выработать так и не удалось. В этой области прогрессивными являются положения Каракасской конвенции ОАГ 1954 г. и Конвенции ОАЕ 1969 г. Принятие универсальной конвенции явилось бы прогрессивным шагом в области защиты прав беженцев.

Кроме осуществления защиты прав мигрантов, необходимо проводить политику по воспитанию правовой культуры лиц, которые в силу преследований на территории собственного государства, пересекают границы и ищут хорошие условия жизни. Миграционный кризис в Европе показал всю опасность, с которой может столкнуться местное общество, столкнувшееся с чрезмерным притоком мигрантов. Сами мигранты должны уважать законы государства, в которые прибыли.

Проблема мигрантов продолжает оставаться вызовом международному сообществу. Необходимо переосмыслить всю существующую международно-правовую базу,

регулирующую правовой статус таких лиц и их защиту. Современный миграционный кризис, вызванный гражданскими войнами в странах Ближнего Востока показал необходимость пересмотра способов разрешения такой ситуации. Ее невозможно разрешить на внутригосударственном или региональном уровнях, необходимо предпринимать более глобальные меры.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 19.07.2017) "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации"//СПС КонсультантПлюс

2.Иванов Е.В. Вынужденная миграция в международных правовых документах/ Е.В.Иванов//Власть.-2010.-№3-С.82-83.

3.Ястребова А.Ю.Международно- правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации//А.Ю. Ястребова //ВАКО.-2014.-с.116-118.- 464 с.

4. Международные акты. Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам [Текст]: [принято 24 сентября 1953 г.] // Бюллетень международных договоров. - 1995. - № 5. - С. 20-23.

5. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1965 года- Режим доступа: <http://www.un.org/ru>

6.Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 года- Режим доступа: <http://www.un.org/ru>

Зобнин Василий Сергеевич,

направление «Юриспруденция» Юридического Института Сибирского Федерального Университета

«О проблеме обеспечения прав мигранта на достоинство»

Все чаще в России и Европе звучат откровенно экстремистские лозунги из-за усиливающихся миграционных процессов[1]. Экстремизм как социальное явление тесно связан с унижением человеческого достоинства на почве языковых, религиозных, национальных различий. Эта взаимосвязь имеет различные аспекты:

Во-первых, унижение человеческого достоинства может выступать целью экстремистской деятельности. В частности, в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») в качестве возможных целей такой деятельности названы возбуждение унижение национального достоинства, пропаганда неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности[2]. Броским пример этого можно назвать пропаганду антисемитизма, проводившуюся в нацистской Германии[3].

Во-вторых, унижение человеческого достоинства может выступать средством экстремистской деятельности. Например, в этой связи интересен Приказ Генерал-губернатора Казахстана от 1903 года: «В знак преклонения туземного населения перед русской властью предложить всем туземцам всюду почтительно приветствовать офицеров и чиновников всех ведомств вставанием и поклоном»[4]. Государство своей политикой пыталось сформировать пренебрежительное отношение к лицам нерусской национальности. Уже сами по себе меры можно рассматривать как унижительные.

В-третьих, унижение человеческого достоинства может выступать фактором, порождающим экстремистскую деятельность. С одной стороны, формирование представлений о своем превосходстве одних социальных групп над другими может послужить поводом для притеснений в отношении «неполноценных» социальных сообществ. С другой стороны, оскорбления по национально-религиозным критериям порождает негативное отношение оскорбленной стороны. Поскольку оскорбления носят национально-религиозную окраску, критерий, лежащий в их основе, усваивает и оскорбленная сторона при формировании своей реакции: диаметрально-противоположное негативное отношения имеет в основе критерий, закладываемый самими обидчиками.

К примеру, по утверждениям советской историографии жесткая царская политика в отношении «кинородцев» была направлена на разъединение русского пролетариата и представителей других народностей. В результате формирования стереотипов о превосходстве русского населения над нерусским частым явлением социальной жизни Российской империи были национальные погромы. Акты насилия со стороны русского населения порождали ответное негативное отношения со стороны других народов Российской империи[5].

В качестве другого примера можно назвать ситуацию, которая сегодня сложилась в Германии. Согласно данным МВД Германии за 2016 год число преступлений на почве межнациональной вражды выросло на 14,3 %[6]. В то же время существенно увеличился и уровень преступности среди мигрантов[7].

Отметим, что в приведенных исторических примерах отчетливо просматривается связь с между экстремизмом, а значит унижением человеческого достоинства, и этническим составом населения. Напрашивается вывод, что изменения этнического состава имеют огромное влияние на экстремизм как социальное явление. Очевидно, что одним из важнейших путей изменения этнического состава населения являются миграционные процессы.

Это обуславливает существование проблемы обеспечения права на достоинство мигрантов. В частности, Международная организация труда в своей деятельности обращает внимание на необходимость обеспечения «условий свободы, равенства, безопасности и уважения человеческого достоинства» для работников-мигрантов[8]. Меняя место своего жительства (временно или окончательно) человек попадает в позицию слабой стороны.

Во-первых, попадая в новую социальную среду, мигрант оказывается окружен чужими социальными нормами. Иными словами, мигрант не может без перестройки своих социальных установок поместить свои модели поведения. Человек может нарушить нормы социального сообщества в силу хотя бы того, что он с ними незнаком или они чужды ему в силу его социальных установок.

Во-вторых, мигрант чаще всего разительно отличается по ряду признаков от представителей коренного населения. Это обстоятельство не позволяет ни самому мигранту считать себя частью общности, ни окружающим его представителям коренного населения рассматривать в качестве такого. В силу подавляющего численного перевеса мигрант не имеет потенциальной возможности самостоятельно защитить себя от социальной агрессии.

Безусловно, проблема обеспечения прав мигранта на достоинство крайне актуальна. Неоспоримо и то, что государство не должно игнорировать эту тему, так как она имеет огромное значение для «защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности РФ»[9]. Однако неправильные меры могут еще более усугубить ситуацию.

Как было показано, государство может политику вести ограничений. В частности, высказываются предложения за использование экономических рычагов для снижения потока трудовых мигрантов[10]. Снизится частота взаимодействий между представителями местного населения и мигрантами. Градус общественных трений несколько остынет. Очевидно, что уменьшение количества мигрантов также снизит количество преступлений, совершаемых ими.

Однако корень проблемы – культурно-религиозные отличия – нельзя устранить подобным образом. Оставшиеся мигранты будут испытывать еще большее негативное воздействие со стороны общества. Более того, государство оценивая миграцию как негативное явление, а мигрантов как угрозу укрепляет в сознании своих граждан негативные отношения к ним. Уже принятие подобных мер носит дискриминационный характер, а потому несовместимо с обеспечением права на человеческое достоинство.

Позитивные меры со стороны государства также сложно назвать адекватными для обеспечения прав мигранта на человеческое достоинство. Предпринятые положительные меры могут вызвать резкое недовольство со стороны местного населения. Коренное население может возмутиться относительно того, что государство проявляет большую степень заботы о приезжих, нежели о своих гражданах. В частности, «некоторые восточные немцы считают, что государство о них забыло, но при этом финансирует беженцев. Именно это приводит к всплескам ненависти и преступлениям в отношении мигрантов»[11]. Предоставление дополнительных политико-правовых гарантий мигрантам может служить средством обеспечения прав на достоинство лишь в исключительно формальном смысле. На деле приведет к еще большему всплеску экстремистских настроений. Указанные меры могут привести к снижению доверия населения и авторитета государственной власти.

Введение ограничительных или поощрительных мер не способствовало бы устранению обстоятельств, лежащих в основе национально-религиозных противоречий. Подобные меры лишь устраняют «симптомы», усугубляя саму проблему. Таким образом, проблема достоинства мигранта не может быть разрешена с помощью создания дополнительного правового массива, непосредственно ориентированного на разрешения проблем миграции.

Национально-религиозные отличия невозможно устранить без применения жестких чаще всего дискриминационных механизмов. Поэтому представляется возможным и

необходимым проведение политики формирования межнациональной толерантности, т.е. «принятие другой этнической группы с её особенностями»[12]. Взаимная неприязнь может породиться из-за незнания чужой культуры, быта, религиозных убеждений и возникающих на такой почве страхах перед чем-то чуждым. Для преодоления этого целесообразно создать систему взаимного культурного, учебно-научного обмена, экономического и социального сотрудничества в рамках общих интересов, обучения приезжих основным правовым и морально-этическим нормам принимающей страны. Одним из удачных примеров такой политики можно назвать Германскую службу академических обменов (DAAD). В частности, важнейшими направлениями деятельности данной организации являются «интернационализация немецких вузов, укрепление германистики и статуса немецкого языка за рубежом»[13].

Таким образом, введение поощрительного или ограничительного режима для обеспечения права мигрантов на достоинство нецелесообразно. Государственная политика в данной сфере должна быть направлена на устранение социальных первопричин. Формирование межнациональной толерантности может быть достигнуто за счет построения всестороннего диалога между нациями.

Список литературы

Киселёв, Е. Неонацисты устроили акции по всей Европе // «ТВ Центр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/122242>.

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189271&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9341830051626114#0>.

Жуков, Д.А., Ковтун, И.И. Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях РСФСР, 1941–1944 гг.: монография. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. С. 40.

Мегружан, Ф. Религия и национальная рознь. Москва: ГАИЗ, 1939. С. 9.

Там же. С. 8-12.

Бухарова, М. По следам мигрантов: в Германии выросло число преступлений на национальной почве // RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/391915-nacionalizm-prestupleniya-natsizm-germaniya-migranty>.

Уровень преступности среди мигрантов в Германии бьет рекорды // Mignews [Электронный ресурс]. URL: http://mignews.com/news/disasters/260417_201908_09038.html.

В поисках достойной работы – права работников-мигрантов: руководство для членов профсоюза. Москва: МОТ, 2010. С. 2.

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189271&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9341830051626114#0>.

«Хотим, чтоб мигрантов не было»: Собянин высказался за удорожание трудовых патентов // Труд: общественно-политическая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.trud.ru/article/25-10-2017/1355768_xotim_chtob_migrantov_ne_bylo_sobjanin_vyskazalsja_za_udorozhanie_trudovyx_p_atentov.html.

Бухарова, М. По следам мигрантов: в Германии выросло число преступлений на национальной почве // RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/391915-nacionalizm-prestupleniya-natsizm-germaniya-migranty>.

Ананьина, В.Т. Межэтническая толерантность и особенности ее исследования в межнациональных семьях / Социология и общество: глобальные вызовы и региональное

развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С. 8104.

О DAAD / DAAD Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.ru/ru/o-nas/o-daad>.

Попова Юлия Владимировна,

аспирант по направлению «Образование и педагогические науки», ассистент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального университета

«Практики развития межэтнического взаимодействия в поликультурной среде Сибирского федерального университета»

Целью Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года является гармонизация межнациональных и межэтнических отношений, укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания, являются развитие гражданской и этнической идентичности, налаживание социального партнерства и профилактика экстремизма. Безусловно, отсылка к профилактике экстремизма на национальной и религиозной почве присутствует и в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014 – 2020). Согласно п. 21, пп. Е, Государственной национальной политики Российской Федерации задачи в сфере образования «... заключаются в формировании у детей и молодежи общероссийского гражданского самосознания, <...> в воспитании культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России на всех этапах образовательного процесса».

Угрозы экстремизма (приверженность крайним взглядам, методам действий) и конфликтам на национальной почве наиболее остро возникают в молодежной среде, у людей с нетолерантными установками. Толерантность к представителям иных культур является составным компонентом поликультурной компетентности, формируемой в процессе образования и воспитания в течение всей жизни. Параллельно с семейным воспитанием, функции по формированию и развитию качеств личности, таких, как этническая толерантность, социокультурная идентичность и готовность к межкультурному взаимодействию принимают образовательные учреждения и социальное окружение молодежи. На развитие вышеуказанных компонентов поликультурной компетентности направлена активная деятельность как профессорско-преподавательского состава, так и многочисленных административных структур, молодежных клубов, творческих объединений в Сибирском федеральном университете (СФУ). Университет предлагает возможности участия в научных событиях и исследованиях, в международных проектах. Сотрудничество с российскими и международными фондами позволяет молодым специалистам и студентам осуществлять академическую и профессиональную мобильность в ведущие вузы мира. Принятие обучающимся СФУ базовых национальных ценностей, национальных и этнических духовных традиций разворачивается в основном во внеучебной деятельности. Различные виды творческой активности – танцевальные, вокальные, художественные, промысловые и пр. помогают осознать принадлежность к национальной группе и развивают этническую идентичность (участие в таких коллективах, как вокально-танцевальная этническая студия «Айхал», ансамбль кыргызского народного танца «Ак куулар», ансамбль славянской музыки «Поверье» и мн.др). Можно заключить, что для обучения студентов в Сибирском федеральном университете в духе межэтнического взаимодействия используются культуросообразные методы (обучающие, мотивирующие, развивающие).

Новое многонациональное, мультилингвальное и поликультурное общество актуализирует проблему формирования поликультурной компетентности. В рамках

университетского образования применяются различные подходы и практики развития поликультурной компетентности обучающихся, среди которых:

включение студентов в практические действия по широкому кругу межкультурных аспектов;

организация поликультурных образовательных и культурных событий во внеучебной деятельности;

академическая международная мобильность;

расширение теоретических знаний, информированности, в том числе с помощью образовательных курсов, электронных ресурсов и социальных сервисов;

международная проектная и научно-исследовательская деятельность;

разработка и внедрение электронных образовательных платформ.

В перечисленные пункты можно включить изучение учебных дисциплин с поликультурной направленностью («Этнопедагогика», «Этнопсихология», «Теория и практика эффективного речевого общения», «История религий», «Поликультурное образование» и др.) в интерактивном взаимодействии. Отдельно стоит отметить организацию и участие в конференциях, конкурсах, спортивных состязаниях, национальных фестивалях, культурных и творческих событиях.

Для подтверждения актуальности вопросов межнациональных отношений в образовательной среде была проведена экспертная оценка представителей научного сообщества г. Красноярска. Опрос был выполнен в марте 2017 года в рамках курсов повышения квалификации педагогов СФУ по программе формирования гражданской идентичности «Я – Россиянин». Согласно результатам опроса, 90% опрошенных профессиональных педагогических работников (учителей, преподавателей, методистов учебных заведений), считают, что обучающиеся обладают таким качеством личности, как этническая толерантность.

Таблица 1 – распределение ответов респондентов на вопрос «Обладают ли обучающиеся таким качеством личности, как толерантность к представителям других национальностей?»

Ответ	Методисты, администрация ОУ, обучающиеся педагоги	Учителя школ	Преподаватели СПО	Преподаватели высшей школы	ВСЕГО
да	6 человек	5 человек	2 человека	30 человек	43 человека
нет	-	2 человека	-	3 человека	5 человек

Также респонденты отвечали, что обучающиеся в их образовательном учреждении обладают следующим уровнем сформированности поликультурной компетенции: чуть более половины опрошенных (54%) указывают, что уровень сформированности поликультурной компетенции – средний, 42% - что уровень можно считать высоким, и лишь 4% педагогов выразили мнение, что уровень сформированности поликультурной компетенции у обучающихся низкий.

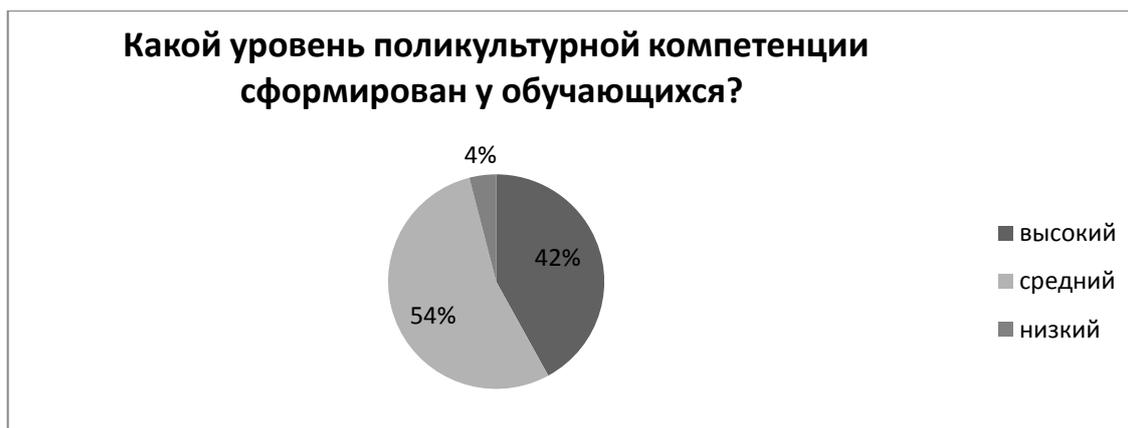

Рисунок 1 – экспертная оценка уровня поликультурной компетенции научным сообществом г. Красноярска

Также в экспертном заключении учителя средней школы, методисты, преподаватели, научно-педагогические работники выразили отношение к значимости формирования и развития этнической толерантности обучающихся. На вопрос «Считаете ли Вы, что толерантность - это ключевая (базовая) компетенция для современного педагога?» утвердительно ответили 85% опрошенных.

Проведенное опытно-экспериментальное исследование, а также экспертная оценка представителей научного педагогического сообщества г. Красноярска подтверждает гипотезу о том, что практики развития поликультурной компетентности для профилактики экстремизма эффективно реализуются в образовательной среде Сибирского федерального университета.

Список литературы

Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/>

Государственная программа Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики". Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original/Государственная_программа.pdf?1484236417

Отношение взрослого населения Красноярского края к представителям других национальностей, иностранным трудовым мигрантам и национальному экстремизму (по результатам социологических исследований, апрель-май 2015г.):/гл. ред. Рафиков Р.Г./: Информационный бюллетень межнациональных, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае №9. – Красноярск, ООО «Издательство Поликор», 2015г. – 160с.

Сметанин Фёдор Анатольевич,

*магистрант направления «Антропология и этнология» Исторического факультета Томского государственного университета
(г.Томск)*

*«Проблема исследования сообщества мигрантов-мусульман в контексте дискурса
«радикализации» (пример г. Томска)»*

Мигранты, которые переселяются в различные регионы России представляют собой неоднородные в этническом отношении группы. Одни являются «этнически» и религиозно близкими к «русской» этнической группе. Другие же несут в себе элементы иной культуры, в том числе исламской. В результате этих различий возникают проблемы отношений взаимодействия местного (коренного) населения с мигрантами, межнациональные конфликты, имеющие под собой немаловажный религиозный оттенок. Исходя из этого, с начала 90-х годов происходят акты террористического характера, нацеленные на дискредитацию как мигрантов в целом, так и той культуры и религии, которую они представляют.

Для начала, нужно определиться в терминах, которые позволят нам выделить из всей группы мигрантов - тех, кто исповедует ислам. Многие, кто проживает на территории Центральной Азии или Кавказа не считают себя мусульманами или не исполняют предписанных обязательных обрядов, таких как пятикратный намаз или уплата обязательного налога – закята. Большая часть из мигрантов-мусульман ходит в мечеть только по священным праздникам (Курбан-байрам, Ураза-Байрам). Принадлежность к мусульманам для них считается скорее маркером социальной идентичности в противоположность к принимающему сообществу или характеристикой социального поведения [1.С. 147].

В процессе интеграции на территории Российской Федерации, мигранты со стороны религиозного поля сталкиваются с различными акторами. Это имамы, представляющие мусульманское духовенство, каждый из которых относится к разному духовному управлению мусульман. Специфика г. Томска состоит в том, что, несмотря на передачу местных мечетей так называемым «коренным» мусульманам, с течением определенных процессов в сфере перераспределения должностных полномочий в лице имамов и руководителей ДУМов, вместо татарских имамов на должность религиозных деятелей были назначены выходцы из среды мигрантов [2. С.104]; [3]. Звание главного муллы, или имама, было неформальным, и его носитель определялся в силу какого-то, не всегда единогласного, консенсуса активных верующих по поводу уровня знаний и авторитета конкретного претендента на эту должность. В исламе собственно священнослужителей, строго говоря, не существует. Нигде формально не прописана необходимость существования такого сословия и условия его формирования. Каждый мусульманин, который получил достаточное образование и пользуется авторитетом у окружающих, может выполнять функции руководителя коллективными молитвами, судьи, учителя и т.д., т.е. имеет право называться муллой. Однако в реальности всегда имела и имеет место явная тенденция к превращению группы «образованных и авторитетных мусульман» в нечто похожее на сословие «приватизировавших» исламское знание священнослужителей, с наделением их определёнными дополнительными привилегиями, знаками отличия, титулами, которые передаются иногда по наследству независимо от заслуг и достоинств конкретных людей. К этому надо добавить, что в советское время, когда власть пыталась жёстко контролировать ислам, наряду с неофициальными имамами существовала крайне немногочисленная когорта официальных (зарегистрированных государством) имамов, которые напоминали христианских священнослужителей (православия) и были, по сути, проводниками государственного влияния на верующих [4.С. 263-264].

Следующим фактором является власть, представляемая местными и районными депутатами, администрацией, различными проверяющими органами, которые в силу своей некомпетентности или шаблонности заданного дискурса в средствах массовой информации маркируют ислам и мусульман на две противоположных стороны. Одну сторону мы задаем как «традиционный, патриотичный, толерантный», а значит хороший ислам. Другой вид обозначается как плохой – «подрывающий устои государства, привнесенный из-за рубежа», одним словом «нетрадиционный». Однако в этом кроется методологическая ошибка, поскольку данная дихотомия предполагает определенные заданные рамки или категории для мусульман, входящих в нее. Большое количество верующих уже давно отошли от некогда традиционных, «ортопраксически» заданных категорий и начинают сами заниматься трактовкой религиозных исламских обрядов с точки зрения национального или территориального разделения. Примеры такого феномена можно найти в соотношении понимания обрядов местных мусульман и мусульман, которые приехали из других регионов России. Вот что об этом говорит одна из прихожанок в мечети: «Я всегда говорила: вы не забываете, что вы не в Средней Азии находитесь, а у нас в Сибири. У нас за один стол садились мужчины и женщины. Хотя вообще-то положены разные столы. Мы сделали так – половину стола женщинам отводили, полстола для мужчин, ну чтобы в тесном контакте не находиться». ... «Вы знаете, когда праздники, столько много молящихся, и вот, местные некоторые жители, они возмущены, вот, черные заполонили, говорю, да, конечно, но только они содержат наши мечети, и ту, и другую. Когда говорят, что нет местных мусульман, я говорю, они не привыкли, у нас все это было запрещено, даже разговор на татарском был запрещен» [5].

Несмотря на то, что идет противостояние между мигрантами и «местными», с постоянным увеличением доли мигрантов в мечетях и молельных домах, начинает происходить русификация исламского религиозного дискурса [6. С. 18-19]. Многие мигранты приезжают с целью найти работу или открыть собственный бизнес, также присутствует миграция с возможностью получения качественного образования или для создания условий для того, чтобы образование получили их дети либо родственники. Приезжая в Томск, они сталкиваются с «коренным» мусульманским меньшинством, которое в основном представлено татарами Томска и Томского района. Как итог, идет активизация молодежи в религиозном пространстве, поскольку она начинает разбирать религиозные тексты с точки зрения «научного подхода».

Проблема здесь не столько в изменении принципов познания или изменения существующих традиций. Она сосредоточена в плоскости употребления тех источников, которые мусульмане используют в качестве основных для правильного исповедования религиозных обрядов. Из информации в биографических полуструктурированных интервью классификация источников была разделена на две категории: 1) основные (Коран или Сунна); 2) вспомогательные (сайты или порталы, которые представляют какие-либо разъяснения по бытовым, экономическим, политическим проблемам с точки зрения религии). Данное разделение объясняется фактором использования религиозного языка. В богословской исламской традиции, вплоть до недавнего времени, Коран был непереводаемым, ибо истинна Аллаха была доступна через арабский язык. В результате этого «реальность постижима через одну-единственную, привилегированную систему репрезентации - язык как истина [7. С. 59]. Из этого исходит долгое неприятие переводов Корана на русский и другие языки. Этим могут пользоваться недобросовестные богословы или религиозные деятели, идеи которых мусульмане начинают распространять вокруг себя.

Во вторую категорию также могут войти комментарии имамов, как официальных, так и национальных имамов, которых вызывают из своих «родных» регионов. В исламе существуют разные направления, поэтому духовенство призывается для того, чтобы обучать своему направлению или толкованию, чтобы не интегрироваться и не допускать изменений в

религиозной традиции. Как один из примеров может служить интервью с одним из «национальных» имамов: «Для чтения проповедей меня позвали из Дагестана, из Духовного управления мусульман Дагестана. Это нужно для того, чтобы я разъяснял свой масхаб (шафиитский – прим. авт.) и правильно совершал обряды, учил детей арабскому языку и проводил Худжру. Здесь меня содержат, присылают деньги на питание, содержание, чтобы я не занимался другими делами» [8].

В связи с различными течениями ислама у мигрантов-мусульман, возникают различные противоречия и конфликты. Важность понимания разных течений в исламе исходит из того, что современные выходцы из стран Центральной Азии испытывают потребность в сохранении своих привнесенных традиций и особенностей исполнения ритуалов, но и следят за недопущением различных радикальных форм, которые очень трудно распознать или различать среди множества направлений. Одним из последствий радикализма является его распространение. Сейчас эта форма переросла в миграцию радикально настроенных мусульман на Ближний Восток – в Сирию. В частности, в Томске уже есть несколько случаев. Об этом хорошо известно в национальных общинах: «Потому что, как бы сказать, в России есть много разных течений, кто есть кто – неизвестно. В России пока что нет таких ученых, которые показали бы прозрачность ислама, его разные течения. Один Дагестан возьмите. Там есть национальности, которые верят в разные течения, исповедуют что-то свое, и некоторые студенты были завербованы с Северного Кавказа. Есть такой регион, Югра называется, очень много там ваххабитов. Как раз-таки выходцы из Средней Азии. Может быть, и представители Дагестана там есть. Там вообще беспредел. Работающих институтов там вообще нет. Увы. И поэтому, никто не знает, что с этим делать. Все боятся. Самая уязвимая точка для России – это национальный вопрос»[9].

Таким образом, исходя из проведенного исследования, мы можем предположить, что мусульманское сообщество мигрантов-мусульман начинает складываться в особое межнациональное религиозное пространство. Негативными факторами, влияющими на этот процесс, является радикализация пространства религиозного поля, а также использование исламского духовенства как административных чиновников. Проблема усугубляется незнанием местной администрацией и властей религиозной специфики сообщества, а также начальной стадии формирования религиозного образования в целом.

Список литературы

Малахов. В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. / Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – С. 147.

Томская область: народы, культуры, конфессии: энциклопедия / отв. ред. О.М. Рындина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 382 с.

Нам И.В. Конфликт в мусульманской общине // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филлиповой. М., 1998. № 18. С. 44–45.

Абашин С.Н. Практическая логика ислама // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии : сб. ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 256–281.

Полевые материалы автора (ПМА). ВХ, ж. 56 л. 09.03.2016.

Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России: учебное пособие / А. К. Бустанов, М. Кемпер; СПбГУ: Президентская библиотека, 2016. – 134 с.

Интервью с А.А. М, 28 л. 14.09.2016.

Б. Андерсон. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

ПМА. А. Г. М. 24 г. 20.02.2017

Безызвестных Екатерина Анатольевна,

старший преподаватель кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального Университета

Смолянинова Ольга Георгиевна,

профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального Университета

«Социокультурная адаптация и интеграция иностранных студентов в федеральном университете средствами электронного обучения и технологии e-портфолио»

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)».

Одной из характерных черт современного общества является усиление масштабности и сложности миграционных процессов, их значимости и влияния на экономическую, политическую и социокультурную жизнь страны.

Более половины мигрантов, согласно российской статистике, рассчитывают на долгосрочное пребывание в стране, и треть из них рассматривает перспективу постоянного местожительства и натурализации. В этой связи формирование и развитие таких личностных черт, как открытость по отношению к межэтническим различиям, умение жить среди людей других культур, языков и религий, готовность к диалогу становятся особенно актуальными.

Одной из актуальных проблем в российском образовании становится исследование социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в образовательных учреждениях различных уровней. В этих условиях чрезвычайно актуальной становится проблема адаптации иностранных студентов из семей этнических мигрантов средствами образования, поскольку именно эта система является ключевым институтом социокультурной адаптации.

Перед педагогами, обучающимися и другими участниками образовательного процесса до сих пор остается актуальной задача поиска оптимальных путей для взаимной адаптации, с одной стороны, принимающего сообщества, с другой, - обучающихся мигрантов из семей этнических мигрантов с целью создания благоприятной образовательной среды для тех и других.

Существуют различные подходы в зарубежных и российских исследованиях по проблемам адаптации иностранных студентов. За рубежом адаптация рассматривается в контексте индивидуального «вхождения» представителя иной страны в новую для него культуру. Приоритетными задачами изучения зарубежных исследователей являются общие (определение своего места в жизни, реализация своего потенциала и т. д.) и специфические проблемы иностранных студентов (использование накопленного опыта по возвращении на родину и др.). В отечественной литературе адаптация иностранных студентов рассматривается в контексте трудностей включения иностранных студентов в учебный процесс на разных стадиях обучения, возможностей оптимизации психолого-педагогической и дидактической адаптации на основе системного изучения контингента иностранных студентов с помощью целого ряда методик [1].

Непрерывное образование является целостной системой и мировым трендом в современном образовании. Особую значимость в контексте рассмотрения условий успешной интеграции и адаптации мигрантов выступает поликультурное образовательное пространство в онлайн или офлайн-режимах. В данных условиях образовательное учреждение (школа или вуз) рассматривается как главный агент культурной социализации,

причем не только для первого поколения мигрантов – практически все адаптационные программы здесь рассчитаны также и на второе, и даже третье поколение мигрантов [2].

С 2016 года в Институте педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета осуществляются фундаментальные исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)» [3].

В рамках его реализации проектной командой ИППС СФУ впервые была спроектирована и внедрена электронная платформа непрерывного образования [3] для реализации задач модернизации педагогического образования и развития научно-образовательного комплекса Красноярского края. Главная идея платформы непрерывного образования заключается в создании организационно-методических условий для каждого участника образовательного процесса для личностного и профессионального развития и получения возможности совершенствования и самореализации в течение всей жизни.

Одним из подходов, реализуемым в рамках проекта, к организации непрерывного обучения, в том числе мигрантов в поликультурной среде Сибирского региона является разработка и использование ресурсов электронной образовательной платформы.

В 2017 году в рамках реализации проекта РФФИ было проведено исследование на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» с использованием автоматизированного опросника «Социальная адаптация иностранных студентов СФУ», размещенном в разделе «Тестирование» электронной платформы непрерывного образования. В опросе приняло участие 103 иностранных студента. Исследование показало, что несмотря на высокий уровень подготовки преподавательского состава и качественную организацию учебного процесса, мигранты испытывают трудности в процессе обучения. Проблемы социальной адаптации проявляются прежде всего в сфере коммуникации и усвоения новых знаний, норм, ценностей принимающего сообщества. Была выявлена зависимость эффективности учебной деятельности обучающихся мигрантов от многих психолого-педагогических и социальных факторов, в том числе от их адаптационного потенциала [4].

В последнее время все более эффективными для создания и непрерывной поддержки благоприятных условий обучения, адаптации и межкультурной коммуникации мигрантов становятся технологии электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, ресурсы электронных платформ непрерывного обучения и электронного портфолио.

В Институте педагогики, психологии и социологии СФУ для социокультурной адаптации и интеграции мигрантов используются следующие ресурсы:

электронные обучающие курсы по дисциплинам, созданные средствами LMS Moodle и опубликованные в системе электронного обучения (<https://e.sfu-kras.ru>);

уровневая система электронных портфолио обучающихся [5] (бакалавров, магистров, аспирантов) и специалистов по социокультурной интеграции и адаптации мигрантов [6];

электронная платформа непрерывного образования Сибири [3].

Далее рассмотрим пример е-портфолио иностранного студента ИППС СФУ направления подготовки «Психолого-педагогическое образование». Для обучающихся-мигрантов значимым является представление себя в новом информационно-образовательном пространстве университета. Раздел «Автобиография» позволяет иностранным студентам отразить важные моменты проживания в родной стране. Как правило, в данном разделе указана страна и город рождения, школа, увлечения до момента переезда и поступления в университет (рис. 1).

Приветствие Резюме Достижения Рефлексия **Личное** Контакты

Автобиография

Зовите меня по ИМЕНИ!
 Меня зовут Тимошенко Дмитрий. Однако я не очень привык к этому имени. Я привык что бы меня звали Митя. Дима я только по паспорту. А так как Дима и Митя это одно и то же имя получается что я не менял себе имени. Я это пишу потому что все при знакомстве спрашивают меня, а некоторые еще и спорят на счет того что я сам не знаю как меня зовут. Это конечно же раздражает.

Я и родители
 Я родился в Казахстане, в селе Каменка, в 1997 году 11 Февраля. Жил в поселке Аюкар до 18 лет в частном доме. Моя мама родилась в Алма-ате, училась в КазГУ и в итоге стала бухгалтером. Отец учился в железнодорожном техникуме. Он был не глупым тогда но потом он признался, что зря пошел в железнодорожный техникум, что мог получить высшее образование но повелся на поводу у друзей которые уговорили его идти учиться с ними в ЖД техникум.

Счастливые школьные годы
 Я всегда учился в гимназиях. В первый класс пошел в гимназию№5 в г.Алматы. Отучился там 5 классов, в 6 перешел в гимназию№27 и доучился все 11 классов. Однако самыми запоминающимися были только последние 2 года в школе. Мне повезло: я попал в дружный класс с нормальными людьми, мне попался лучший классный руководитель нашей школы - Степанцов Василий Борисович. он очень грамотно вел классное руководство и ни разу нас не подводил, как и мы его. В 2015 году поступил в СФУ ИППС на психолого-педагогическое направление.

© Институт педагогики, психологии и социологии СФУ Адрес: г. Красноярск, пр. Свободный, 79 Телефон: +7 (391) 246-99-34

Рис. 1 Раздел «Автобиография» е-портфолио иностранного студента ИППС СФУ направления подготовки «Психолого-педагогическое образование»

Таким образом, средства электронного обучения и технология е-портфолио являются не только ресурсами социальной адаптации и интеграции иностранных студентов в поликультурную среду федерального университета, но и конкурентным преимуществом привлечения иностранных абитуриентов для обучения в СФУ. Развитие информационно-образовательной среды вуза средствами электронного обучения и технологии е-портфолио могут стать ориентиром для оптимизации работы специализированных служб СФУ и успешности сопровождения процессов адаптации и иностранных студентов.

Список литературы

Троцук И.В., Витковская М.И. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2004. № 1 (6). С. 169–181.

Макаров А.Я. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И РОССИЯ. ВЕСТНИК РГГУ. СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ . Издательство: Российский государственный гуманитарный университет . Номер 3 (46). 2010.

Электронная платформа непрерывного образования Сибири. <http://rgnf-pl2ls.ipps.sfu-kras.ru>

Социально-гуманитарные составляющие процессов сопровождения интеграции и социальной адаптации мигрантов средствами образования / М.В. Ростовцева, О.Г. Смолянинова, В.В. Коршунова, Е.А. Безызвестных Учебно-методическое пособие. – Красноярск: Гротеск, 2017. – 144 с.

Электронные портфолио обучающихся, опубликованные на сайте ИППС СФУ <http://ipps.sfu-kras.ru/students>.

Электронные портфолио специалистов в области социокультурной адаптации и интеграции мигрантов <http://rgnf-pl2ls.ipps.sfu-kras.ru/index.php/portfolio>.

*Лыткина Анастасия Юрьевна, Пастухова Кристина Игоревна,
направление «Экономическая безопасность» Института экономики, управления и
природопользования Сибирского федерального университета*

«Социальная адаптация иностранных студентов посредством внедрения в работу»

Иностранные студенты являются неотъемлемой частью образовательного процесса во всем мире. Введение системы двойных дипломов (бакалавриат и магистратура), сетевое обучение, многочисленные грантовые программы, направленные на обучение за рубежом, усиливают академическую мобильность. В результате доля иностранных студентов в ВУЗах всего мира постоянно растет.

Приток студентов, несмотря на относительно небольшую долю в общих миграционных потоках, играет огромную роль в развитии науки и инновационного потенциала, росте высокотехнологичных отраслей и «знание-ёмких» секторов сферы услуг, таких как образование, здравоохранение, связь и др., и экономики в целом [1]. В обучении своих граждан за рубежом и приеме иностранных студентов заинтересованы как посылающие, так и принимающие их страны, берущие на себя часть издержек по их обучению. Однако в первую очередь в получении образования за границей заинтересованы сами студенты, которым оно необходимо для последующего трудоустройства и профессионального роста, о чем свидетельствует увеличение численности иностранных слушателей, обучающихся за собственный счет.

Согласно официальной статистике, основными странами, предпочитающие ВУЗы Красноярского края в качестве учебного заведения для получения высшего образования, являются Киргизия, КНР, Казахстан, Таджикистан. Однако в настоящий момент на долю иностранных студентов приходится всего 2% от общего числа обучающихся в университетах Красноярского края [2].

Социальная адаптация иностранных студентов – интеграция человека в новый социально-культурный образ жизни, а также это сложный многогранный процесс, связанный с большим количеством трудностей как для принимающей стороны, так и для иностранца. Так как, проблема социальной адаптации возможно решить путем прохождения соответствующих стадий адаптации:

Деятельность;

Общение;

Самосознание;

представляется возможным преодоление стадии общения за счет непосредственного включения иностранного студента в общественную деятельность на базе ВУЗа, молодежных центров и объединений, а также других общественных организаций.

Для этого необходима эффективная государственная молодежная политика в части стимулирования общественных организаций и объединений за включение иностранных граждан в работу данных сообществ, например, в качестве волонтеров. Данный аспект является очень важным, в контексте повышения квалификаций актива сообщества в преддверии XXIX Всемирной зимней Универсиады – 2019.

К основным этапам организации волонтерской деятельности совместно с иностранными студентами можно отнести:

Предварительный этап (подготовительный);

Первоначальный этап (этап отбора);

Образовательный этап (включение в работу);

Основной этап (проведение мероприятия);

Заключительный этап (поощрительный).

Предварительный этап создания волонтерской группы заключается прежде всего в определении вида волонтерства, целей, содержания и направленности добровольческой деятельности.

Основные вопросы, на которые необходимо ответить на данном этапе:

Какое количество волонтеров необходимо для достижения цели и какие психологические типы волонтеров нужны?

Какие компетенции, навыки, знания и умения необходимы для соответствующего вида работы?

На какое время необходимы волонтеры?

На предварительном этапе также необходимо составить анкету волонтера на нескольких языках, преимущественно – английский и китайский, где будут обозначены самые важные вопросы. Важно помнить о том, что волонтерская работа не оплачиваемая. В анкете рекомендуется обозначать вопрос: «какой вид нематериальной мотивации Вы ждете от данного опыта волонтерской деятельности?». При этом, следует указать, что от данного проекта получит волонтер:

знакомство с культурой страны;

возможность побывать в отдаленных местностях;

взаимодействие со СМИ;

взаимодействие с знаменитыми личностями: представителями законодательной, исполнительной власти, сферы бизнеса или другими медийными личностями города, страны или мира;

возможность личностного развития: тренинги, семинары, обучение русскому языку;

приобретение новых навыков и компетенций;

расширение круга знакомств;

получение опыта работы в определенной сфере;

и другие нематериальные мотивации, которые характерны для проекта.

Это необходимо для того, чтобы замотивировать человека на качественное выполнение поставленных задач.

Первоначальный этап включает в себя отбор волонтеров. Для начала рекомендуется оценить заполненные анкеты потенциальных волонтеров, затем позвать на собеседование тех, кто соответствует заявленным требованиям. Также необходимо подбирать волонтеров под конкретные цели и задачи для более качественного проведения мероприятия.

Образовательный этап – это подготовка волонтера к определенной либо универсальной работе. Необходимо помнить, что данный этап является очень важным, так как от того, как объяснят суть задания человека зависит качество дальнейшей работы волонтера. За образовательный этап должен непосредственно отвечать человек, знающий соответствующий иностранный язык. На данном этапе можно провести инструктаж: тренинги или семинары. Прошедшие отбор волонтеры также могут пройти дистанционное обучение (например, вебинары по соответствующим темам), в финале которого проводится тестирование (срез знаний) если такое имеется. Цель образовательного этапа заключается в том, чтобы научить волонтера работать в команде, разделять цели и ценности организаторов, уметь работать по правилам и выполнять конкретную работу. При осуществлении данного этапа необходимо выделить отдельное внимание дифференциации полномочий всех волонтеров, а также посредством внутреннего тестирования определить тех молодых людей, которые владеют навыками лидерства и ответственности. Данный этап является очень важным для иностранного гражданина, так как включает в себя деятельность и общение с национальными молодежными лидерами и гражданами с активной жизненной позицией.

Основной этап организации волонтерской деятельности является ключевым в организации деятельности иностранного волонтера. Здесь мы можем оценить качество предлагаемых услуг волонтером, работу лиц, предлагающих услуги по повышению навыков,

умений, компетенций в рамках образовательных форматов для волонтеров. Однако, необходимо распределить задания между волонтерами в соответствии с их интересами, данный аспект является стратегически важным в контексте дальнейшей работы с молодыми людьми. С позиции организаторов необходимо обеспечить координацию деятельности волонтеров во время выполнения их задач, контроль за правильностью выполнения своих функций, мониторинг качества и выделение лучших волонтеров.

Заключительный этап также немало важен в организации неоплачиваемых работ. Итог мероприятия должен быть знаменательным событием как для самих организаторов, так и для волонтеров. Рекомендуется по окончании события проводить заключительный сбор всех задействованных в данном событии людей для рефлексии и для внутреннего награждения.

Таким образом, нематериальное стимулирование волонтеров классическими и современными способами, их возможность самореализации, являются эффективным способом организации волонтерской деятельности среди молодежи.

Важно отметить, что данный подход позволит сформировать целую совокупность готовых на реализацию социально-значимых мероприятий иностранных волонтеров, дальнейшее участие которых сократит издержки на реализацию образовательного этапа, а также качество предоставляемых ими услуг существенно повысится. При этом постоянное взаимодействие между различными этническими народностями поможет быстрее адаптироваться каждому мигранту в условиях глобализации.

Список литературы

Цапенко И.П., Международная миграция ученых и студентов: возможности государственной политики / Журнал: Вопросы государственного и муниципального управления / Выпуск № 2-3 / 2007, – С. 37-58.

Выхованец О.Д., Образовательная миграция как часть миграционной политики России / Доклад на заседании Научного Совета ФМС России/ №387 – Электронный ресурс / Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php>

Микиденко Наталья Леонидовна,

доцент кафедры социологии, политологии и психологии

Сторожева Светлана Петровна,

доцент кафедры социологии, политологии и психологии

Монастырская Татьяна Игоревна,

доцент кафедры социологии, политологии и психологии,

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
(г. Новосибирск)*

«Гендерные аспекты адаптации детей мигрантов в образовательной среде (по материалам исследования в школах г.Новосибирска)»

Проблемы адаптации детей международных этнических мигрантов сохраняют высокую актуальность в связи с сохраняющимися широкими миграционными процессами как в целом по России, так и в Сибирском регионе. Авторы обращаются к вопросам гендерных аспектов социокультурной и учебной адаптации детей международных этнических мигрантов в образовательной среде средней школы, рассматривают зарубежный и российский опыт исследований в данном направлении. На основе анализа результатов авторского социологического исследования охарактеризованы гендерные особенности субъективных оценок школьной успеваемости, организации дополнительных занятий по школьной программе и организации дополнительных факультативов, кружков и секций, включенности в школьные праздники. Сделана попытка оценки соотношения культурных и образовательных практик принимающего сообщества и традиционных моделей воспитания девочек и мальчиков.

Ключевые слова: этническая миграция, дети этнических мигрантов, гендерный аспект, образовательная среда, школьное образование, принимающее сообщество, социокультурная адаптация, учебная адаптация.

ВВЕДЕНИЕ

Помимо вопросов экономической эффективности трудовой миграции, в центре внимания оказываются и вопросы организации пребывания не только взрослых, но и прибывающих вместе с ними детей с учетом специфики детского возраста. Исходя из этого, представляет научный и практический интерес рассмотреть особенности адаптации и интеграции детей трудовых мигрантов, социализирующихся в новых социокультурных условиях крупного города [1]. Несмотря на то, что российские города, и в первую очередь крупнейшие, являются миграционно привлекательными, тем не менее, решение вопросов адаптации детей мигрантов в таких поселениях имеет определенные особенности и требует дальнейшего рассмотрения и поиска организационных решений.

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В зарубежной литературе гендерная тематика в аспекте обучения детей мигрантов неоднократно затрагивалась различными авторами (в первую очередь, американскими и европейскими). На важность гендерной принадлежности в процессе освоения ребёнком мигрантов в новой среде указывается в публикации Совета по делам детей и семьи [2, р. 84.]. Д.Б. Цинь из Мичиганского государственного университета [3] указывает, что в условиях США, где сосуществуют представители самых разных этнических групп, в более выгодном положении с точки зрения образования оказываются именно девочки. Этому, с точки зрения исследователя, способствуют такие факторы, как высокий уровень ожиданий со стороны родителей, социализация в домашней среде, отношения в школе и культурная ассимиляция и адаптация. Более предметно этим автором были изучены модели поведения китайских подростков, переехавших в другую страну, в зависимости от гендерной принадлежности [3,

pp. 37-66.]. Так, было выявлено, что девушки и юноши справляются с давлением со стороны принимающего общества и семьи по-разному.

Важно, что различия, проявляемые мальчиками и девочками в школьном возрасте, впоследствии сказываются на различных параметрах рынка труда. Это особенно актуально для США, где с приходом к власти администрации Д. Трампа оказался под угрозой запрет на депортацию нелегальных мигрантов, оказавшихся в США до наступления своего совершеннолетия. Согласно публикации Института миграционной политики, на 2014 г. 83% таких мужчин имели работу (при общем показателе в 79%). Для женщин была характерна обратная тенденция: подобная цифра составляла 67% против средних 73%, что ещё раз обнаруживает определённые гендерные различия [4, p. 5.].

Норвежские учёные, Б. Братсберг, О. Рааум и К. Рёд, рассмотрели подобную проблематику на материале своей страны, которая известна благодаря активному содействию включению мигрантов. Интересно, что девочки из семей мигрантов опережают мальчиков в плане академической успеваемости до 16 лет: начиная с этого возраста тренд меняется [5, p. 233].

В книге «Влияние иммиграции на развитие детей» под редакцией С.Т. Гарсия Коль указывается, что исследования, проведённые в Италии, обнаружили меньшую эмоциональную стабильность у учащихся-мальчиков по сравнению с девочками [6, p. 45]. Преимущественно речь идёт о детях, переехавших в страну из Албании и Сербии. Также ученики мужского пола оказались более склонными к проявлению агрессии и менее социально адаптивными. При этом подобные данные проявились в результате опросов как самих детей, так и учителей.

Французские эксперты Я. Бренбаум и А. Киффер приводят статистику, согласно которой дети мигрантов сильно отстают в обучении от своих сверстников, родившихся во Франции. При этом показатель отстающих на год среди мальчиков-иммигрантов составляет 35,3% (у местных 15,1%), а у девочек он ниже: 25,5% (11,7% для родившихся во Франции) [7]. При этом процент юношей, не имеющих документа о среднеспециальном или высшем образовании, в два раза превышает аналогичный показатель у девушек (24% против 12%). Для сравнения, показатели родившихся во Франции таковы: 9% у юношей против 5% у девушек.

Помимо указанного, интересно проследить правоприменительные практики, принятые в различных государствах. Например, что касается опыта другой европейской страны, Финляндии, то в этой стране существует специально прописанная норма, согласно которой при получении специального (профессионального) образования дополнительные баллы начисляются абитуриентам, выбравшим специальность, на которых учатся менее 30% студентов того же пола [8, p. 19].

Д.Б. Цинь подчёркивает, что гендерным измерением социологических исследований проблем иммигрантов ранее незаслуженно пренебрегали [9, p. 8], при том что каждый пятый ребёнок в американской школе из семьи иммигрантов. Нужно иметь в виду, что под термином «дети иммигрантов» понимаются в том числе и дети «второго поколения мигрантов», т. е. понятие охватывает рождённых как вне страны-реципиента, так и в ней самой. При этом наиболее общим выводом исследований по теме Д.Б. Цинь называет тот факт, что мальчики в иммигрантской среде отстают от сверстниц по такому показателю, как академическая успеваемость [9, p. 9].

Внутристрановая миграция рассматривается в работе Ш. Гудбёрн на примере китайского г. Шэньчжэнь [10]. Исследователь фокусируется на девочках из сельской местности, переехавших с родителями в крупный город и посещающих начальную школу. Делается вывод об особых ожиданиях родителей от своих дочерей (чего, в то же время, не наблюдается в случае с мальчиками). Кроме того, автор делает вывод о положительном влиянии такой ситуации на матерей девочек, мотивация которых также подвергается изменениям.

Публикация Ф.М. Антман доказывает, что переезд отца в другую страну (на примере США) положительно сказывается на успеваемости девочек школьного возраста [11]. Этого не происходит, если имеет место миграция внутри страны. В этом случае практическое исследование успешно восполняет теоретические пробелы.

ОБЗОР РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В отечественной науке проблемам адаптации и интеграции детей мигрантов в последние десятилетия уделяется значимое внимание. Среди значимых работ в поле проблематики адаптации интеграции детей мигрантов следует отметить исследования следующих коллективов: Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К.А. «Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге» (2011) и Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. «Проблемы обучения и адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах» (2012) [12,13], отличающихся проработанным понятийным аппаратом, широтой исследуемых проблем, качественным инструментарием.

В исследовании специалистов из Высшей школы экономики на материале г. Санкт-Петербург указано, что гендер является одним из важных параметров, определяющих успешность учёбы ребёнка, в том числе и из семей иммигрантов. Так, по наблюдениям авторов, в среднем мальчики учатся хуже [12, С. 1]. Ещё один аспект, на который они обращают внимание: среди детей при образовании социальных связей большую роль играет принадлежность к одному и тому же полу: так, мальчик и девочка узбекского происхождения вряд ли будут дружить только из-за общих корней [9, р. 22]. Этот феномен определяется как гендерная гомофильность.

Анализ социокультурной адаптации учащихся в школе с учащимися, имеющими миграционную историю предложен О.В. Ганушко. Исследователь систематизирует направления, в которых должны быть сформированы компетенции учителя, работающего с детьми-мигрантами: социокультурная компетентность (осознание множественности культурных ценностей и норм, относительности различий); психологическая компетентность в области инкультурного воспитания (способность успешно взаимодействовать с представителями других культур); общепедагогическая компетентность; языковая компетентность (многоязычность); коммуникативная компетентность (готовность к сотрудничеству с родителями детей-мигрантов). [14, С.263-264]. Исследование Монастырской Т.И., Кузиной Е.В., Ковалевкой А. отражает вопросы социокультурной адаптации учащихся мигрантов на базе школы, с преобладанием учащихся мигрантов [15].

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве стратегии исследования использован вторичный анализ данных, так как изучение гендерного аспекта не было предусмотрено планом основного исследования социокультурной адаптации детей международных этнических мигрантов. Вторичный анализ данных для выявления гендерных различий проводился по всем основным блокам индикаторов и показателей основного исследования, включающим характеристику отношения к образованию, характеристику включенности в жизнь школы, коммуникации в образовательной среде и стратегии адаптации. Особое внимание было уделено учебной и внеучебной деятельности учащихся, а также проблемам, возникающим при изучении русского языка. Для выявления гендерных различий использовался метод корреляционного анализа.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве стратегии исследования использован вторичный анализ данных, так как изучение гендерного аспекта не было предусмотрено планом основного исследования социокультурной адаптации детей международных этнических мигрантов. Вторичный анализ данных для выявления гендерных различий проводился по всем основным блокам индикаторов и показателей основного исследования, включающим характеристику отношения к образованию, характеристику включенности в жизнь школы, коммуникации в

образовательной среде и стратегии адаптации. Особое внимание было уделено учебной и внеучебной деятельности учащихся, а также проблемам, возникающим при изучении русского языка. Для выявления гендерных различий использовался метод корреляционного анализа.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ гендерных аспектов адаптации детей международных мигрантов в образовательной среде проводился с сентября по ноябрь 2017 года. Основное социологическое исследования было проведено на базе средних школ г. Новосибирска при поддержке Главного управления образования мэрии г. Новосибирска. Исследование проводилось в период с 1 декабря по 25 декабря 2016г.

В исследовании приняли участие 393 учащихся из семей международных мигрантов из 27 школ г. Новосибирска, среди них 61,1% мальчиков и 38,9% девочек. На момент проведения исследования респонденты обучались с 1 по 11 класс общеобразовательных школ. Основная масса опрошенных обучалась в 5-ом (23,7%), 8-ом (18,9%), 6-ом и 7-ом (по 14,3%), 9-ом (12%) классах. Спектр стран, из которых прибыли дети международные этнические мигранты показан на рис.1. Большинство учащихся – мальчики, прибывшие из Таджикистана, Киргизстана и Казахстана.

Рис.1. Распределение респондентов по полу в ответах на вопрос «Из какой страны ты приехал?»

При анализе массива данных по ряду вопросов были выделены различия в ответах мальчиков и девочек (табл.1).

Таблица 1. Корреляции: пол

		Пол
Какие отметки ты получаешь чаще всего?	Корреляция Пирсона	,167**
	Знч.(2-сторон)	,001
	N	381
Кто помогает тебе в выполнении классных/домашних заданий?	Корреляция Пирсона	-,108*
	Знч.(2-сторон)	,034
	N	383
Чем ты еще занимаешься в школе помимо учебы?	Корреляция Пирсона	,156**
	Знч.(2-сторон)	,007
	N	292

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

* . Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Согласно полученным результатам переменная "пол" имеет значимые корреляции с такими переменными как "какие отметки ты получаешь чаще всего?", "кто помогает тебе в выполнении классных/домашних заданий?" и "чем еще ты занимаешься в школе помимо учебы?". Данные демонстрируют, что ответы опрошенных школьников на приведенные вопросы имеют связь с полом детей. Уровень значимости корреляций имеет значения до 0,05, соответственно, высока вероятность того, что полученные связи не являются случайными. Таким образом, мы можем заключить, что девочки и мальчики получают различные оценки в школе. Также пол ребенка влияет на то, кем будет оказана помощь при выполнении домашнего задания и выбор внеучебных занятий в школе.

Гендерные особенности проявляются в субъективной оценке школьной успеваемости детей. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какие оценки ты получаешь в школе?». Первоначально ответ не был стандартизирован и школьники формулировали его так, как хотели. При обработке ответы были объединены в группы «5», «5 и 4», «4», «4 и 3», «3», «3 и 2», «5 и 3», «4 и 2». Для выявления связи признаков пол и оценка успеваемости группы были укрупнены («5» и «4 и 5», «3 и 2» и «3»). Довольно большая группа детей (3,8%, N=15) определила свою успеваемость на «5 и 3», или «4 и 2». В связи с неопределенностью этой оценки эта группа была исключена из расчетов. Распределение девочек и мальчиков в этой группе почти равное (8 и 7). Различия субъективной оценки школьной успеваемости мальчиков (N=235) и девочек (N=148) приведено в таблице. Приведенные результаты свидетельствуют о том, что мальчики склонны ниже оценивать свою успеваемость по школьным предметам, чем девочки. Однако, для того, чтобы рассматривать это явление как особенности адаптации, требуется сравнение результатов с субъективными оценками успеваемости школьников в целом без учета фактора миграции. В отдельных исследованиях школьной успеваемости детей мигрантов подчеркивается, что фактор миграции позитивно влияет на школьную успеваемость и мотивацию. [СПб]

Таблица 2. Гендерные особенности в распределении ответов на вопрос: «Какие оценки ты получаешь?»

Субъективная оценка успеваемости в школе	Юнош	Дев	Итог
«4 и 5» (N человек)	54	57	106
«4 и 5» (%)	24,0%	40,4%	30,3%
Скоррект. остаток	-3,3	3,3	
«4» (N человек)	30	18	48
«4» %	13,3%	12,8%	13,1%
Скоррект. остаток	0,2	-0,2	
«4 и 3» (N человек)	99	50	149
«4» (%)	44,0%	35,5%	40,7%
Скоррект. остаток	1,6	-1,6	
«3»(N человек)	42	16	58
«3» (%)	18,7	11,3	15,8
Скоррект. остаток	1,9	-1,9	
Итого (N человек)	225	141	366
	100%	100	100
	%	%	

На вопрос «Ты посещаешь в школе предметные кружки, факультативы?» распределение ответов показало, что мальчики и девочки посещают какие-либо дополнительные занятия. Распределение по выборке в целом и в группах респондентов (39% – посещают, 61% – не посещают) одинаковое среди мальчиков и девочек. Однако, выбор дополнительных кружков, секций, занятий, названных респондентами, демонстрирует особенности выбора мальчиков и девочек. Мальчики предпочитают занятия в спортивных секциях (названы занятия в секциях по различным видам борьбы – каратэ, самбо, таеквандо, айкидо, игровые виды спорта – футбол, волейбол, баскетбол, а так же бокс, армспорт, легкая атлетика, шахматы) и занятия военно-патриотической тематики (Следопыт, Военная школа и др.). В увлечениях девочек преобладает выбор занятий музыкой, вокалом, танцами, театральными занятиями, а также занятия по изобразительному и декоративно-прикладному искусству (биссероплетение, шитье, тестопластика и др.). Распределение ответов представлено на рисунке 2.

Рисунок 2. Какие кружки, секции ты посещаешь?

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Каким образом ты дополнительно изучаешь русский язык?» (N=200, 125 мальчиков, 75 девочек).

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Кто помогает тебе в выполнении классных/домашних заданий?» (N выборов=368) (допускалось выбрать не более двух ответов).

Для выявления гендерных особенностей адаптации представляет интерес организация свободного времени и включенность детей в праздничную культуру. Девочки проявляют более высокую активность при участии в школьных праздниках. $Z = |2,8|$, что $\geq |1,99|$ и свидетельствует о связанности признаков. При условии, что в 0 (.0%) ячейках ожидаемая частота меньше 5. Уровень значимости корреляций имеет значения до 0,05, соответственно, высока вероятность того, что полученные связи не являются случайными. Распределение ответов отражено на рисунке 5. Выявлены также различия в праздниках, которые респонденты считают значимыми и в которых принимают участие. Так в ответах девочек одним из наиболее популярных праздников был назван «День матери».

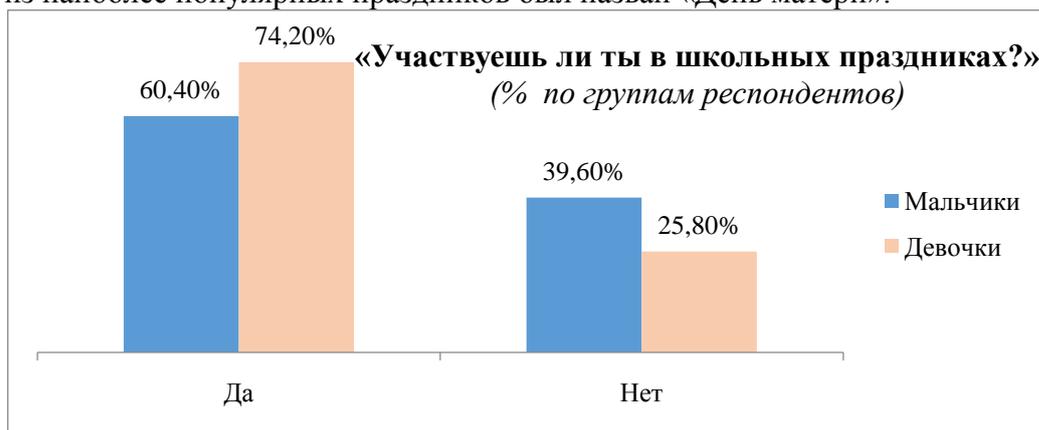

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Участвуешь ли ты в школьных праздниках?» (N=386).

ВЫВОДЫ

По мнению Санкт-Петербургских исследователей «Школа в современной России является единственным государственным институтом, к которому у мигрантов существует высокий уровень доверия, и поэтому служит важнейшим механизмом адаптации мигрантов» [12, С.123] Проведенное исследование показало, что такая оценка вполне справедлива и

школьное образовательное пространство играет важную роль в социокультурной адаптации детей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы исследования выражают благодарность Главному управлению образования мэрии г. Новосибирска, также непосредственно начальнику Департамента образования мэрии г. Новосибирска Рамилю Миргазяновичу Ахметгарееву за поддержку социологического исследования.

Список литературы

Копцева Н.П., Бахова Н.А., Замараева Ю.С., Кирко В.И. Проблема социокультурных исследования в современной гуманитарной науке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С.323-330. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=626847 (дата обращения 16.11.2017).

Immigrant Children and Their Families: Issues for Research and Policy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.princeton.edu/futureofchildren/publications/docs/05_02_06.pdf. – Загл. с экрана.

Qin B.D. The Role of Gender in Immigrant Children's Educational Adaptation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ847390.pdf>. – Загл. с экрана.

Capps R., Fix M., Zong J. The education and work profiles of the DACA population [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aacrao.org/docs/default-source/TrendTopic/Immigration/download.pdf?sfvrsn=0C.5.> – Загл. с экрана.

Bratsberg B., Raam O. and Røed K. Educating children of immigrants: Closing the gap in Norwegian schools [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frisch.uio.no/publikasjoner/pdf/EducatingChildrenOfImmigrants.pdf>. – Загл. с экрана.

The Impact of Immigration on Children's Development / Contributions to Human Development. Vol. 24. Ed. By C.T. Garcia Coll. Basel: S. Karger AG, 2012. С. 45.

Kieffer A., Brinbaum Y. Les scolarités des enfants d'immigrés de la sixième au baccalauréat : différenciation et polarisation des parcours [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-population-2009-3-page-561.htm>. – Загл. с экрана.

Immigrant Education in Finland [Electronic resource] / Opetushallitus: Finnish National Board of Education. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oph.fi/download/47659_ОПН_maahanmuu.ajaesite_envalmis.pdf. – Загл. с экрана.

Qin D.B. The Role of Gender in Immigrant Children's Educational Adaptation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ847390.pdf>. – Загл. с экрана.

Goodburn C. Migrant Girls in Shenzhen: Gender, Education and the Urbanization of Aspiration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/migrant-girls-in-shenzhen-gender-education-and-the-urbanization-of-aspiration/0F2EB729D6697C4A9D86DFE40F0D7876>. – Загл. с экрана.

Antman F. M. Gender, Educational Attainment, and the Impact of Parental Migration on Children Left Behind [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5014364/>. – Загл. с экрана.

Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К.А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. СПб., Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. 166с.

Проблемы обучения и адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах: монография / В.П.Засыпкин, Г.Е.Зборовский, Е.А.Шуклина. Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2012. – 212с.

Ганушко О.В. Сравнительный анализ проблемы профессиональной подготовки учителя к работе с детьми-мигрантами в России и Германии // Сибирский педагогический журнал. 2011. №2. С.261-268.

Монастырская Т.И., Кузина Е.В., Ковалева А.А. Адаптация детей мигрантов в образовательной среде: проблемы и возможности средней школы // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы», Красноярск, 28-30 ноября 2016 г. Красноярск, 2016. С.169-175.

Вейлерт Наталья Владимировна,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Грязнухина Татьяна Владимировна,

доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

«Процессы этнической миграции в контексте угрозы этнокультурной безопасности России»

Российская Федерация является многонациональным государством, на территории которого проживают более 150 национальностей [1]. Статус многонационального государства подтверждается Конституцией Российской Федерации, которая гарантирует равенство граждан вне зависимости от их национальности. Но, к сожалению, обеспечение формальной, юридической безопасности для этноса зачастую не дает субъективного ощущения защищенности, уверенности в сохранении этнической культуры.

Миграционные процессы, как правило, обусловлены экономическими факторами: стремлением к улучшению уровня жизни, заработка, получению образования более высокого качества. Этническая миграция — это миграция, в основе которой лежат факторы, связанные с самосохранением этноса, или его части, как целостного и самостоятельного организма. Принимая во внимание «молодость» Российской Федерации, можно предположить, что высокая потребность в этнокультурной безопасности на данной территории обусловлена незавершенностью процессов формирования нации и становления гражданского общества [2]. Отсутствие этнокультурной безопасности ощущают не только народы, находящиеся в меньшинстве, но и автохтонные народы тех или иных территорий. Угроза этнокультурной идентичности на объективном уровне проявляется в наличии открытых или скрытых угроз, как физического уничтожения населения, так и социального принижения представителей этноса. Следует отметить, что этническая миграция не всегда связана с негативными причинами, она может быть добровольной, связанной с расширением границ безопасности, в том числе с обеспечением безопасности этнической идентичности. В условиях этнокультурной безопасности каждая культура может стабильно функционировать и воспроизводиться во всей своей целостности, не будучи изолированной от других культур.

Специфика миграционных процессов в Российской Федерации обусловлена историческим прошлым территории, на которой в XX в. развернулись активные миграционные перемещения, связанные с войнами, индустриализацией, спецификой политического управления. В ходе этих процессов многие автохтонные народы утратили численное большинство в своих этнических ареалах, что привело к утрате многими национальностями своей национально-культурной идентичности. Важно отметить, что миграционные процессы для России всегда имели большое значение, поскольку обеспечивали тот уровень населения, который не мог обеспечить естественный прирост. Многие исследователи не видят для России возможности сохранить численность населения без привлечения мигрантов, но большое количество мигрантов несет опасность для этнокультурной безопасности принимающей территории. Этнические мигранты склонны к созданию объединений, диаспор, и таким образом, несмотря на нахождение на иной территории, они не включены в культуру этой территории и действуют в рамках закрытого национального сообщества. Такое стремление к изоляции особенно характерно для китайских общин, находящихся на сибирской территории. Их закрытый образ жизни вызывает недоверие со стороны автохтонного населения, поскольку представляется неизвестной угрозой в глазах местного населения; в то же время не проводится (или проводится очень мало) мероприятий, способствующих включению мигрантов в культурную жизнь территории. Таким образом, внутри культурной территории существует замкнутая национальная диаспора,

не стремящаяся к интеграции в российское общество и живущая по собственным традициям и обычаями [3]. Увеличение закрытых национальных сообществ ведет к росту ксенофобии и противозаконных действий в отношении мигрантов.

В 1990-2000-х гг. большое количество мигрантов стали представлять беженцы и вынужденные переселенцы, а также трудовые и транзитные мигранты. В этих миграционных потоках присутствуют как перемещения между регионами России, так и перемещения из стран бывшего СССР, дальнего зарубежья. Указанные выше группы переселенцев зачастую переселяются в близкую этнически среду, но, тем не менее, это не нивелирует проблемы, связанные с миграционными процессами. Так, трудовые мигранты, нуждающиеся в обустройстве на новой территории, могут не только усиливать конкуренцию на рынке труда и тем самым порождать конфликты ситуации, но также и маргинализироваться, что способствует складыванию негативного образа мигрантов в глазах автохтонного населения и увеличению конфликтогенного фона территории.

Миграционная политика, призванная разрешать данные конфликты, к сожалению, не может контролировать сферу этнической миграции, хотя шаги к такому контролю сделаны. Созданы специальные курсы, призванные помочь мигрантам включиться в автохтонную культуру, выучить язык. Проводятся мероприятия, связанные как с включением мигрантов в местную культуру, так и с диалогом культур, когда переселенцы имеют возможность представить элементы своего национально-культурного наследия.

Для создания условий этнокультурной безопасности необходимо проводить мероприятия не только в среде мигрантов, но и среде автохтонного населения. Если мигрантов необходимо «включать» в культуру, проводить мероприятия, способствующие сближению и диалогу культур, то для автохтонного населения необходимо донести адекватное представление о причинах мигрантов, об их составе, целях и функциях их появления [4].

Большой проблемой является стигматизация мигрантов в обществе, понимаемая в социальном смысле, как «вид отношений между постыдным общественным качеством и стереотипом — ожидаемым отношением к нему, задающий неспособность к полноценной общественной жизни из-за лишения права на общественное признание» [5]. Наиболее распространенной формой стигматизации является межнациональная стигматизация (основанная на различиях культуры и устоявшихся стереотипах о той или иной национальности), характеризующаяся категоричностью и ярко выраженной отрицательной оценкой. Такая стигматизация ведет к дискриминации и реальным враждебным действиям по отношению к миграционной группе. Следует отметить также существование не только культурной, т.е. укоренившейся в культурной жизни общества, но и личной стигматизации. Личная стигматизация выражается в негативном отношении к себе на основе причастности к какой-либо группе [6]. Личная стигматизация может использоваться и самим мигрантом для оправдания своих неудач и таким образом ухудшать его вовлечение в автохтонные культуру и общество. Отсутствие стигматизации мигрантов приведет к более лояльному отношению местного населения и утрате чувства угрозы собственной этнокультурной идентичности.

Список литературы

1. Данные Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]: Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения 2010. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf
2. Чмыхало, А.Ю. Этнические миграции как угроза этнокультурной безопасности России / А.Ю. Чмыхало // Социальная безопасность: Учебное пособие. — Томск: Издательство ТПУ, 2007. — С. 83-96.
3. Смирнова, Т.Б. Будет ли российское могущество прирастать с Сибирью? [Текст] / Т.Б. Смирнова // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной

антропологии: сборник статей / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова — М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — С. 579-594. — 754 С.

4. Петров, В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология [Текст] / В.Н. Петров // Социологические исследования. — 2009. — №10. — С. 48-57. — 155 С.

5. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. — N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. — 168 P.

6. Социальная стигматизация [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F

Лисаускайте Валентина Вlado,

доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета

«Современная миграция и вопросы гуманитарного реагирования»

Мигранты – категория населения, наименее защищенная в чрезвычайных ситуациях. Это лица, которые, исходя из своего статуса, чаще всего изначально являются уязвимой группой относительно негативных событий на территории их размещения. Лойтман В.И. отмечает: «проблема беженцев является одной из самых острых гуманитарных проблем современности. Особенно остро она встала в 2015 г., который наверняка войдет в историю как период беспрецедентного миграционного кризиса на южных и юго-восточных границах Европы» [1, с. 25.].

Этот аспект приобретает особое значение, когда мы говорим о мигрантах – беженцах, покинувших территорию своего государства – гражданства в связи с вооруженным конфликтом или иным негативным событием. Данная категория лиц изначально нуждается в гуманитарной помощи, и особенно в случае бедствия.

Как отмечают специалисты, стихийное бедствие – еще один фактор, который приводит к перемещениям населения в поисках убежища в других странах. Однако ни один международный документ в области прав беженцев бедственное положение таких людей конкретно не оговаривается. Поэтому в последнее время в рамках мирового сообщества под эгидой ООН проводятся встречи по обсуждению данной проблемы и определению возможностей ее решения.

Одно из подобных мероприятий состоялось в мае 2016 г. в Стамбуле (Турция) по инициативе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна – Всемирный саммит по гуманитарным вопросам, где обсуждались различные проблемы в этой сфере. В рамках мероприятия были приняты 5 ключевых направлений в сфере гуманитарной деятельности:

- Предотвращение и пресечение конфликтов;
- Соблюдение правил ведения военных действий;
- Никто не должен быть забыт;
- Изменение методов работы для устранения нужды;
- Инвестирование в защиту интересов человечества [2].

Один из вопросов, который обсуждался в рамках саммита, это пересмотр механизма оказания гуманитарной помощи, чтобы этот процесс имел наиболее эффективные результаты и был своевременным.

Другое мероприятие, посвященное более узким вопросам, состоялось в сентябре 2016 г. - Генеральная Ассамблея ООН организовала встречу высокого уровня для мобилизации усилий всех стран на решение проблемы беженцев и мигрантов [3]. Итогом данной встречи стало принятие Нью-Йоркской Декларации о беженцах и мигрантах [4]. Конечно, этот документ носит политический характер и не накладывает на государства какие-либо обязательства. Однако свидетельствует о признании со стороны стран мирового сообщества наличие проблемы и необходимость ее решения. Участники встречи подчеркивают в документе важность Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы и изложенные в ней рекомендации в отношении мер по уменьшению рисков, связанных с бедствиями. Тем самым подчеркивается существующая связь между происходящими бедствиями и страдающими от них лицами, приобретающими статус беженцев и мигрантов.

Следует отметить еще один пункт Декларации, согласно которому государства берут на себя политическое обязательство помогать — беспристрастно и исходя из потребностей — мигрантам в странах, переживающих конфликты или стихийные бедствия, работая, в

соответствующих случаях, во взаимодействии с надлежащими национальными органами. В этой связи мы отмечаем инициативу «Мигранты в странах, переживающих кризис» и Программу защиты трансгранично-перемещенных лиц в контексте бедствий и изменения климата [4]

Состоявшиеся в прошлом году мероприятия подтверждают существование проблемы и определяют основные направления ее решения. Подчеркивается важность равного отношения к гражданам государства, пострадавших от бедствия, и мигрантам или беженцам, также ставших уязвимыми от этого негативного события. Все группы нуждаются в равной помощи и равном гуманитарном реагировании со стороны самого государства, либо мирового сообщества.

Список литературы:

Лойтман В.И. Разграничение понятий «беженец» и «мигрант» в международном праве // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. №5. С. 25 – 29.

Всемирный саммит по гуманитарным вопросам // <http://www.un.org/ru/conf/whs/> (дата обращения 5 ноября 2017 г.)

Сайт ООН // <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/refugees/> (дата обращения 5 ноября 2017 г.)

Резолюция ГА ООН от 19 сентября 2016 г. «Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах»
A/RES/71/1 // http://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ODG/GCM/NY_Declaration_RUS.pdf (дата обращения 5 ноября 2017 г.)

Павельева Эвелина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

«Посткризисная миграционная политика ЕС: соотношение интеграционных и национальных интересов»

Европа в XX столетии столкнулась с масштабными миграционными кризисами. После окончания Второй мировой войны шестьдесят миллионов, а после падения «железного занавеса» около 70 тысяч человек являлись мигрантами и перемещались по европейским государствам в поисках наиболее благоприятных условий жизнедеятельности. XXI век Европа встретила с новыми потоками мигрантов и беженцев. С начала нового тысячелетия в европейские государства хлынули потоки беженцев из государств Ближнего Востока и Северной Африки. Причин тому несколько: события «арабской весны», военные конфликты в Сирии и Ливии, нестабильная обстановка в таких государствах как Нигер, Афганистан, Эритрея, Сомали, Ирак.[1,2]

Новый миграционный кризис вызвал проблемы, которые можно разделить на две группы:

- несогласованность позиций государств-членов ЕС по вопросам предоставления убежища и интеграционной политики;
- отсутствие выработанной позиции с третьими государствами.

Причины внутренней несогласованности между государствами-членами вызваны необходимостью принимать стихийно прибывающих мигрантов, экономически и социально их поддерживать. Недовольства государств провоцировались и недовольством местного населения, нежеланием принимать чуждую им культуру и мириться с неудобствами, являющимися следствием масштабных потоков. Очевидно, что опасение европейцев вызвано и страхами, связанными с террористическими угрозами, следующими за миграционными потоками из Северной Африки и Ближнего Востока.

Европейские государства разделились на два лагеря: радеющие за прием иностранцев и не желающие их принимать. В частности, к первому можно отнести такие государства как Германия и Швеция, ко второй – Греция, Хорватия, Чехия и другие. Например, Венгрия выбрала протекционистский подход, направленный на максимальное ограничение количества посетителей, просителей убежища. В 2016 году в этом государстве был проведен референдум об отклонении квот мигрантов, определенных на интеграционном уровне.

В Чехии были выявлены системные нарушения прав мигрантов, при этом было определено, что они согласовывались с официальной политикой правительства, направленной на сдерживание потока лиц, ищущих убежище. К таким нарушениям отнесены:

- задержание прибывших иностранцев от 40 до 90 дней и содержание их в условиях, унижающих достоинство и не предоставляя им информации о бесплатной правовой помощи;
- ограничение доступа общественных организаций в места содержания иностранцев;
- обыски и конфискация денежных средств и имущества у прибывших лиц с целью оплаты их пребывания в государстве из расчета 10 долларов в сутки;
- разлучение с детьми.

Данные факты говорят о том, что государства выработали позицию непринятия миграционных потоков, нежелания их содержать на своей территории.

По последним данным Международной организации миграции количество заявок незначительно уменьшилось. Так, в 2016 году в одно из государств-членов ЕС поступило 220 тысяч человек за международной защитой, а в 2017 году – около 30 тысяч человек было зарегистрировано как прибывших по морю. Сведения международных

организаций и непрекращающиеся конфликты в Африке позволяют сделать вывод, что потоки мигрантов в ближайшее время не прекратятся. В связи с этим, Европейский союз стоит перед необходимостью решения миграционных проблем.

В первую очередь стоит обратить внимание на демографические проблемы, а именно меняющаяся демографическая ситуация в странах Европы, Восточной Азии и Африки. В Европе происходит старение населения. По данным Евростат к 2020 году численность трудоспособного населения уменьшится на 7,2 млн. и произойдет сокращение численности возрастной категории от 15 до 64 лет. [3] В то же время в Азии и Африке (как основных регионов-поставщиков мигрантов) происходит значительное сокращение детской смертности, что усиливает миграционный потенциал. Исходя из этих данных, демографические проблемы должны стать решающими при определении интеграционной политике ЕС в целом и государств-членов.

Вторым важным аспектом миграционной политики ЕС, требующим существенной переработки, является вопрос о распределении квот мигрантов. Необходимость исправления ошибок в данном направлении связан с разногласиями, возникшими по плану распределения 120 тысяч беженцев, прибывших в ЕС в сентябре 2015 г. Поскольку государства всячески противились приему даже в пределах определенных им квот предоставлять свою территорию и убежище на своей территории, Европейской комиссией в апреле/мае 2016 года было принято решение о введении штрафов для государств, не принимающих беженцев (250 тыс. евро за одного не принятого иностранца), что не могло не вызвать недовольства среди государств. Система распределения квот в Европейском союзе оказалась неработоспособной и слишком упрощенной. Основные принципы распределения квот заключаются в соотношении количества населения и ВВП. Такая основа миграционной политики уже не отвечает современным реалиям и государства все больше выступают за свободное принятие решения, которое будет зависеть от их национального интереса и интеграции мигрантов в их национальные системы.

В качестве еще одной проблемы можно выделить экономическую. Она неразрывно связана с необходимостью возврата к регулированию вопросов нелегальной миграции. Очевидно, что мигрант прибывающий на территорию ЕС легально и получивший статус мигранта экономически выгоден и для государства-члена ЕС и для государства-партнера (из которого прибыл мигрант). Как правило, иностранец переезжает в другое государство с целю улучшения своих жизненных условий или для того чтобы найти работу и оказать помощь своей семье. Такая ситуация, в частности, возникла в Польше с мигрантами из Украины. Решение проблемы видится в легализации трудовой миграции, а значит и в создании льготных условий и договоренностей с государствами-партнерами, в связи с тем, что легальный мигрант будет налогоплательщиком в государстве, где осуществляет трудовую деятельность, в то же время, имея возможность и пересылать средства с государство своего гражданства.

Исходя из анализа позиций государств и Европейского союза можно сделать вывод, что необходимость решения миграционной проблемы стоит достаточно остро. Решение возможно достичь путем консолидации интеграционных позиций и национальных интересов государств-членов.

Список литературы

- Дюк-Кван Нгуэн, Штефания Зуммерматтер Миграция и беженцы в Европе: цифры и факты // URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics>
Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках// URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts
Migration and migrant population statistics

http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics

Жуковская Людмила Николаевна,

доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Содействие социально-культурному взаимодействию мигрантов в полиэтническом пространстве современной библиотеки»

Формирование идей межнационального согласия, развитие активной гражданской позиции у молодого поколения, а также поддержка межкультурного диалога - в числе основных задач государственной национальной политики России. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии провозглашает самобытность, разнообразие культур, терпимость, диалог и сотрудничество в обстановке доверия и взаимопонимания народов мира и определяет культурное разнообразие как общее достояние человечества [1].

Среди разнообразных культурологических концепций, рассматривающих понятие «культура», наиболее убедительным, по нашему мнению, является синтетическая теория идеального Д.В. Пивоварова, где термин «культура» определен как «идеалообразующая сторона человеческой жизни и деятельности» [2]. Культура «культивирует» идеалы, а идеалы являются фундаментом культуры. Долговечность культуры обусловлена способностью фундаментальных идеалов реализовывать свою «поддерживающую» миссию. Идеалообразование - это основной признак культуры, процесс сохранения и изменения образцов воспроизводства специфической общественной жизни во всех ее измерениях, почитаемых за идеалы, а также это процесс отказа от идеалов, перестающих животворно влиять на прирост культуры. Идеалы производятся не только обществами и цивилизациями, но также социальными группами и индивидами. Поэтому можно утверждать, что кроме культуры общества, существует уникальная культура индивидуально человека. Отношение человека, носителя культуры, с любой сферой бытия позволительно назвать идеальным, поскольку оно случается благодаря идеалу, выступающему в качестве репрезентанта, посредника, медиатора [3].

Среди моделей базовых идеалов культуры российские ученые В.И. Жуковский и Д.В. Пивоваров выделяют «модель индивидуальной эволюции», которая определяет способность каждого человека быть развитым и независимым в выборе культурных идеалов путем постепенной эволюции, возможность дорасти до уровня творца собственных идеалов. Таким образом, культура возделывает, взращивает идеалы, призванные поддерживать комфортное существование каждого человека с собой, другими людьми, предметами первой и второй природы, с мирозданием в целом [4].

Методологические положения концепта идеального определили условия для утверждения индивидуально-эволюционного идеала, для исследования процессов идеалообразования в культурном разнообразии. Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО утверждается тезис о неповторимости культурного разнообразия, которое является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений.

Ведущая роль в процессе продвижения идеи культурного разнообразия принадлежит библиотекам как наиболее доступным социальным институтам. Современные российские библиотеки, являясь центрами взаимодействия культур, стремятся активно участвовать в формировании поликультурной личности, способной адекватно реагировать на вызовы современного мира, успешно преодолевать барьеры непонимания и культурные стереотипы. Библиотеки способны по-новому организовать свое пространство, создавать и поддерживать сосуществование различных культурных смыслов, погружать своих пользователей в атмосферу гостеприимства и доброжелательства, содействовать развитию и укреплению межкультурного диалога [5].

Красноярский край, как и многие регионы Российской Федерации, отличается большой степенью культурного и языкового разнообразия народов, его населяющих. В многонациональном Красноярском крае с особой остротой возникают вопросы о национальной специфике образования. По данным УФМС Красноярского края в образовательных учреждениях края наряду с детьми и молодежью коренных жителей учатся все увеличивающееся число детей и молодежи из семей стран ближнего зарубежья; в крае сохраняется актуальность общероссийских негативных тенденций, связанных с проявлениями межэтнической нетерпимости; особую тревогу вызывает низкий уровень толерантности молодежи. Учитывая, что в обозримой перспективе можно прогнозировать дальнейшее развитие миграционных процессов, возникает необходимость содействия интеграции подростков и молодежи их семей мигрантов в красноярскую социокультурную среду через организацию мероприятий межнационального характера, поликультурное образование.

Поликультурное образование позволяет молодежи из ближнего зарубежья успешнее пройти социальную адаптацию: привыкнуть к условиям обучения, научиться выстраивать межличностные отношения, познакомиться с правилами проведения досуга. Недостаток педагогических, психологических рекомендаций для реализации поликультурного образования и социальной адаптации молодых мигрантов свидетельствует о том, что современное поликультурное образование нуждается в методическом и информационно-библиографическом сопровождении.

Библиотеки школ, лицеев, техникумов в настоящее время не готовы качественно обеспечить библиотечными документами и информацией современный образовательный процесс учащихся в связи с недостаточно высокой материально-технической базой, не позволяющей создать комфортную среду для таких пользователей. Специалисты, работающие с этими учащимися в образовательных учреждениях, не могут в полной мере воспользоваться накопленным информационным потенциалом в силу ограниченности доступа к разнообразным информационным источникам, аккумулирующим профессиональный и педагогический опыт.

Государственная универсальная научная библиотека (ГУНБ) Красноярского края, имея значительный объем информационных продуктов и услуг, многолетний опыт обеспечения навигацией пользователей Красноярского края, способна организовать комфортный доступ к информации учителям, психологам и социальным педагогам, которые обеспечивают учебный и педагогический процесс подростков и молодежи; помочь в адаптации молодых людей из семей мигрантов, оказать информационно-консультационную поддержку родителям учащихся-мигрантов.

Реализация социокультурного проекта «Енисей объединяет: разные и равные. Информационно-библиографическое сопровождение поликультурного образования в Красноярском крае», поддержанного Фондом М. Прохорова, способствовала объединению усилий центральной библиотеки края и образовательных учреждений по организации социокультурной адаптации молодежи из семей мигрантов в Красноярском крае [6]. Библиотека организовала дифференцированное информирование специалистов образовательных учреждений-участников проекта по темам: «Поликультурное образование как педагогическое направление», «Психолого-педагогические основы межэтнических отношений», «Этическое содержание поликультурного образования». Важную информацию содержат подготовленные для пользователей электронные дайджесты по темам «Межкультурная коммуникация и взаимовлияние культур», «Проблемы этнической толерантности и религиозной терпимости», «Социокультурная адаптация детей и подростков из семей мигрантов». Дни информации, приуроченные к методическим мероприятиям образовательных учреждений, сочетают в себе различные формы деятельности: выставки, обзоры, консультации. ГУНБ Красноярского края совместно библиотеками-партнерами

проекта проводит массовое библиографическое информирование для всех групп целевой аудитории проекта по социально-значимым темам, используя возможности электронных средств связи; в муниципальные библиотеки и образовательные учреждения систематически рассылается аннотированный библиографический указатель литературы «Культура», эффективным инструментом массового информирования является сайт библиотеки.

Деятельность библиотек по сопровождению поликультурного образования неразрывно связана с краеведческим направлением. В содержание библиотечного краеведения входит поиск, обработка и продвижение архивных материалов и документов, по крупицам собранных библиотекарями-краеведами. Организовано справочное обслуживание, как на консультационном пункте, так и виртуально. В последнее время увеличилось количество сложных справок с обязательным текстовым обеспечением; виртуальная справочная служба «Скорая помощь библиографа-краеведа» позволяет систематически вести диалог с пользователями. Из наиболее интересных запросов, выполненных службой, можно выделить следующие: «О миграционных процессах в Красноярском крае», «Диагностика межнациональной толерантности», «Формирование готовности будущих учителей к осуществлению воспитания толерантности», «Структура и институты этнокультурного пространства малого города». Библиотека ежегодно издает календарь знаменательных и памятных дат «Край наш Красноярский», в котором публикуются материалы о многонациональном населении края, представлены биографии лучших его представителей.

ГУНБ Красноярского края организует поддержку учреждениям системы общего и профессионального образования, где обучаются подростки и молодежь из семей мигрантов, в проведении культурно-досуговых мероприятий. В партнерстве с центрами национальных культур, творческими союзами и Домом искусств библиотека организует мероприятия с выступлениями представителей национальной интеллигенции края, проводит читательские диспуты, конкурсы, книжно-литературные акции, циклы выставок «Красноярск многонациональный», экскурсии. Библиотека принимает участие в семейных клубах, проведении родительских лекториев и обеспечивает специалистов образовательных учреждений методическими и библиографическими материалами в помощь организации внеучебных мероприятий [6].

Библиотека стремится отслеживать инновационные идеи, поддерживать их и оказывать библиографическую методическую и организационную поддержку участникам клубных формирований, работающих в библиотеке. Благодаря своим информационным ресурсам и просветительскому опыту центральная библиотека края стала платформой для развития досуговых интересов различных слоев населения края. Воспитанию поликультурной личности способствует и деятельность популярного лингвострановедческого библиотечного клуба «Эйкумена», каждая встреча которого несет информацию о какой-либо стране, ее социокультурной жизни, особенностях менталитета.

ГУНБ Красноярского края активно участвует в работе региональных, всероссийских и международных научно-практических конференциях, где делится опытом работы по информационно-библиографическому обеспечению поликультурного образования в крае, по организации социокультурной поддержки мигрантской молодежи [7].

Проектная деятельность - одно из инновационных направлений развития ГУНБ Красноярского края, которое позволяет организовать информационную поддержку поликультурного образования молодежи Красноярского края, предоставлять пользователям объективную информацию о межкультурном сотрудничестве, способствовать развитию взаимопонимания между представителями разных национальностей и вероисповеданий, формировать идеи толерантности, межнационального согласия.

Список литературы

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
2. Пивоваров Д. В. Проблема синтеза основных дефиниций культуры // Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 157—161.
3. Жуковский В. И. Произведение искусства в эпицентре художественной культуры // Философия и культура. 2013. № 11. С. 1613-1620 DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.9845
4. Жуковский, В. И., Пивоваров Д. В. Зримая сущность. Свердловск, УрГУ, 1991. – 284 с.
5. Манифест ИФЛА о поликультурной библиотеке // Научная электронная библиотека ГПНТБ России. URL: <http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?art=1&journal=ntb&num=7&year=2008>
6. Жуковская Л.Н. Информационное сопровождение поликультурного образования: библиотечный проект // Сибирский вестник специального образования. – 2015. - № 1(14). – С. 32-35.
7. Жуковская Л.Н., Жуковский В.И. Идеалообразующий потенциал клубных формирований современной библиотеки // Румянцевские чтения-2014. Ч. 1: материалы международной научной конференции. М, Пашков дом, 2014. С.240-245.

Брызгина Диана Евгеньевна,

магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета (г.Томск)

«Риторика ходьбы: «этнические» рынки г. Иркутска в пешеходных практиках горожан»

Возникновение и развитие оптово-розничных рынков, наблюдаемое с 1990-х гг., стало новой, но уже неотъемлемой чертой многих российских городов. Вследствие интенсификации миграционных потоков произошло расширение присутствия трансграничных мигрантов во многих городах Сибири и Дальнего Востока и усиление их роли в повседневной жизни горожан. Рынки являются важными узлами, в которых формировались и развивались новые формы социального взаимодействия. Вокруг них складывались обширные экономические сети и новые транспортные потоки, в результате чего, они быстро стали ключевым элементом социальной и экономической жизни города. В тяжелых экономических условиях они превратились в один из основных источников снабжения населения, удовлетворения его потребностей. Все это определяло их значимость в жизни городского сообщества и развитии городского пространства.

«Этнические» рынки стали неотъемлемой частью города и процессов его преобразования. На основе взаимодействия горожан с рынками происходит выработка, усвоение и осознание отношения к мигрантам на обыденном уровне [1], складываются механизмы взаимодействия и адаптации принимающего сообщества и мигрантов. В то же время рынки выступают важнейшим элементом городского пространства, определяющим не только особенности взаимодействия с «Другим», но и характер регулярных практик и социальных контактов, составляющих основу жизнедеятельности городских сообществ.

В этом отношении, «этнические» рынки формируют особые условия взаимодействий горожан как с мигрантами, так и с пространством города в целом. Функционирование «этнических» рынков как экономических объектов напрямую зависит от привлечения покупателей, возможности осуществления встреч «лицом к лицу» [2] и непосредственной личной коммуникации между покупателями и работниками рынка. Это способствует интенсификации социальных взаимодействий и структурированию многообразных социальных связей, складывающихся в особую систему отношений. В связи с этим, практики пользования рынком не ограничиваются только его посещением и свершением операций экономического обмена. Этот процесс всегда сопряжен с пространственной мобильностью: движение с целью посещения рынка, прогулка с попутным посещением, перемещение по его территории и др. Перемещения людей, товаров, денежных потоков не только обеспечивают функционирование рынков, но также связывают эти объекты с различными городскими районами и пространствами, определяя характер, способы и интенсивность их взаимодействия друг с другом и, тем самым, формируя систему (структуру), которая и является городом [3].

С этой точки зрения «этнические» рынки представляются важными узлами коммуникации человека с пространством города, осуществляемой, прежде всего, через пешеходные практики. Рассмотрение кейса «этнических» рынков г. Иркутска в данном контексте позволит показать, какое влияние рынки оказывают на способы взаимодействия людей с пространством города, в чем проявляется связь пешеходной мобильности и «этнических» рынков, каким образом реализуются взаимодействия людей с рынками (и на рынках) посредством пешеходных практик, различные варианты такого взаимодействия, а также причины и факторы, определяющие выбор в пользу тех или иных стратегий мобильности и способов взаимодействия с пространством «этнических» рынков.

Рассматривая «этнические» рынки, как элемент городской организации, создающий набор условий и возможностей, реализуемых в процессе выстраивания пешеходных

маршрутов, необходимо сфокусироваться на факторах мобильности, которые формируют «этнические» рынки в городе.

Во-первых, это мотивы и цели движения, определяющие место рынка в маршруте. В зависимости от того, какую позицию занимает рынок в пешеходных тактиках горожан по отношению к основным мотивам, побуждающим людей к движению можно рассматривать рынок как непосредственную цель, «межпространство» [2], а также как рефлексивную либо нерелексивную часть пути. Самый простой вариант – рынок как цель, который подразумевает, что в основе мобильности человека лежит необходимость его посещения, совершения каких-либо покупок. Пешеходная мобильность, в этом случае, замыкается на рынок, посещение которого является запланированным осознанным действием. Основное содержание подобного рода мобильности тесно сопряжено с экономической составляющей рыночной деятельности и представляет собой самый распространенный способ взаимодействия с рынком.

Планируя свои маршруты, люди имеют возможность включить в него посещение рынка. С одной стороны, это может увеличить время пути, но с другой позволит продуктивно распорядиться этим временем. В результате, являясь частью пути, «этнический» рынок превращается в то, что Дж. Урри называет «межпространством», которое характеризуется трансформацией времени пути во время дела [Там же]. В этом случае посещение рынка так же является запланированным и осознанным, но участие во взаимодействии с его пространством представляется как второстепенная практика с точки зрения пешехода. В результате, многие элементы в процессе освоения рынка «выносятся за скобки», некоторые детали не воспринимаются как значимые, а сам рынок выступает как удобный вариант выстраивания особых жизненных стратегий, позволяющих решить несколько задач в рамках одного маршрута («проживание на ходу») [Там же].

Другой случай интеграции «этнических» рынков в мобильность горожан не является универсальным и свойственен самой крупной и значимой торговой площади Иркутска – «Шанхайке», чем другим рынкам. Это связано, прежде всего, с ее местоположением относительно различных районов и ключевых инфраструктур и систем города. Поскольку этот рынок является фактически несущей конструкцией города [4] и замыкает на себя системы и сети взаимодействий различного характера и уровня, он становится частью жизни всех иркутян, жизнедеятельность которых сосредоточена или каким-то образом связана с центром города. В этом случае «этнический» рынок является неотъемлемым элементом, в том числе, и пешеходных маршрутов, отражающих особенности эксплуатации и взаимодействия людей с пространством города. При этом рефлексия неизбежного столкновения с рынком не является обязательным условием: человек необязательно фиксирует в своем сознании взаимодействие с рынком, для него проход через рынок может являться привычным, ежедневным актом, не имеющим какого-либо особого содержания. Сами рынки, в этом случае, становятся «пустым пространством», ничем непримечательным фрагментом городской структуры, что еще раз подчеркивает их интеграцию в жизнь города.

В иных случаях рефлексия неизбежного включения «этнических» рынков в маршрут способствует усилению его влияния с точки зрения наполнения мобильности дополнительными целями и практиками, связанными с независимым от желания горожанина посещением рынка. В результате, мобильность дополняется «попутными» практиками использования рынка с целью удовлетворения каких-либо нужд. Наиболее распространенным примером, в данном случае, являются локальные рынки, расположенные вблизи остановок общественного транспорта: иркутяне по пути на остановку (или с нее) могут зайти на рынок и сделать все необходимые покупки, и, что примечательно, зная это, могут отложить поход в магазин или торговый центр в течение определенного времени.

Во-вторых, это наличие или отсутствие опыта взаимодействия с пространством «этнических» рынков и характер представлений об их функционировании. Поскольку

пешеходная мобильность подразумевает непосредственную коммуникацию людей с пространством рынков, данный фактор является определяющим в формировании особенностей этих взаимодействий. При отсутствии опыта освоения пространства рыночных локальностей посещение рынков становится для человека погружением в особую среду, отличную от других городских инфраструктур. Взаимодействие с новым, иноэтничным, нефиксированным, динамичным пространством требует от посетителей рынка дополнительных времени и усилий для привыкания, узнавания нового, определения и понимания механизмов функционирования рынка, его внутренней организации. Практики адаптации и привыкания, при этом, зависят, во-первых, от перемещений, так как освоение пространства происходит в процессе прогулки по территории рынка, и во-вторых, от степени открытости к социальным контактам с другими акторами рынка. Вследствие этого, стратегии «обживания» пространства могут основываться на индивидуальных практиках перемещения «вслепую» [5], поскольку посетитель не знает, как организована торговля на рынке, либо на обращении к опыту других посетителей или торговцев, которые уже имеют представление о функционировании и организации рынка. В последнем случае, производство пешеходных практик отдельного человека является коллективным продуктом [6] и становится возможным при наличии определенной степени доверия к незнакомым людям.

Повторные практики посещения «этнических» рынков основаны на приобретенном опыте взаимодействия с ними. Характер полученных в ходе этих взаимодействий сведений и знаний определяет возможность их повторения, а также регулярность, формы и способы взаимодействия. Особой формой коммуникации с рынком, с этой точки зрения, является практики, выражающиеся в различных вариантах избегания взаимодействия с рынком: некоторые горожане принципиально не пользуются услугами рынков, всячески избегают их посещения, стараются обходить их стороной. Подобного рода практики могут представлять собой реакцию на негативный опыт взаимодействия с «этническими» рынками, формирующими стремление избежать повторных контактов или ситуаций, связанных с их посещением.

Однако в большинстве случаев практики избегания основаны в большей степени массовых представлениях и упрощенных стереотипах, бытующих в описаниях и образах исследуемых локальностей. Наиболее эффективным механизмом конструирования этих представлений являются медиа, в рамках которых рынки чаще всего упоминаются в негативном ключе. Несмотря на то, что в физическом отношении такие практики характеризуются отсутствием взаимодействия с рынками, тем не менее они становятся активными акторами формирования их позиционирования в символическом пространстве города, выделяя его из городской структуры.

Что касается физических взаимодействий с этнически маркируемыми локальностями, перемещения покупателей внутри освоенного пространства рынков имеют заданные потребностью в том или ином товаре направления, маршруты, проложенные через рынок, соединяют определенные прилавки и павильоны, на которых фокусируется покупатель. В результате мобильность пешеходов, посетивших рынок формирует множественную сеть, в которой их маршруты и траектории движения конституируют внутреннее пространство рынков, что в случае крупного «этнического» комплекса, расположенного в центре Иркутска становится ключевым механизмом «сборки» пространства относительно небольших торговых площадей в единую систему, имеющую собирательное название «Большой Шанхай», основанную, прежде всего, на неформальных связях между рынками.

В-третьих, это видимость пространственной организации «этнических» рынков для посетителей и степень отчетливости его структуры. Зачастую у сторонних наблюдателей, либо обычных посетителей, не задействованных в работе рынков в качестве субъектов, осуществляющих его деятельность, складывается впечатление об отсутствии какой-либо внутренней четкой структуры и планировки. Подобные представления имеют под собой

реальные основания, поскольку процесс развития рынков, особенно на начальных этапах, протекает преимущественно стихийно, не подвергаясь какому-либо жесткому регулированию. В связи с этим, внутренняя структура рынков обусловлена процессами самоорганизации, которые имеют определенную, не всегда очевидную, логику развития. С этой точки зрения, характерная для рынка системность практически не зависит от внешних воздействий, основанных на передвижении покупателей по рынку в поисках нужного товара. Подобная организация не может быть «прочитана» и осознана горожанами, и, в связи с этим, возникающее непонимание способствует усилению представлений местного сообщества о «чуждости» таких локальностей, выстраиванию границ в символическом пространстве, выделяя и даже исключая их из жизни города в качестве привычной, устоявшейся инфраструктуры.

Таким образом, пешеходная мобильность горожан, сопряженная с коммуникацией с городским пространством посредством социальных контактов и интеракций в рамках «этнических» рынков, лежит в сфере не только процессов пространственной организации города, но и формирования системы социальных отношений и связей Иркутска. «Этнические» рынки, будучи ключевой инфраструктурой города выполняют определяющую роль не только в конструировании маршрутов, выборе направлений и темпа движения в пространстве, но и задают особый контекст, обуславливающий содержание и смысл перемещений, формирующий повседневный уклад жизни. Рынки предоставляют дополнительные возможности в планировании дел, которые становится возможным совершать «по ходу дела», фактически формируя стратегии «проживания на ходу» и трансформацию мобильностей в стратегии и способы проживания пространства.

Более того, «на ходу» осуществляются и различного рода социальные интеракции и практики, экономические операции и освоение пространства города. Последнее имеет особые характер и специфику, поскольку в процессе прямой коммуникации с пространством рынков, реализуемой лишь посредством пешеходных практик, пространству города (и в частности рынков) приписываются особые смыслы и значения, определяющие представления людей о рынках и городе, формируется отношение к этнически маркированным рынкам и опыт взаимодействия с ними, закладывающие фундамент для дальнейших практик пользования пространством.

Список литературы

Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // *Полития*. – 2010. – № 3-4 (58-59). – С. 121-149.

Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри; пер. с англ. А. В. Лазарев. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.

Фень Е. П. Город в движении: к вопросу о повседневности мобильности // *Антропологический форум*. – 2011. – № 15. – С. 145-156.

Григоричев К. В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – С. 86-104.

де Серто М. Изобретение повседневности / М. де Серто. – СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2013. – 329 с.

Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // *Логос*. – 2002. - № 3-4. – С. 1-25.

Корешкова Юлия Олеговна,

*преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Исторического факультета
Иркутского государственного университета
(г.Иркутск)*

«Вичат как образ жизни»: инструмент социальных связей китайских мигрантов в России»

«Китай - это страна общения. Именно общению здесь подчинено все устройство социальной жизни» [Маслов, 2010]. Данную мысль подтверждает общественный резонанс, случившийся в среде китайского населения Иркутской области в мае 2017 года, который был вызван запретом Роскомнадзора на использование крупнейшего китайского мессенджера на территории РФ [РБК, 2017]. После оглашения запрета, на протяжении последующих нескольких дней, пользователи, отправляя сообщения «друзьям» (подразумевается список контактов в приложении), проверяли наличие доступа к социальной сети. В групповых и индивидуальных чатах можно было встретить сообщения следующего характера: «Ты на связи?», «Ответь, ты получил от меня сообщение?» или даже такие как: «Ничего, нас здесь больше миллиона, владельцы Вичат обязательно придумают, как обойти систему. Они не могут потерять такое большое количество пользователей». Сообщения такого рода сопровождалась ссылками на новостные сайты, где фигурировала информация о блокировке. [РБК, 2017] Как мы можем наблюдать, систему обойти удалось, и китайскоговорящая общественность, проживающая в Иркутской области и других регионах России, по-прежнему, активно использует приложение. Паника и недовольства поутихли, а у исследователей появилась пища для размышлений: «Что же именно вызвало такой резонанс? Какова реальная роль мессенджера в жизни китайских пользователей? Какие социальные механизмы скрываются за ежедневным общением в мессенджере?» Таким образом, главной целью нашей статьи стала попытка выяснить, какие способы взаимодействия и практики скрываются за использованием данного приложения, и какое влияние это имеет на жизнь зарубежных китайцев. Корпусом эмпирических данных послужили интервью с китайцами, работающими и проживающими на территории Иркутской области.

Если вы подойдете к человеку на улице и спросите его: «Что такое социальные сети?», наверное, даже ребенок сможет ответить на этот вопрос. В представлении современного человека сразу возникает образ интерактивного многопользовательского контента, участником которого он, вероятнее всего, является. Однако понятие социальных сетей, родоначальником изучения которого считают Г.Зиммеля, в научном сообществе появилось задолго до использования интернета. Многие западные ученые посвятили свои исследования социальным связям и отношениям, такие как М.Вебер, Т.Парсонс, Дж.Мид, Г.Блумер, Дж.Хоманс и другие. Их работы и исследования проводились в рамках западного сообщества, которые, однако, нельзя напрямую экстраполировать на китайские социальные сети, поскольку существуют культурологические, языковые и этнические особенности народов Азии, которые отличаются от народов Европы и Америки. При изучении социальных отношений в Китае необходимо руководствоваться азиатской традицией, в которой на передний план выходят неформальные отношения или такой феномен китайского общества как «гуаньси». «В широком смысле слова термин «гуаньси» означает межличностные связи и продолжительный обмен любезностями. Это больше, чем дружба или простые отношения, так как, состоя в «гуаньси», индивид не может отказать в помощи другому человеку из своей сети контактов. «Гуаньси» помогают решить различные вопросы и конфликты, не прибегая к официальным институтам власти. Одной из отличительных особенностей «гуаньси» является то, что они, в большей степени, строятся на основе общих институтов – родство, место рождения, место учебы или работы и т.д. Они являются одной из особенностей китайской

социокультурной традиции, которая формировалась веками и в наше время не утратила своего значения». [Веселова, 2016]

Как отмечает В.В. Малявин, китайский социум в целом включает в себя три уровня или сферы отношений: ядро, представленное семьей; средняя сфера, которая образует связи профессионального, делового и даже личного характера; третья сфера - это круг незнакомых и посторонних людей. Ядро или внутренняя сфера представляют собой естественный жизненный коллектив, в первую очередь, семью. Здесь каждый дает столько, сколько может, и тогда, когда может, не рассчитывая на вознаграждение. Зато каждый из дающих знает, что всегда может рассчитывать на помощь и поддержку семейного коллектива. Среднюю сферу образуют устойчивые связи делового или дружественного характера, в которых отношения строятся на основе обоюдной выгоды. В китайском обществе надежность связей и доверие ценятся особенно высоко. Китайцы видят в друзьях, коллегах, партнерах и знакомых свой собственный путь: свои приобретения, лишения, устойчивость во внешнем мире. Наконец, третья, внешняя сфера - это круг незнакомых и посторонних людей. По отношению к этим людям у нас нет никаких личных обязательств, вытекающих из кровного родства или взаимности отношений, а значит, с ними и не может быть никаких отношений, на них не обязательно должно распространять и то «человеческое чувство» (жэнь цин), которое составляет подлинный стержень китайской социальности. Речь идет отнюдь не о сентиментальном сочувствии или даже обыкновенном радушии, а об обязательствах перед партнерами по установленным «связям», довольно бесстрастно рассчитываемых на основании предоставленных друг другу услуг». [Малявин, 2007]

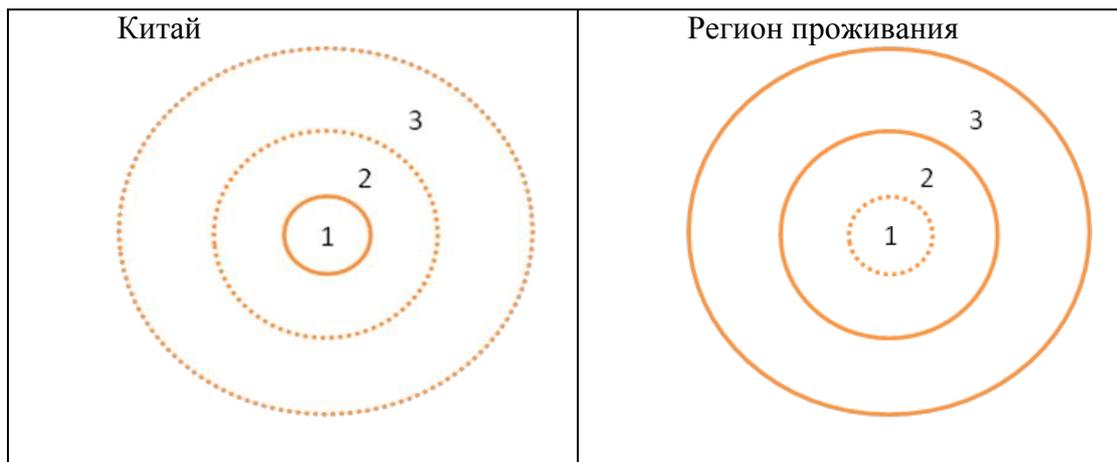
Стоит отметить, что у китайских мигрантов очень сильно развито чувство Родины, принадлежности народу и культуре своей страны. Феномен чайнатауна, как «может быть результат естественного стремления жить в привычной среде» [Дятлов, 2008], демонстрирует, насколько важно в жизни китайских эмигрантов сохранять привычные формы общения при проживании за рубежом. С массовым использованием интернета стало намного проще поддерживать общение и сохранять его формы, инструментами для этого стали мессенджеры, социальные сети и различного рода контент. В среде китайских мигрантов самым популярным является мессенджер WeChat, известный на китайском языке как 微信 (вейсинь), что в переводе означает «микро письмо». Опираясь на три сферы общения, предложенные В.В. Малявиным, мы можем увидеть влияние данного мессенджера на создание новых и поддержание старых социальных контактов в среде китайских мигрантов.

Если подходить к вопросу использования мессенджера территориально, инструментом общения с пользователями каких регионов является Вичат, было выделено три направления. Китайские мигранты создают новые и поддерживают старые связи:

1. с жителями Китая;
2. с жителями региона, в котором они проживают в настоящее время (Иркутская область);
3. с жителями других стран и регионов.

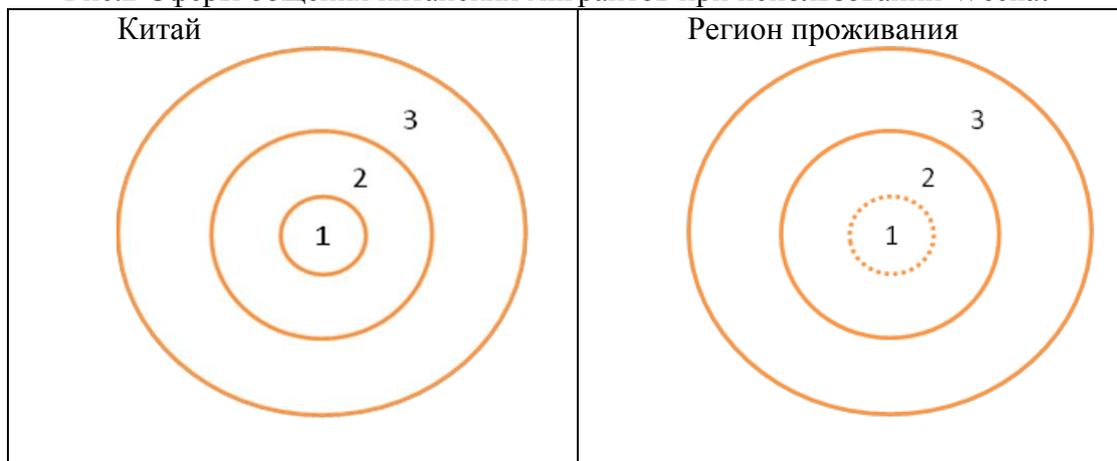
В нашем исследовании были рассмотрены первые два направления.

Рис.1 Сферы общения китайских мигрантов до использования Wechat

При переезде жителя Китая в другую страну сферы общения условно раздваиваются: остаются связи и контакты в самом Китае, и приходится создавать новые на месте проживания. До появления мессенджеров устоявшиеся связи с жителями родины постепенно ослабевают (рис. 1), с помощью писем и звонков удавалось поддерживать контакты с близкими и родными, однако вторая и третья сферы общения могли исчезнуть совсем. По словам одного из наших респондентов: «Когда-то, китайцы везли спутниковые антенны с настроенными китайскими каналами для телевизоров из Китая для того, чтобы сохранять связь с домом в другой стране».

Рис.2 Сферы общения китайских мигрантов при использовании Wechat

Однако с возможностью использовать мессенджер ситуация изменилась. Общение в данном контенте сформировало новую, виртуальную, реальность, в которой удается сохранять крепкие связи в Китае и в регионе проживания. (рис.2) Попробуем проиллюстрировать данную мысль применимо к каждой сфере общения.

На первом уровне инструментами являются групповые чаты, личные контакты, обмен текстовыми и фотосообщениями, видеочат. «Следует отметить, что групповые чаты набирают все большую популярность среди пользователей социальных сетей». [J.Qiu, 2016] Неудивительно, ведь китайцы в умах западных людей всегда представляются шумными группами или компаниями, «они всегда любят быть с людьми и не терпят одиночества». [Спешнев, 2011] В семейных чатах они делятся новостями, обсуждают ежедневные дела, шутят - это дает им возможность оставаться в привычной для них среде, если речь идет о китайцах, проживающих за рубежом, дает ощущение сплоченности с семьей, не дает оторваться от привычного образа жизни.

При проведении интервью с женщиной, которой пришлось оставить своего сына родителям в Китае, а самой ехать работать в Иркутск, выяснилось, что для нее Вичат - это вся жизнь. Они вместе с сыном делают уроки с помощью видеочата, обедают и ужинают вместе с семьей, обсуждают новости дня, и это помогает ей оставаться включенной в жизнь ее сына и ее семьи. При вопросе, не мешает ли ей это адаптироваться к местной жизни, она ответила, что нет, даже наоборот, это морально поддерживает ее, и она уже не может представить себе жизни без телефона и в частности данного приложения. Как мы видим, первую сферу общения практически невозможно сформировать на месте проживания, так как большая часть семьи, как правило, остается в Китае. Для китайцев «семья - это наше сердце, те люди, боль которых чувствую внутри себя даже если мы далеко друг от друга». [Чжао, 2012] Вичат виртуально позволяет сохранять тесные ежедневные контакты с семьей.

На втором уровне общения при использовании Вичат также удается сохранять и поддерживать связи с коллегами и знакомыми в Китае и регионе проживания (Иркутская область). Популярными функциями в этой сфере являются групповые чаты и «Моменты» (в китайском переводе «круги друзей»). При проведении интервью среди китайских пользователей Вичат в Иркутске были обнаружены групповые чаты студентов, проживающих и обучающихся в Иркутске, а также группы, в которых состоят люди, занимающиеся торговлей. К сожалению, стать участником данных групп нам не удалось, так как это чаты закрытого типа, в которых требуется приглашение уже состоящих в ней людей. Однако удалось выяснить предметы обсуждения этих групп. В чатах, связанных с торговлей, это, как правило, транспортировка товара из Китая и в Китай, а также его перепродажа. Участниками, рассмотренных нами групп, являются китайцы, причем проживающие как на территории Иркутской области, так и в КНР. Кроме того, уже упоминалась новостная лента «Моменты», которая позволяет следить за жизнью своих друзей, публиковать информацию о событиях своей жизни, а также использовать ресурс в качестве рекламы, чем активно и пользуются китайские мигранты. В ленте можно встретить посты, начиная от рекламы сумок, при единичной перепродаже товаров американского производства, до оптовых продаж чая, электронных изделий и многого другого. Слова одного из опрашиваемых нами китайцев: «Я выкладываю информацию о товарах в «Моменты», здесь же в личных сообщениях получаю заказ. Заказы есть и из Китая, и из России, очень удобно. В последнее время, оплачивать тоже можно в Вичат». Все это подтверждает мысль о влиянии Вичат на формирование и сохранение отношений, так как до его появления основным инструментом поддержания «гуаньси» была личная встреча, как правило, приглашение на обед или ужин, что невозможно осуществить, проживая в другой стране. Совместная трапеза, по-прежнему, является главным атрибутом налаживания контактов среди китайцев, однако многие предпочитают решать вопросы в виртуальном пространстве, в частности используя Вичат, что дает возможность зарубежным китайцам вести дела с жителями Китая.

На третьем уровне общения Вичат помогает не только сохранить уже имеющиеся связи, а также сформировать новые. «Встряска», «Пользователи по соседству», «Плавучая бутылка» - функции, позволяющие добавить себе в контакты новых незнакомых пользователей. Самым популярным среди китайских пользователей в Иркутской области является «Пользователи по соседству». На экране высвечивается список людей, которые находятся поблизости. Китайцы, которые приехали совсем недавно в Иркутск, часто задают вопросы тем, кто здесь уже давно. Вопросы, связанные с бытовой жизнью, они просят подсказать: где есть хорошие магазины, где можно обратиться к врачу, как можно провести время в выходные, какое лучше заказать такси и тд. Все вопросы находят отклик у тех, кто здесь живет продолжительно, но третий круг, как правило, не переходит во второй, общение либо остается виртуальным, либо прекращается совсем.

Таким образом, нам удалось обнаружить, что при использовании данного мессенджера, китайцам за рубежом удается сохранять связи с жителями Поднебесной, а

также с жителями их региона проживания во всех трех сферах, выделенных В.В. Малявиным, что казалось немислимым несколько десятилетий назад. После проведения данного исследования возникло немало новых вопросов и поводов для дискуссий. На ум приходит труд Говарда Рейнгольда «Виртуальное сообщество». К какой новой реальности приведут социальные сети? Вичат – виртуальный чайнатаун? Является ли он альтернативой реальному чайнатауну?

Список литературы

Маслов, А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения [Текст] / А.А.Маслов. – М.: РИПОЛ классик, 2010. - С.165

РБК, 2017 - Роскомнадзор заблокировал сайт мессенджера WeChat //РБК, Технологии и медиа. 2017г. 5 мая.
http://www.rbc.ru/technology_and_media/05/05/2017/590c3e579a7947510ce825c1

Колозариди П.В., Ильин А.В. Мессенджеры в городской среде: гибридные формы и новые практики [Текст] / Колозариди П.В., Ильин А.В. Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 1. С. 127-138.

Веселова Л.С. Институт «гуаньси» в социальной и культурной истории КНР: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Веселова Людмила Сергеевна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Казанский (Приволжский) федеральный университет"].- Казань, 2016.- 192 с.

Малявин В.В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. [Текст] / В.В.Малявин. – М.: «Европа», 2007. - С.24

Дятлов В.И. Чайнатауны в современной России. Несколько предварительных замечаний редактора-составителя. [Текст] / В.И. Дятлов Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3-5.

Che Hui Lien, Yang Cao. Examining WeChat users' motivations, trust, attitudes, and positive word-of-mouth: Evidence from China / Che Hui Lien, Yang Cao. Computers in Human Behavior 41. 2014. P.104–111

J. Qiu. The Lifecycle and Cascade of WeChat Social Messaging Groups // Jiezhong Qiu, Yixuan Li, Jie Tangy, Zheng Luz, Hao Yez, Bo Chenz, Qiang Yang and John E. Hopcroft. Department of Computer Science and Technology, Tsinghua University. 2016
<http://dx.doi.org/10.1145/2872427.2882979>

Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. [Текст] / Н.А.Спешнев – СПб.: КАРО, 2011. - С.304

Тихомирова Е.Е., Чжао Ц. Культурные универсалии и концепт «дом-семья» [Текст] / Е.Е. Тихомирова, Ц. Чжао Вестник НГПУ. 2012. № 2 (6). С. 73-79

<https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-universalii-i-kontsept-dom-semya>

Вичат <http://weixin.qq.com/>

Филько Антонина Игоревна,

аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Особенности восприятия визуального образа Красноярска жителями и гостями города: метод декодирования»

Создание уникального символического пространства города начинает играть важную роль в современном процессе трансформации визуального образа тех городов, что совершают переход из индустриальной стадии в постиндустриальную. Восприятие визуального образа города жителями и гостями в данном случае играет важную роль, поскольку представляет собой процесс субъективного декодирования значимых для субъекта знаков, выраженных в предметах, опираясь на которые человек строит своё впечатление о городе. Город Красноярск выбран в качестве предмета исследования, поскольку он находится в процессе трансформации образа города, вызванной сменой его роли индустриального центра Сибири на роль ключевого узла делового и культурного взаимодействия с Азией, а так же в связи с проведением «XXIX Всемирной зимней Универсиады 2019».

Городское пространство города Красноярска разнообразно и содержит в себе как типовые, так и уникальные строения, которые можно разделить на три типа: дореволюционные, советские и современные. Главной особенностью города является его взаимодействие с окружающей природой и вписанность в ландшафт. Так же особенностью пространства Красноярска является его изменчивость. [1,2]

Наиболее интересным и перспективным междисциплинарным подходом к исследованию символического пространства города была определена городская символическая экология. В рамках данного подхода символическое пространство города понимается как некий код или текст, наделённый особыми символами, создаваемый горожанами в процессе социального исторически и культурно обусловленного взаимодействия их с материальной средой города. [3]

Метод декодирования города актуален для постиндустриальных городов и позволяет определить впечатление города путём раскрытия воспринимаемых общественностью ключевых элементов города в виде его знаков и выявления тех объектов городской действительности, посредством которых люди различных групп составляют свой визуальный образ города. Суть метода состоит в сборе данных путём опроса с использованием фото-анкеты. Анализ полученных данных производится путём объединения ключевых элементов в категории и аспекты, подсчёта опознавательного и представительного коэффициента, а так же и Р-значения. Кроме того метод декодирования позволяет проводить анализ элементов с учётом принадлежности опрашиваемых к различным группам. [4]

Исторический центр города Красноярска был выбран в качестве репрезентанта визуального образа, поскольку в сознании жителей образ города, прежде всего, представлен через его центр. Это ядро города, устойчивое в сознании горожан. Кроме того он является одной из наиболее посещаемых частей города и, предположительно, наиболее известен среди жителей и гостей.

Для исследования было сделано 236 снимков трёх центральных улиц города Красноярска (пр. Мира, ул. Карла Маркса и ул. Ленина) и пересекающих их, а так же виды на реки Енисей и Кача. Из этих фотографий для составления анкеты было отобрано 43 фото. Фотографии были отобраны в соответствии с требованиями методологии.

Для проведения опроса была составлена анкета, содержащая вопросы для сбора данных об опрашиваемых и вопросы, связанные с распознаванием фотографий. Кроме того в анкете был вопрос, предлагающий кратко описать впечатления о городе Красноярске.

В процессе исследования было опрошено 187 человек. Основными площадками для опроса послужили Красноярский экономический форум, проходивший в Красноярске в период, Красноярский косплей конвент «AVector», Сибирский Федеральный Университет, Красноярская Ярмарка Книжной Культуры. Были опрошены жители других городов, которые иногда посещают Красноярск, а так же пассажиры поездов, прибывшие в город. Так же был запущен онлайн-опросник. Выбор данных площадок обусловлен не только большим количеством людей, но так же высокой вероятностью взаимодействия с гостями города.

В ходе исследования было выявлено, что при определении места в городе Красноярске люди чаще всего внимание на примечательные здания. При повседневном взаимодействии с материальной средой города эти элементы оставляют наиболее яркие впечатления. Так же часто обращают своё внимание на элементы городского пространства, связанные с деятельностью и бизнесом. Таким образом, можно говорить о том, что при создании символического пространства города Красноярска горожане и гости достаточно часто обращаются к архитектуре, что подчёркивает важность её изучения в рамках городского символизма.

Но важно отметить, что, не смотря на частое обращение к архитектурным символам, они всё же не играют большой роли в формировании символического пространства города. Происходит это в виду того, что символический аспект произведений архитектуры в реалиях современного города оказываются вне контекста своей актуализации, вследствие чего не могут с достаточной силой оказывать воздействие на жителей и гостей города. Жители и гости города Красноярска в повседневной жизни чаще обращаются не к символическому, а к утилитарно-функциональному аспекту произведений архитектуры.

Символическое пространство города так же строится и на функциональной составляющей центра города. Красноярск предстаёт как место, в котором постоянно происходят события и взаимодействия. Возможно, именно поэтому город был выбран в качестве площадки делового и культурного сотрудничества России с азиатским регионом, а так же местом проведения «XXIX Всемирной зимней Универсиады 2019».

При анализе данных было определено, что наиболее яркий вклад в символическое пространство центра города Красноярска делают природные объекты. В исследовании таким объектом выступает река Енисей и такие элементы города, как набережная и мост. Центр города Красноярска имеет очень чёткий визуальный образ, носителями которого являются реки, мосты и набережные. Данный образ широко тиражируется открытками и фотографиями, а так же банкнотами и воспринимается не только жителями, но и гостями города.

Кроме того был проведён анализ упоминаемости категорий различными группами граждан, для выявления различия в восприятии визуального образа города и построения впечатления разными людьми. В ходе анализа ответы были распределены по следующим признакам: пол, возраст и длительность пребывания в городе. В качестве контрольного значения был взят опознавательный коэффициент. Полученные данные призваны показать, какие категории оказывают наибольшее влияние на различные группы граждан.

Если говорить о различиях восприятия образа жителями и гостями, то можно выделить на пять групп опрошенных, в зависимости от продолжительности пребывания в городе. К жителям города относятся люди, проживающие в городе от 5 лет и более, то есть от 5 до 10 лет (6%) и более 10 лет (47%) (Рис. 1). В сумме жители составляют половину от всех опрошенных. Остальные группы можно отнести к гостям города.

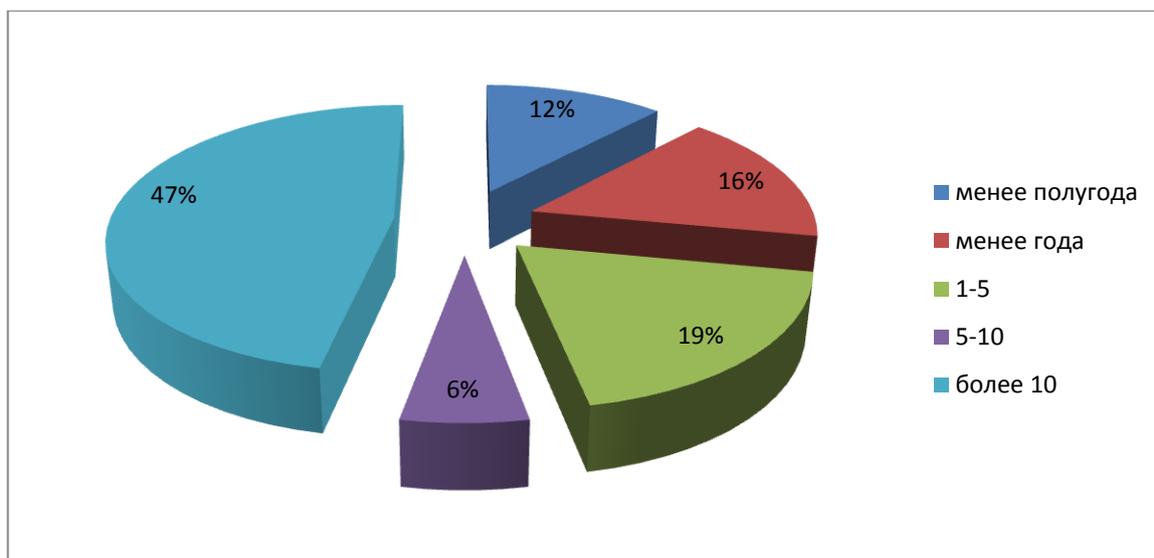

Рисунок 1 – Соотношение групп по длительности пребывания

Почти все группы ключевыми выделяют всё пять элементов «Здание-достопримечательность», «Бизнес и знаки», «Дорога», «Деятельность» и «Вода». (Рис. 2).

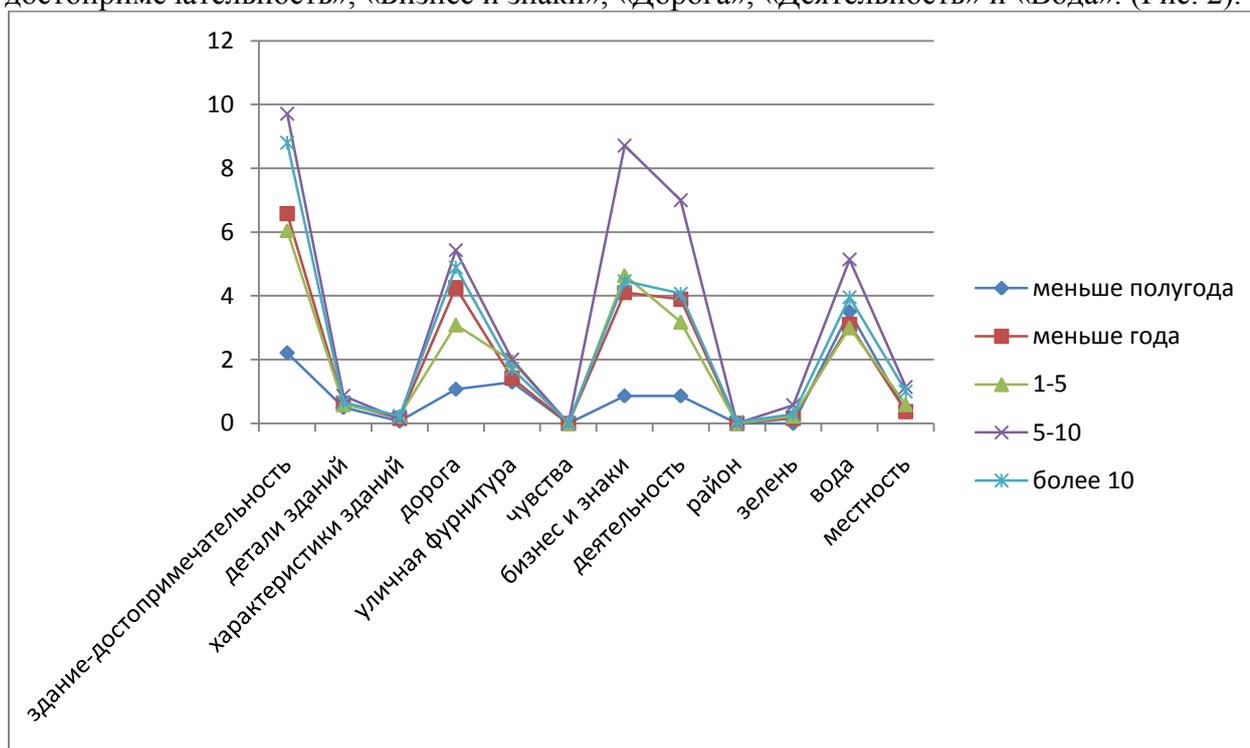

Рисунок 2 – Сравнение опознавательного коэффициента категорий относительно продолжительности пребывания в городе

Из всех групп сильно выделяются люди, пребывающие в городе менее полугода, и действительно являющиеся гостями города. Для данных людей наиболее запоминаемой и считаваемой ими категорией является «Вода», а «Здание-достопримечательность» находится на втором месте. Объяснением может служить то, что Красноярск имеет очень чёткий визуальный образ, связанный с Коммунальным мостом, рекой Енисей и набережной. Поскольку данный образ закреплён на банкноте, он тиражируется по всей стране и даже за её пределами. И не смотря на то, что многие города России расположены по берегам рек, и мосты подобной конструкции можно встретить в других городах, данный визуальный образ

закреплён именно за Красноярском. Кроме того на равнее с остальными часто упоминаемыми категориями, данная группа выделяется высоким показателем ОК для уличной фурнитуры. Это можно расценивать как большее внимание к деталям основных магистралей города.

Так же стоит отметить людей, живущих в Красноярске 5 – 10 лет. Они больше остальных чувствительны к деталям города, и называют большее количество элементов. Можно сказать, что они уже достаточно знакомы в городе, что бы хорошо здесь ориентироваться, но он им ещё не надоел, и они внимательно относятся к окружающему пространству.

Данное исследование показало возможности метода декодирования города для определения различий в построении образа города жителями и приезжими, в зависимости от времени их пребывания. Данную методологию можно расширить, добавив в первую часть анкеты новые вопросы для расширения возможностей деления опрошенных на различные группы, например, по этническому признаку для выявления особенностей восприятия образа города различными этническими и культурными группами.

Список литературы

Тарасова М.В. Архитектура города Красноярска как пространство социальной идентификации. Соотношение космоцентрических и социоцентрических идеалов / М.В. Тарасова, Т.Ю. Григорьева // Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения : монография / под общ. ред. О. А. Карловой, Н.П.Копцевой. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – С. 401 – 416.

Сертакова Е.А., Копцева Н.П. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска): монография. Красноярск, 2015. 128 с.

Cities Full of Symbols: A Theory of Urban Space and Culture / edited by P.J.M. Nas – Leiden University Press. – 2011. – 305 p.

Weina, Ch. Decode the City: A Methodological Study Responding to the New Trend of City “Re-image” Montreal as a Case / Ch. Weina. – School of Urban Planning. McGill University. Montreal. – 2009. – 75 p.

Юсупов Абдулазиз Мадаминжанович, Антипина Алёна Владимировна, Недбайло Дарья Олеговна,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

Резникова Ксения Вячеславовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Роль исламских культовых сооружений Красноярского края в адаптации и интеграции мигрантов»

Согласно демографическим прогнозам начиная с 2024–2025 гг. прирост численности населения сменится его сокращением, нарастающим с каждым годом. Согласно последнему прогнозу Росстата, хотя численность населения в 2016–2030 гг. все-таки возрастет на 0,9 млн человек, население в трудоспособном возрасте сократится на 5 млн человек. Миграция становится как важнейшим ресурсом сдерживания депопуляции России, поддержания потенциала экономического развития и геополитической стабильности отдельных регионов, так и основным источником компенсации сокращения трудовых ресурсов на ближайшие десятилетия. В то же время приток иноэтничных мигрантов — ввиду сокращения миграционного потенциала российских соотечественников — станет глобальным вызовом, если не обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов. Исследователи отмечают, что религиозные организации помогают иммигрантам получить все необходимое для включения в новое общество. Роль культовых сооружений в адаптации мигрантов еще недостаточно изучена и требует более глубокого рассмотрения.

Говоря о роли культовых сооружений, стоит в первую очередь рассмотреть роль религии как таковой в процессе адаптации и интеграции мигрантов. Для религиозно активных групп более важно сохранение своей этноконфессиональной идентичности, образа жизни. Религия, выполняя смыслообразующую, компенсаторную, регулятивную и другие социальные функции, может способствовать более успешной адаптации мигрантов к новым условиям бытия. Мигранты являются наиболее незащищенной социальной группой, испытывают большой дискомфорт, связанный с переездом, порождающий у них стремление к консолидации не только по этническим, но и конфессиональным признакам. Выход за рамки обыденного заставляет искать способы возвращения в повседневную жизнь. В первую очередь это относится к религиозным и культурным аспектам повседневности, поэтому при смене места жительства люди пытаются воссоздать ту среду существования, в которой они находились до переезда [1]. Большую роль в религиозности занимают религиозные практики. На современном этапе в рассмотрении религиозных практик как удерживающих границы этноса важную роль играет понятие «габитус» французского социолога П. Бурдьё. Габитус определяется как системы структур, способных функционировать в качестве принципов, которые порождают и организуют практики, и представления. Габитус порождается объективными социальными структурами и воспроизводит эти структуры, производит индивидуальные и коллективные практики. Этнический габитус включает в себя практику предшествующих и ныне живущего поколения, при этом одной из наиболее востребованных ныне живущим народом этнических практик прошлых поколений выступают практики религиозные. Проведению религиозных практик на институциональном уровне служат культовые сооружения. Таким образом, культовые сооружения на религиозном и социальном уровне способствуют более комфортному адаптивированию мигрантов в новой среде.

Для выяснения роли культовых сооружений в адаптации и интеграции мигрантов важно рассмотреть процесс межкультурной коммуникации. В процессе межкультурной коммуникации человек попадает в другой мир, испытывая при этом самые разные

переживания чужого окружения. Это переживание чужого сопровождается также переживанием «своего» как контрастно противоположного «чужому». По мнению А.П. Садохина [2], в межкультурной коммуникации понятие «чужой» имеет ключевое значение, поскольку при восприятии различных инокультурных явлений действуют когнитивные фильтры, позволяющие индивиду выделить себя из среды «других» и «чужих». А.П. Садохин выделяет в процессе коммуникация невербальную коммуникацию, средствами коммуникации в которой служат не только мимика, жесты, позы, но и различные элементы окружающей среды. Важную роль при рассмотрении роли культовых сооружений играет окружающее пространство, в которое попадает человек, и в котором все чуждо. Если рассматривать город как особый тип социального пространства, то основным признаком будет то, что его составляющими являются социальные субъекты, люди, которые взаимодействуют между собой. Здесь также важно учитывать мнение Т.Парсонса, который подчеркивал, что социальные взаимодействия имеют и физический аспект. Город как система— это и физическое пространство, наполненное материально-вещностными предметами, и социальное пространство, состоящее из взаимодействий людей, которые представляют собой различные уровни рассмотрения пространства вообще и которые вступают во взаимодействие и так или иначе влияют друг на друга. В современных трактовках социального пространства выделяют два отличных друг от друга подхода к пониманию социального пространства, где так или иначе социальное пространство постигается через физическое, сравнивается с ним [3]. Бурдые отмечает качественную отличность социального пространства от физического (геометрического), но указывает на их взаимосвязь: социальное пространство стремится найти выражение в пространстве физическом. То физическое пространство, в котором живет современный человек, не является «самостоятельным»: оно оказывается социально сконструированным и обусловленным, а люди как социальные агенты умеют «прочитывать» и следуют тем порядкам и правилам, которые задаются структурой пространства. Таким образом, говоря о роли культовых сооружений, можно сделать вывод, что их наличие и распределение показывает включенность социальных групп в общее социальное пространство и их репрезентативность. Для мигрантов, которые являются «чужими» для принимающей стороны, наличие в социальном пространстве атрибутов их религии позволяют осознать себя частью общего социально пространства.

Первые упоминания о мусульманах Красноярского края происходят в 13 веке, там речь идет о татарах и киргиз – кайсаках, которые упоминаются как мусульмане. Во время первой переписи населения Российской империи (1897г) на территории Енисейской губернии проживало 0,8 % мусульманского населения. Со временем число мусульман в Красноярском крае росло, и к первой четверти двадцатого века сформировались 42 мусульманских населенных пункта. Катализатором массовой миграции стала столыпинская реформа. Мечеть старались построить в первые год или два. Мечеть являлась очень важным местом, оно объединяло, проводились совместные праздники, обряды и молитвы.

29 февраля 1892 г. Енисейское губернское правление постановило разрешить магометанскому обществу г. Енисейска постройку соборной мечети по представленному проекту, разработанному в Строительном отделении. Изменения в проект были внесены губернатором Теляковским и губернским инженером Павловым. По-видимому, сама постройка была осуществлена несколько позднее, так как на плане Енисейска 1896 г. мечеть еще не показана. Здание мечети было выстроено магометанским обществом г. Енисейска в 1905 г. Вместимость мечети: 200 человек. Появление подобной культовой мусульманской постройки — мечети рубежа XIX- XX веков в северо-восточной Азии можно оценить как уникальное явление.

В настоящее время мечеть является центром ислама в Енисейске, Енисейском районе и близлежащих районах. Под ее сводами на «Джума» — пятничную молитву, собираются все мусульмане — представители разных народов России, Кавказа, Средней Азии, дальнего

зарубежья, граждане государств — СНГ, волей судеб оказавшихся в Енисейске и Енисейском районе. Мечети имеются в разных территориях края: в Минусинске (деревянная мечеть, 1898 г.), в пос. Казанка, мечеть Норильска самая северная в мире, в нескольких сельских населенных пунктах имеются мечети дореволюционной постройки. Построены мечети в с. Коврига Пировского р-на, с. Казачинское, д. Елга, с. Пировское, открыты молельные комнаты в г. Боготол, Ачинск.

С 1984 года начинается деятельность (при участии Аухадеева Вильдана Аухадеевича, позже руководителя мусульман Красноярска) по официальной регистрации объединения мусульман города Красноярска. В 1985 году объединение мусульман Красноярска получило официальную регистрацию. В поселке Покровка, на собранные общиной деньги, была построена мечеть, которая просуществовала до 2010 г., а после была снесена для нужд города. В 2001 году в Советском районе Красноярска была построена Соборная мечеть.

Количество мусульман в России и в частности в Красноярском крае растет с каждым годом, повышая актуальность рассматриваемой проблемы. В настоящий момент строятся мечети в Ачинске и Канске, планируется строительство мечети в Большой Мурте и в Шарыпово. Поиск подходящей земли для строительства второй мечети ведется и в самом Красноярске

На еженедельную обязательную для всех мужчин мусульман в Красноярскую соборную мечеть приходит до 2000 молящихся. Здание соборной мечети согласно проектной документации рассчитано на 400 человек, и вполне естественно что много людей вынуждены совершать намаз (молитву) на улице, на территории мечети прямо на асфальте, а если людей очень много то и на тротуарах и на газонах.

При взаимодействии с Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю в 26 исправительных учреждениях открыты молельные комнаты для мусульман, построена мечеть в ОИК-42 п. Октябрьский Богучанского района, выделены средства на строительство еще двух мечетей в исправительных колониях. Среди находящихся в местах принудительного содержания присутствуют и представители мигрантов-мусульман, желающие осуществлять свое право на вероисповедание. Представители муфтията посещают данные эти учреждения, проводят молитвы, проповеди, разъяснительные беседы и иные мероприятия. В соборной мечети проводятся курсы лекций, посвященных проблемам мусульманской идеологии, радикальных течений и пр. Управление мусульман использует свои ресурсы для донесения до населения некоторых важных моментов миграционного законодательства, помогает в меру возможностей решать возникающие вопросы.

В ходе работы была определена роль культовых сооружений в адаптации и интеграции мигрантов, проведен анализ ситуации в строительстве культовых исламских сооружений на территории Красноярского края. Культовые исламские сооружения, являясь местом проведения религиозных практик, способствуют комфортному вхождению мигрантов в незнакомую среду, демонстрируют принятие религиозных верований адаптирующихся. Воспринимая город как социальное пространство, культовые сооружения отражают включение мигрантов в социальное пространство. Анализируя ситуацию в Красноярском крае, можно заключить вывод, что строительство мечетей ведется как при содействии местных мусульман, так и при помощи политических деятелей и государственных организаций. В настоящий момент строятся мечети в Ачинске и Канске, планируется строительство мечети в Большой Мурте и в Шарыпово. Мечети также являются пространством для решения актуальных вопросов: на еженедельных пятничных молитвах часто затрагивает актуальные темы миграции, исламофобии, миграционного законодательства, норм и правил поведения в обществе. Именно мечеть является таким местом, где мигранты собираются в большом количестве и где можно донести до них важные новости, правила и нормы поведения и т. п., в виде проповедей, чем и довольно активно

пользуются духовные лица, выступая, в этом случае, в симбиозе с властью. В Соборной мечети Красноярска существует офис муфтия, куда мигранты часто обращаются за помощью или за консультациями по вопросам миграционного законодательства. В мечетях также имеются женские молельные комнаты. Как известно, мигранты довольно религиозны и их жены, дочери и сестры большую часть времени проводят дома, и женские молельни, куда они могут приезжать по пятницам, являются своеобразной отдушиной. Женщины тоже оказываются включены, таким посредством, в пространство города. Таким образом, мечеть является важным элементом как городского, так и социального пространства, выполняя религиозную и воспитательную функцию, являясь площадкой для дискуссий, способствует осуществлению адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Список литературы

1. Десять лет работы Красноярского муфтията. Итоги / под. ред. Л. Б. Арифудиной: PRO Ислам No01 (029). — январь 2013. — С. 1— 8.
2. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. - 288 с
3. Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Краблевой, А. В. Меренкова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 252 с.
4. Королева Э. В. Социальная роль религии в миграционных процессах современной России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2008. — С. 42-44.

Арпентьева Мариам Равильевна,

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования Института психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

«Модерн и национальные отношения в России: татарский и славянский этносы в суперэтносе России»

Аннотация. Национальные идеи в России всегда колебались между двумя полюсами, названия которых менялись, а суть оставалась одной и той же. Эти колебания отражали два основных варианта решения проблемы «своего» и «чужого», ставшие осевыми именно во времена модерна, но, конечно же, существовавшие и до него. На пути решения проблем «своего» и «чужого» человечество выработало несколько революционных по своей сути моделей, пытавшихся раз и навсегда изменить понимание происходящего между разными культурами и найти идеальный способ гармонизации отношений народов и культур, в том числе национализм и универсализм. Процветавший в России национализм в модерне тесно перемешался с универсализмом.

Введение в проблему исследования. Национальные идеи в России всегда колебались между двумя полюсами, названия которых менялись, а суть оставалась одной и той же. Эти колебания отражали два основных варианта решения проблемы «своего» и «чужого», ставшие осевыми именно во времена модерна, но, конечно же, существовавшие и до него. На пути решения проблем «своего» и «чужого» человечество выработало несколько революционных по своей сути моделей, пытавшихся раз и навсегда изменить понимание происходящего между разными культурами и найти идеальный способ гармонизации отношений народов и культур, в том числе национализм и универсализм.

Концептологические основания исследования. Процветавший в России национализм в модерне тесно перемешался с универсализмом. Как писал А. Тойнби, в любом отсталом обществе (а Россию с ее собственным хронтопом развития часто считают отсталой), которому нужно противостоять более сильному противнику, возникает «иродианство» — ратующее за копирование иностранных общественных институтов, и «зелотизм» — призывающее к изоляции ради сохранения традиционного уклада. Ни одно из них — ни патриотизм, ни коллаборационизм, сами по себе не приводят к успеху: оба лишены творческого начала [13]. В веке XIX в России противостояние сторонников «собственного» (национал-патриотизм, традиционализм и зелотизм) и сторонников «чужого» (универсализм, иродианство, инновационизм) вылилось в движения славянофилов и западников, а также активные искания интеллигенции «восточных путей» развития и их нового, творческого синтеза. Славянофильство и западничество как направления возникли в первой половине XIX в. формировались в контексте поиске глобальных законов социально-исторического развития, в поиске переоценки рабовладения и феодализма (крепостничество), а также решения проблем государственной власти. При этом ратующее за «свое и его защиты и насаждение славянофильство и стремящееся к универсализации западничество существенно различались в понимании исторического процесса, его целей, конкретных путей.

Славянофилы стояли на почве религиозной философии, доктрин православия, а западники перенимали идеологические схемы западноевропейской рационалистической традиции. Западники (представителями которых были А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.В. Станкевич, Н.П. Огарев, П.В. Анненков, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и др.) говорили о важности для России европейской модели развития, в контексте развития общечеловеческой цивилизации, передовым рубежом которой является Западная Европа, где развернуто и успешно реализуются принципы и технологии прогресса и свободы [3; 9; 14; 16]. При этом капитализм выступает как центральный путь для человечества. Российская история,

соглашались они с Западной моделью, есть история отсталости от европейского Запада, история и попыток ее преодоления. Задача России – в отказе от патриархальщины, «азиатчины», в частности общинности. Т.о., «своим» не считалась значительная часть идентичности российского народа. Также подчеркивалась роль «внешней правды»: справедливых и легитимных законов, должных устранить негативные последствия рабства и крепостничества, ввести демократию как свободу.

Славянофилы (такие представители славянофильства как Л.С. Хомяков, братья И. В. и П.В. Киреевские, братья К. С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин) идеализировали традиционный патриархат и стремились вернуть времена, предшествовавшие открытию «окна в Европу»: радуя за возврат к патриархальному состоянию [8; 9; 15]. Они отрицали важность общечеловеческого развития и признавали самобытность жизни каждого народа или со-обществ близких народов, полагая, то модернизации разрушают самобытность народов и культура. По сути, ими также отрицалась часть национальной идентичности россиян: ее «европейская» составляющая. У России, согласно иллюзиям славянофилов, есть свой собственный путь развития, не требующий интеграции в европейскую и мировую (западную) систему. Уникальность жизни и развития России связана с коллективистским, а не индивидуалистским началом россиян как народа, идеалами соборности и «внутренней правды» (нравственности) и общинным характером жизни, идеалами православия, которое выработали и сохранили россияне [10; 12]. Неприятие Европы естественным образом вылилось в привычный России национализм и аналогичный европейскому мессианский подход: Россия якобы должна «оздоровить» и обогатить ущербную Европу идеалами православия и общинности, идеалами царской власти, помочь ей в разрешении внутренних и внешних политических проблем в соответствии с христианскими /общинными принципами и «правде внутренней». Славянофилы отрицали продуктивность и эффективность «правды внешней», юридической. Поэтому В. С. Соловьев, отрицавший славянофильский национализм, изоляционизм, мессианство из философских, и нравственно-религиозных убеждений, сформулировал глобалистский подход к анализу «русской идеи» в контексте трех «мировых идей», которые выделил еще Ф. Достоевский: «католицизма», «протестантизма» и «православия» [4; 6; 11].

Оба этих течения были позднее соединены в «большевизм»: «западничество», «славянофильство» и православная религиозная традиция, которая помогла соединить вместе, казалось бы, несоединимое, и, более того, в новое движение [7]. В начале XX века в Европе в среде русских эмигрантов возникло евразийство: «исход к Востоку», центральной идеей которого было лидерство России в анти-европейском движении (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский, Н.Н. Алексеев, Н.С. Арсеньев, Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан, С.Л. Франк, В.Н. Ильин, и др.) [4; 8; 14]. Россия, занимающая срединное пространство между Азией и Европой, живущая на стыке двух миров — восточного и западного, объединяет эти начала: Россия-Евразия это самодостаточный мир. Его принципы описаны концепцией месторазвития П.Н. Савицкого, близкой органицистской школе Ф. Ратцеля, модели центральной части Европы как «Харт-ленда» (heartland — «сердцевинная земля» как «географическая ось» истории, «geographical pivot of history») Х.Дж. Маккиндера [19; 20; 21; 22; 24]. По мнению Х.Дж. Маккиндера сердце цивилизации до XX века — центральная часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа — Аравия — Индокитай) и периферийная дуга (Америка — Африка — Океания). Тот, кто «командует» хартлендом, по его мнению, тот командует миром. Центром хартленда является Россия, в XX веке противостоящая новообразовавшейся центральной точке теперь уже двуполярного мира — США, претендующей на власть миром или его значительной частью. Она осуществляет синтез двух начал Старого Света — Востока и Запада, европейского и азиатского начал, который Л.Н. Гумилев назвал скифско-сибирским «степным» стилем [2].

Россия стала «плавильным котлом» для славяно-тюркских народов, сформировавших в результате органический сплав российского суперэтноса: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы..., а русские» [4, с.33]. Н.С. Трубецкой писал, что православие является стержнем евразийской культуры [14]. Русскую культуру отличает соборность или народность, ее цель – сохранить и множить духовные основы человечества. Евразийцы отрицали панславизм и европоцентризм, славянское и европейское превосходство, а также связанный с ними отказ от национальных культур и стремление исключить или перескочить через некоторые ступени собственного развития. Они критиковали либеральное государство и парламентскую демократию, рассматривая ее как олигархию: евразийское государство должно иметь форму идеократии (например «государства-церкви» или теократии, «народной монархии», национал-диктатуры, партийного государства и т.д.), быть механизмом реализации духовного импульса – от «духовных вождей» к остальным. В начале XX века С.М. Широкогоровым был введен термин «этнос»: в качестве собирательного термина для обозначения этнических общностей [1; 17; 18]. Л.Н. Гумилев полагал, что сущностью этноса, его единства способ его адаптации к своей среде [2].

Постановка проблемы. Однако, и суперэтнос не может избежать проблем, связанных с «национальным вопросом». Даже более того, в рамках суперэтноса происходят собственные, не всегда осознаваемые, но очень значимые изменения. Так, на территории Сибири и азиатской части России уже несколько веков идет противоречивый, неоднозначный и все более глубокий и разносторонний, порой достигающий состояния военных конфликтов, диалог славянского и тюркского «рукавов» российского суперэтноса. Этот диалог важен не только для них но и для окружающих народов, всего мира. В последнее время, в частности, привел к нарастанию тенденции сокращения китайской и монгольской диаспор Сибири: рост активности татарской «диаспоры», ее самосознания привел к активизации проблематики соотношения нравственных и правовых нормативов, которые, на фоне прогрессирующей разрухи и обеднения Сибири, вызывал к жизни мощные силы возрождения, не близкие монгольскому и китайскому самосознанию. В регион хлынули представители тюркских народов, в том числе соседних стран: помимо возможности заработка, их, очевидным образом, привлекает наличие большей гармонии отношений жителей региона с собой и миром. Напротив, в европейской части России наблюдаются тенденции дисгармонизации: нарастает стремление государства подавить инициативы и самосознание (самостоятельность) не менее древнего и культурно богатого, чем славяне, татарского этноса, нивелировать его культуру, сведя ее к существующим в рамках «общей» славянской культуры «частностям». Происходит прогрессирующая нивелировка нравственных ценностей, ударяющая по всем жителям этого региона, продолжается углубление и расширение разрывов между социально-экономическими и политическими группировками, растет уровень культурного и экономического расслоения: парциального обогащения и развития одних слоев за счет обеднения и деградации других: попытки подавить малейшее сопротивление крымских и поволжско-уральских татар, в том числе лишить самостоятельности Татарстан, поволжских татар, не желающих следовать ущербной экономической и политической стратегии «центра», выливаются в нарастающее неприятие и пока еще скрытые конфликты. Государственный монолит России продолжает проводить линию, начатую еще во времена завоевания русскими Сибири: подавление «инородцев», их эксплуатация, стравливание «собственного» народа с другими. На примере деятельности такой высоко коррумпированной и антинародной по своим проявлениям организации как «ФМС», усилиям многих других сообществ и советов «соотечественников», усилий СМИ, действующих на территории страны, можно увидеть всю сущность этнокультурной политики российского государства, предсказать ее последствия для русского, татарского и иных этносов российского суперэтноса. Эти последствия, к сожалению, не продуктивны. Россия все еще живет мифами: черным мифом «монголо-татарского ига» и белым мифом «благословенной Москвы». На деле же, кроме вымыслов

историков и политиков Запада и Китая о вражде славян и татар, и кроме вымыслов политиков и историков центральной России, защищающих свое «предназначение» творить незаконные под маской «избранности», татары и тюрки, русские и славяне живут как единый организм, всей историей своих отношений утверждая жизнеспособность концепции транскультурализма, жизнеспособность российского суперэтноса как транс-этнической структуры.

Обсуждение. Социализм, век XX, предложил понятие интернационализма, обращенного к идеалам равенства, братства и свободы, основанных на нравственной основе «внутренней правды», а также «внешней правде» законов и отношений в социалистическом государстве. Кроме того, социализм обратился к равенству народов. В то же время капитализм XIX-XX веков сначала продолжал линию национального отчуждения, расизма, свойственную феодализму, но, позднее, в связи транснационализацией (глобализацией) корпораций, сформулировал в течение XX – начала XXI веков – понятие и технологии мультикультурализма, современность и посткапитализм XXI века ввели в «игру» понятие транскультурализма [4; 5; 12; 23]. Это попытки смягчить революционные перевороты и сдвиги, убрав из них одно из ведущих «жал» социальных различий – этническое.

Интернационализм был предложен в качестве антитезы национализма и иных видов социальной несправедливости как части феодально-рабовладельческой идеологии, поддерживаемой наследницей феодального и рабовладельческого сообщества, компрадорской буржуазией. Интернационализм – это идеология, пропагандирующая дружбу и сотрудничество между нациями, в том числе солидарность людей в борьбе против капитализма. Интернационализм существует как альтернатива глобализации с ее «мультикультурностью» как «буржуазным космополитизмом», понимаемым как отрицание всякой национальной культуры, как альтернатива «буржуазному национализму», понимаемому как идеология национальной исключительности и шовинизма. Проблема интернационализма, таким образом, кроется в том, что он выступает как «прикладной» феномен, духовно-нравственные основы которого не были осмыслены и потому создавали теоретические и практические проблемы: не желавшие дружить и сражаться вместе против капитализма «отсекались» от сотрудничества. Кроме того, интернационализм предполагал большую или меньшую унификацию повседневной жизни людей: не опираясь на законы нравственные, он предложил, как и капитализм, законы юридические, заменив частную собственность государственной, вместо того, чтобы сделать ее собственностью народа. Юридические же законы оказались с легкостью «обходимыми», «нарушаемыми» и трансформируемыми, как и любые иные законы права – наследия кастовых миров рабовладельческого, феодального, буржуазного). Социализм повел народы по пути, на котором сегрегация и сепаратизм стали неизбежностью: вся мощь недовольства правовым (арбитражным) произволом вылилась в еще больший произвол – тотально нелегитимное уничтожение стран «социалистического лагеря», сопровождавшееся расколом этих стран и населяющих их народов по всем линиям накопившихся в странах противоречий. Идентичность и жизнь человека и группы становится все более противоречивой, внутренние и внешние противоречия смешиваются в единый «запутанный клубок», узел Люди и сообщества живут, «связанные одной цепью». В итоге наступает стадия «разрубания узлов». Сначала социализм «обходился» поиском внешних и внутренних врагов, попытками создания мирового социализма и внутренними «чистками», включая массовые переселения народов, уничтожение интеллигенции и священничества, концлагеря и «ударные стройки». Однако, со временем, врагов находить стало труднее: внутренние и внешние проблемы стали более «тонкими», социализм столкнулся с последствиями собственных ошибок, включая вольное и невольное подавление людей и наций, ставившего «буквы закона» выше «букв» достоинства (чести) и жизни. Таким образом, интернационализму как практике и концепции «не хватило»

опоры на духовно-нравственные ценности: он развивал способность любить «ближнего» и самого себя меньше, чем способность сражаться с ближним – и с самим собой.

Россияне, разбитые на «западников» и «славянофилов», скорее сопротивлялись проникновению и распространению идей, положивших начало мультикультурализму: интеллигенция конца XIX века пыталась обнаружить глубинные, народные и религиозные основания национализма: происходила переоценка западных ценностей и ориентиров, кристаллизация собственных принципов, утверждалось новое прочтение сути российской государственности. Национализм стал одним из ведущих факторов переориентации экономической активности и ее беспрецедентного перемещения в центр эпохи модерна (modern society, modernity, contemporary society). Национализм и формирование «капиталистических наций» рассматривается как ключевой момент в становлении капитализма: начало всему положили. Национальные интересы буржуазных наций как государств, вступавших в политическое и экономическое соперничество, а также обладающих общей судьбой и выбирающих – определяющих эту судьбу путем плебисцита. Государство и национализм как политика государства во многом способствовали формированию наций в индустриальных государствах XIX века. На этапе становления капитализма было необходимо «превратить» общества в нации: используя национализм. При капитализме происходит трансформация этнически и культурно разнообразных кластеров сообщества, территориально объединенных в единое государство, в целостность нового типа, которая получает новое название – «общество органической солидарности», «нация», «капиталистическое общество»: социальная, культурная и политическая стороны жизни этносов «сплавляются» с экономической стороной. Таким образом, сначала этнические и территориально-культурные общности достигают достаточно высокой интеграции, позволяющей сформировать социально-психологическое и экономико-политическое единство, формируются и развиваются национальные рынки. Затем национальные рынки расширяются и начинают изменять общество. С появлением крупных национальных корпораций, для которых границы местных, национальных рынков, уже тесны, возникает другой запрос: для развития капитализма, в том числе к посткапитализму, понадобились «транснационалистические» нации, мультикультурализм и глобализм (универсализм) как еще более плотные сплавы на пути к мондиализму, тотальной власти рынка в жизни человечества [1; 6; 17; 19]. Мультикультурализм был создан для удовлетворения растущих потребностей «буржуазного космополитизма» в установлении контроля над всем населением – стран, регионов, континентов, всей земли: транснациональные корпорации не могли не столкнуться с проблемами различий групп и людей разных наций, сословий, поколений, вероисповеданий, то есть разных культур и субкультур, а также с необходимостью решить проблемы взаимодействия людей с помощью идеологии и концепции, позволяющей более или менее унифицировать взаимодействие, превратив человека в часть «физического капитала». Как бы ни были различны современные мультикультурные подходы, а также предшествовавшие и последовавшие им концепции: ассимиляции, «плавильного котла», «салатницы» и т.д., – все они связаны с решением задач унификации и оптимизации производства: оптимизации служения населения буржуазным правительствам и транснациональным корпорациям, и, в перспективе, мировому правительству, внедряющему унифицированные идеологию и ценности, представления и понимания мира и самих себя людьми, деиндивидуализированные нормативы и ритуалы поведения. На этом пути мультикультурализм столкнулся с жёстким ответом в виде сепаратистских «несогласий»: будучи обращёнными на защиту собственных прав и отделение от других национальных, религиозных и т.п. групп и подгрупп, культур и субкультур, сепаратизм продемонстрировал более важное стремление людей «быть хозяевам своей жизни»: иметь свое понимание себя и мира (свое «мнение»), свои ценности и идеологию, отличные от идеологии глобализации и универсализации, свои ритуалы и нормы. Свобода как самостоятельность и достоинство, как совокупность прав и обязанностей –

основное, «непредусмотренное» мультикультурализмом явление. Мультикультурализм вырождается в системы предпочтений и самоизоляции культур и субкультур, ведя к росту фашистских настроений (потребности и желания «квалифицированных потребителей» становятся все «квалифицированнее»). Мультикультурализм воспитывает рентные, паразитические установки, формируя и развивая отношения зависимости и рабства жаждущих «хлеба и зрелищ», заботящихся лишь об удовлетворении инстинктивных программ – благополучия и размножения – вне зависимости от «программ» духовно-нравственных). Рабы становятся все более похожими на «хозяев», общество сегментируется и становится высоко иерархичным, границы между кастами – все более непроницаемыми. Таким образом, мультикультурализм обречен на создание «электронных» и иных концлагерей, изолятов, колоний и резерваций, наряду и благодаря институтам «всеобщей прозрачности» – всеобщего и тотального контроля государства и созданной ими тюрьмы-паноптикума, в которой каждый контролирует каждого. Идентичность и жизнь человека и группы все более фрагментируется, становится лоскутной в итоге погибает. К этому и ведет его мальтузианская модель «ножниц», внушающая необходимость коммодификации жизни, а также беспрепятственного, безответственного, комфортного и сакрализирующего потребителя потребления. Мультикультурализм этатичен и служит интересам буржуазного государства, но не общества. Его цель – стереть «иное» с повестки дня, пусть и ценой временного, парциального ущемления «своего».

Транскультурализм, феномен пост-буржуазного, пост-капиталистического мира, частично унаследовал идеи интернационализма. Он пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковок», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной идеологией [6; 10; 13; 22]. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог этих идеологий и ценностей, пониманий себя и мира (переживаний и представлений), норм и ритуалов приводит к возникновению новой, «гибридной» идентичности. «гибрид» сознает противоречивость, но относится к ней и к противоречащим тенденциям с принятием и смирением. Отношения людей и групп строятся ацефалично, кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам духовно-нравственным. Отношения строятся как отношения значимого и ответственного дарообмена, как попытка заслужить собеседника – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом.

Выводы. Именно последний вариант может стать ориентиром для формирования и сохранения принципов экологии культуры: поиск пограничных, интегративных моделей построения внутренних и внешних отношений, которые будут способствовать профилактике и разрешению межкультурных конфликтов. Сама ситуация подталкивает исследователей и практиков, людей и сообщества к осознанию и проживанию «пограничных» форм существования, при которых вынужденно или добровольно, противоречия сохраняются, переходя в новое качество отношений: удовлетворенность «пограничностью» при этом может способствовать более продуктивному и эффективному проживанию этапа «непризнанности», пониманию важности внутренней гармонии по сравнению с внешней, внутренней ответственности по сравнению с внешней, общества – по сравнению с государством, нравственности – по сравнению с правом. Такое состояние достигается во многих «новейших», непризнанных государствах, в современных посткапиталистических странах, в странах, активно пытающихся разрешить социально-политические и культурно-религиозные противоречия: там, где человеческое достоинство и нравственность ставятся выше страха и защищающего от страха права, где стратегическое выживание-развитие важнее тактического – выживания-«благополучия».

Список литературы

- Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240с. – С. 115-128.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 496 с.
- Евразийство. Опыт систематического изложения. — Париж: Евразийское книгоиздательство, 1926. – 80 с. – С.33
- Евразийство: философия, история, политика / Редкол.: О.Т. Кирсанова — ред. и др. — Ростов-на-Дону: РИНХ, 2006. — 86 с.
- Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / Под ред. Е.И. Филипповой, Р. Ле Коадика. М.: ИАЭ РАН, Наука, 2005. – С. 78–104.
- Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке : трансформация дискурса о коллектив. идентичности. – М. : РОССПЭН, 2009. – 190 с.
- Пастухов В. Б. «Третье пришествие большевизма» // Русская служба Би-би-си. — 2014. — 27.10. URL: http://www.bbc.com/russian/blogs/2014/10/141027_blog_pastoukhov_bolshevism_third_round (дата обращения 10.05.2017)
- Савицкий П.Н. Россия — особый географический мир. — Прага: Русская традиция, 2005. — 187 с.
- Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма: 1840-1876. — М.: Река времен, 1997. — 259 с.
- Сильнова Е. И. Идея соборности и проблема социальной интеграции в учении славянофилов // Философия и общество. — 2006. — № 4. — С. 112—124.
- Соловьев В.С. Западники, западничество. / В. С. Соловьев, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12 – СПб., 1894. – 480с.
- Глостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. – М.: РУДН, 2008. – 251 с. – С.126, 143.
- Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс; Культура, 1995. 489 с.
- Трубецкой Н.С. Европа и человечество. – София : Рос.-Болг. книгоизд-во, 1920. – 82 с.
- Хоружий С.С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопр. философии. – 1994. – № 11. – С. 52–62.
- Хьюбнер К. Нация. От забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 396 с. – С. 9.
- Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: МГУ, 1986. — 440 с. Олейников Д.И. Классическое российское западничество М.: Механик, 1996. — 68 с.
- Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – М.: МГУ им М.В. Ломоносова, 2010. – С.13-121.
- Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. -596p.
- Greenfeld L.* The Spirit of Capitalism. Nationalism and Economic Growth. –Cambridge, MA: Harvard university press, 2003. 560 p. – P. 125.
- Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. – 1904. - Vol. 23 (№ 4). – P. 421-437.
- Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. - New York: Holt, 1919, - Washington, DC: National Defence University Press, 1996. – 282p.
- Ortiz F.* Cuban Counterpoint. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, Durham, N.C.: Knopf, 2012. – 408 p.
- Ratzel Fr.* Erdenmacht und Völkerschicksal. Eine Auswahl aus seinen Werken. Hg. & Einl. Karl Haushofer. - Kröner, Stuttgart 1940. S. 240.
- Gellner, E. (2004) *Usloviya svobody*. [The conditions of freedom]. *Grazhdanskoye obshchestvo i yego istoricheskiye soperniki*. М.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy,

Usloviya svobody. Grazhdanskoye obshchestvo i yego istoricheskiye soperniki. [Civil society and its historical rivals]. Moscow: Moscow School of Political Studies. 240p.

Gumilev L.N. (1989) Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Leningrad: Leningrad Publishing House. University, 496p.

Yevraziystvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism. Experience of systematic presentation.]. (1926) Paris: Eurasian book publishing. 80p.

Yevraziystvo: filosofiya, istoriya, politika [Eurasianism: Philosophy, History, Politics] (2006) / Editor: O.T. Kirsanov - ed. and others - Rostov-on-Don: RINH, 86p.

Le Coadic R. (2004) Mul'tikul'turalizm [Multiculturalism] In: E.I. Filippova, R. Le Coadic ed. Dialogi ob identichnosti i mul'tikul'turalizme [Dialogues about identity and multiculturalism]. Moscow: IAE RAN, Science, 2005: 78-104.

Malinova O.Yu. (2009) Rossiya i «Zapad» v XX veke : transformatsiya diskursa o kollektiv. identichnosti. [Russia and the "West" in the twentieth century: the transformation of discourse about the collective Identity]. Moscow: ROSSPEN, 190 p.

Pastukhov VB (2014) Tret'ye prishestviye bol'shevizma» [The Third Coming of Bolshevism] Russkaya sluzhba Bi-bi-si. [Russian Service BBC]. URL: http://www.bbc.com/english/blogs/2014/10/141027_blog_pastoukhov_bolshevism_third_round (accessed May 10, 2017)

Savitsky P.N. (2005) Rossiya — osoby geograficheskiy mir. [Russia is a special geographical world]. Prague: Russian Tradition, 187 p.

Samarin Yu. F. (1997) Stat'i. Vospominaniya. Pis'ma: 1840-1876. [Articles. Memories. Letters: 1840-1876]. Moscow: The river of times, 259 p.

Sil'nova, EI, (2006) Ideya sobornosti i problema sotsial'noy integratsii v uchenii slavyanofilov [The Idea of "Sobornost" and the Problem of Social Integration in the Teaching of the Slavophiles]. Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]. 4: 112-124.

Soloviev V.S. (1894) Zapadniki, zapadnichestvo [Westerners, Westernism]. In: V.S. Soloviev, Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, 12: 480.

Tlostanova M.V. (2008) Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From the philosophy of multiculturalism to the philosophy of transculturation]. Moscow: RUDN, 251 p.

Toynbee A. (1995) Civilization before the court of history. Moscow: Progress; Culture, 489 p.

Trubetskiy N.N.. (1920) Yevropa i chelovechestvo [Europe and humanity]. Sofia: Russian.-Bulgar book publishing, 82 p.

Khoruzhy S.S. (1994) Transformatsiya slavyanofil'skoy idei v XX veke [Transformation of the Slavophil idea in the twentieth century]. Voprosy filosofii [Vopr. Philosophy]. 11: 52-62.

Hübner K. (2001) Natsiya. Ot zabveniya k vozrozhdeniyu [The Nation. From oblivion to rebirth]. Moscow: Canon +, 396 p.

Tsimbaev N.I. (1986) Slavyanofil'stvo: Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX v. [Slavophilism: From the history of n social and political thought of the XIX century]. Moscow: MSU, 440 p.

Oleinikov D.I. (1996) Klassicheskoye rossiyskoye zapadnichestv [Classical Russian Westernism]. M .: Mechanic, 68 p.

Shirokogorov, S.M. (2010) Etnos. Issledovaniye osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavleniy. [Ethnos. Study of the basic principles of changing ethnic and ethnographic phenomena]. Moscow: Moscow State University Lomonosov Moscow State University: 13-121.

Greenfeld L. (1992) Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 596p.

Greenfeld L. (2003) *The Spirit of Capitalism. Nationalism and Economic Growth*. Cambridge, MA: Harvard university press, 560 p.

Mackinder H.J. (1904) *The Geographical Pivot of History*. *Geographical Journal*; 23 (№ 4): 421-437.

Mackinder H.J. (1999, 1996) *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York: Holt; Washington, DC: National Defence University Press, 282p.

Ortiz F. (2012) *Cuban Counterpoint*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, Durham, N.C.: Knopf, 408 p.

Ratzel Fr. (1940) *Erdenmacht und Völkerschicksal. Eine Auswahl aus seinen Werken*. Hg. & Einl. Karl Haushofer. - Kröner, Stuttgart, 240 s.

Гуляева Наталья Павловна,

кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления бизнес-процессами ИУБПЭ СФУ

«Жилищные условия как фактор миграции»

Население Красноярского края, расположенного в центре России, удаленного от государственных границ, характеризуется высокой миграционной подвижностью. Причем, если вследствие обмена с другими субъектами Российской Федерации наблюдается отток жителей, то международная миграция увеличивает численность населения (см. табл. 1)

Основной приток происходит из стран ближнего зарубежья – бывших республик Советского Союза. Что же заставляет людей менять место жительства? В качестве одного из факторов, определяющих выбор мигрантов, рассмотрим жилищные условия Красноярского края и сопредельных территорий с одной стороны, и стран-доноров, с другой стороны.

Для анализа использованы открытые данные официальной статистики рассматриваемых государств [1,2,3,4,5,6,7].

Таблица 1. Миграционный прирост населения Красноярского края за счет международной миграции (по данным Росстат).

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2015	2016
Азербайджан	-29	-10	573	929	1 054	920	637	694
Армения	37	188	764	905	949	521	516	570
Казахстан	774	512	542	608	628	477	713	673
Киргизия	375	507	1 482	1 558	1 377	1 111	537	946
Таджикистан	36	125	761	935	1 449	1 290	1 172	1 652
Узбекистан	212	254	481	392	461	404	248	217
Украина	-45	-22	621	350	476	359	2 610	1 303

В первую очередь, остановимся на таком показателе как общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (см. табл. 2).

Приведенные цифры демонстрируют увеличение жилой площади на одного жителя по всем рассматриваемым государствам (за исключением Киргизии). Однако на 2016 г. только для Армении данный показатель выше, чем в Красноярском крае; сопоставима обеспеченность жилой площадью с Украиной, но при этом темп прироста на территории края выше. Остальные страны проигрывают не только Красноярскому краю, но и другим территориям Приенисейской Сибири, даже такому депрессивному региону, как Республика Тыва.

Таблица 2. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв.м., по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	21,8	22,2	22,6	23	23,4	23,4	23,7	24,4	24,9
Сибирский ФО	20,8	21,1	21,4	21,7	22,1	22,2	22,6	23	23,5
Красноярский край	22	22,1	22,5	22,7	22,9	23	23,3	23,9	24,3
Республика Тыва	12,6	12,9	13	13,1	13,2	12,9	13,1	13,5	13,8

Республика Хакассия	20,5	20,8	21	21,3	21,6	21,9	22,3	22,7	23
Азербайджан	11,5	11,8	11,8	11,8	11,9	11,9	12,0	12,0	12,0
Армения	27,6	28,3	29,2	30,6	30,9	31,4	31,6		31,4
Киргизия	13,4	14,2	15,7	14,5	14,8	12,8	12,5	13,0	13,1
Таджикистан	8,5	8,5	8,7	8,8	10,7	10,8	10,9		
Украина	22,8	23,0	23,3	23,5	23,7	23,8	22,6	22,9	23,1

В то же время, значение имеет не только размер жилой площади, но и благоустройство жилья. Рассмотрим такие характеристики, как обеспеченность холодной и горячей водой, канализацией и кухонными плитами.

В таблице 3 приведены данные по доле жилого фонда оборудованной водопроводом. Красноярский край и Россия в целом несколько уступают только Азербайджану. Однако, если для России (исключая Тыву) этот показатель возрастает, то для Азербайджана – снижается. Снижается он и для Киргизии, а на Украине растет очень медленно.

Обеспеченность жителей горячей водой (см. табл. 4) демонстрирует огромный разрыв: по всем наблюдаемым территориям России она достигает 60-70 % (исключение – Тыва – 34,4%), тогда как у стран доноров максимальные значения 41% и 47% (Казахстан и Украина соответственно). В Киргизии – менее одной десятой, а в Азербайджане чуть более одной двадцатой жилых площадей имеют горячее водоснабжение.

Обеспеченность канализацией (см. табл. 5) показывает картину, во многом близкую к обеспеченности холодной водой. Выше чем в России данный показатель только в Азербайджане, где на протяжении исследуемого периода он имеет слабовыраженную тенденцию к падению, тогда как в нашей стране наблюдается устойчивый прирост (кроме Тывы).

Таблица 3. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом, в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	76,91	77,34	77,73	78,13	78,46	79,5	77,12	81,43	81,91
Сибирский ФО	70,87	71,33	71,95	72,55	72,77	74,47	75,2	75,61	75,93
Красноярский край	73,04	73,23	74,59	74,97	75,21	78,23	79,95	79,83	80,25
Республика Тыва	37,25	39,11	37,05	36,81	36,49	35,6	34,34	35,05	35,61
Республика Хакассия	66,47	66,63	66,78	67,36	69,11	69,4	69,64	70,78	71,79
Азербайджан	89,8	86,6	86,8	87,2	87,3	87,3	87,1	86,8	87,4
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								
Казахстан	57,1	57,6	65,2	64,8	66,4	66,5	68,2	67,3	69,8
Киргизия	27,8	22,8	23,6	22,9	23,4	25,6	26,3	24,5	24,3
Украина	57,8	58,7	59,6	60,3	61,1	61,5	60,3	60,8	61,2

Таблица 4. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной горячим водоснабжением, в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	64,18	64,56	64,89	65,32	65,54	66,18	63,9	68,13	68,7
Сибирский	55,6	56,02	56,47	57,61	57,7	58,43	58,92	59,45	59,93

ФО									
Красноярский край	64,81	65,63	66,5	66,71	67	68,03	69,53	69,19	69,38
Республика Тыва	36,05	38,63	36,48	36,13	35,95	35,41	33,98	34,17	34,41
Республика Хакассия	60,72	61,76	60,41	60,47	61,05	61,18	61,02	61,43	62,63
Азербайджан	11,7	8,4	7,2	4,7	5,2	5,2	8,8	6,7	6,7
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								
Казахстан	37,5	37,3	43,0	41,5	41,3	41,1	40,6	41,9	41,5
Киргизия	9,9	9,1	10,4	7,4	8,0	9,3	9,5	9,2	9,4
Украина	41,3	42,3	43,1	43,9	44,6	45,2	46,8	47,0	47,0

Интересна ситуация с возможностями установки кухонных плит. Газовые плиты преобладают в государствах Закавказья и на Украине: ими оборудовано 80 – 90 % жилых площадей. Для России этот показатель существенно ниже – 66%, для Сибирского федерального округа – еще ниже – 28,9 %, для Красноярского края – менее 15%. (см. табл.6). Однако такие цифры объясняются распространением напольных электроплит, в особенности в Сибирском ФО – 51,4% и крае – 68,3. В бывших республиках Советского Союза использование стационарной электроплиты встречается крайне редко (например, в Армении в 2016 г. – 2,6 %, на Украине - 3,9 % и в Казахстане – 15,1 % в 2013), и данный показатель зачастую отсутствует в национальной статистике или учитывается нерегулярно.

Таблица 5. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной водоотведением (канализацией), в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	72,77	73,31	73,73	74,08	74,4	74,93	72,43	76,77	77,14
Сибирский ФО	64,83	65,46	65,98	66,46	66,7	67,55	68,13	68,49	68,79
Красноярский край	68,1	69,03	70,19	70,75	71,03	72,14	73,84	73,64	73,86
Республика Тыва	37,25	39,11	36,9	36,67	36,33	35,47	33,95	34,31	34,6
Республика Хакассия	64,25	64,55	64,79	65,11	66,46	66,63	66,81	67,9	68,27
Азербайджан	85,6	84,2	84,3	84,6	84,9	84,9	85,1	85,0	85,2
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								
Казахстан	52,2	51,6	60,3	59,6	59,5	60,8	62,7	57,1	57,8
Киргизия	20,2	17,4	18,8	16,6	16,5	18,6	19,7	17,9	17,9
Украина	55,6	56,6	57,5	58,2	59,0	59,4	57,2	58,8	59,2

Таблица 6. Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной газом, в общей площади всего жилищного фонда (% , по данным национальной статистики)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	69,36	69,2	69	68,65	68,31	67,55	65,29	66,72	66,34
Сибирский ФО	33,38	33,08	32,89	32,45	32,16	30,71	29,88	29,29	28,86
Красноярский	21,25	20,76	20,43	19,69	19,21	15,35	14,21	13,67	13,46

край									
Республика Тыва	16,8	16,42	14,62	14,35	12,16	13,32	12,94	12,47	9,02
Республика Хакасия	34,17	33,48	33,02	32,56	31,68	31,06	30,28	29,02	29,33
Азербайджан	87,4	86,3	86,1	85,0	85,9	85,9	92,1	91,9	91,9
Армения	сопоставимые данные отсутствуют								83,9
Казахстан	38,2	37,8	40,3	41,9	41,9	43,0	43,4	44,2	45,9
Киргизия	25,6	21,1	21,5	18,2	16,9	18,8	18,5	16,9	16,8
Украина	83,1	83,0	83,2	83,1	83,2	83,0	83,3	83,3	83,1

К сожалению, данные по благоустройству жилья в республике Таджикистан обнаружены автором только по материалам переписи 2010 г. Кроме того, большая часть показателей приводится не к площади жилых помещений, а к доле населения, имеющей доступ к соответствующим услугам. Тем не менее, цифры демонстрируют критический разрыв с Россией в общем и Центральной Сибирью в частности. Только 22,2% населения Таджикистана могут пользоваться водопроводом, 15,4% - канализацией, 0,8% обеспечены подачей горячей воды, 2,3% - централизованно снабжаются газом, 2,5% - имеют напольные электроплиты [8].

Таким образом, мы видим, что наиболее интенсивный отток происходит с территорий, для которых характерно существенное расхождение в благоустройстве жилья по сравнению с Красноярским краем. Это позволяет предполагать, что показатели, связанные с оценкой благоустроенности жилья, могут применяться как при изучении причин миграции, так и при оценке миграционного потенциала.

Список литературы

Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации
<http://www.gks.ru>

Национальная статистическая служба республики Армения <http://www.armstat.am>

Государственный комитет статистики Азербайджана <http://www.stat.gov.az>

Агентство республики Казахстан по статистике <http://www.stat.gov.kz>

Национальный статистический комитет Кыргызской республики <http://www.stat.kg>

Агентство по статистике при президенте республики Таджикистан <http://www.stat.tj>

Государственная служба статистики Украины <http://www.ukrstat.gov.ua/>

Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 г. Жилищный фонд и жилищные условия населения Республики Таджикистан, т. VIII. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2013

Резванов Ринат Искандярович,
Директор центра компетенций проектного управления

«Сибирский проект советской индустриализации: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950-1970-х годов»

Уже к началу 1960-х годов сибирские города столкнулись с проблемой, варианты решения которой советским плановикам и градостроителям ещё только предстояло определить. Бурный рост городского населения, ранее воспринимавшийся не иначе как однозначное благо для размещаемого производства, теперь таил в себе многочисленные риски.

Проблема не возникла одновременно, причины восходили к 1940-м годам. Тогда военная эвакуация оказала столь мощное воздействие на города, что в последующем их облик скорее корректировался, нежели подвергался существенному переустройству. Вслед за заводами на восток перебрасывались крайне востребованные, там, на месте, рабочие руки. К рабочему и инженерно-техническому персоналу добавлялись члены их семей и эвакуированные из оккупированных и прифронтовых областей. Омск, Новосибирск и Красноярск – первая тройка городов за Уралом, куда первоочередными адресатами спешно направлялись эшелоны с людьми и техникой.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ИЗ СИБИРИ В СИБИРЬ

Надо сказать, ещё с 1930-х годов в том же Красноярске, как и в ряде других сибирских городов, стало разворачиваться большое промышленное строительство. В 1934 году в Красноярске заложили машиностроительный завод (Красмаш), летом 1935 – судостроительный, а через год стали возводить опоры будущего целлюлозно-бумажного комбината. Вплоть до 1941 года Красноярск ежегодно прирастал на 2 тысячи человек. Только за короткий отрезок с 1940 по 1943 годы краевой центр дополнительно принял почти 100 тыс. человек.¹

Окончание войны мало изменило общую картину – значительная часть эвакуированного производства оставалась в Сибири. По мнению советского руководства такой шаг должен был только усилить военно-мобилизационные возможности страны. Частичное перераспределение в «глубокий тыл» военных заводов значительно снижало риск потери всего территориально-сконцентрированного производства, что почти и произошло в самом начале войны.

С середины 1950-х годов, после старта новой кампании по индустриализации востока, население сибирских городов стало резко возрастать – туда добровольно, по комсомольской путёвке либо оргнабору стала прибывать рабочая сила.

Откуда приезжали эти люди? Расчёты, проведённые новосибирским Институтом экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП СО АН), выявили любопытную деталь. Оказалось, что до 45% поступивших на промпредприятия Сибири, в период с 1946-го по 1960-й год, ранее работали в тех же местах, где и локализовались предприятия. «Если учесть, что почти столько же составляли впервые включившиеся в производство, то на долю ранее работавших в других районах придётся около 10%. Почти наполовину это выходцы из европейских районов страны, остальные прибыли с Урала, Дальнего Востока и из других районов».²

¹ Красноярский материк. Времена. Люди. Документы. – Красноярск, изд-во «Гротеск», 1997. – С.437.

² Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946-1960 гг. / Алексеев В.В., Букин С.С., Долголюк А.А. и др. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1989. – С.130.

За резюмирующей строчкой «и из других районов» скрываются, в том числе, Западная и Восточная Сибирь. Прибавление их долей дадут нам дополнительные 4% к общему знаменателю. И выйдет, что только каждый десятый рабочий в Сибири оказывался выходцем из других регионов Советского Союза.

Конечно, можно посетовать на территориальную обезличенность данных по внутри- и межрайонной миграции, они учитывают лишь приток местных/неместных кадров в целом по Сибири. Быть может, если мы взглянем ближе на конкретные регионы, то выявим принципиальные различия, вполне возможные в масштабах Сибири, растянувшейся по широте на 4 тысячи километров?

В качестве примера возьмём данные по одному западносибирскому – Алтайскому краю и одному восточносибирскому региону – Иркутской области. Их административные центры Барнаул и Иркутск разделяет расстояние в пол-Сибири, но различия этим не исчерпываются – у них и совершенно разный климат. Более мягкий переходный на Алтае и резко континентальный в Приангарье. Соответственно различны и хозяйственные особенности: Алтай расположен в полосе благоприятного агропользования, чего не скажешь об Иркутской области – это зона рискованного земледелия.

Оказывается, за тот же период с 1946 по 1960 гг. местные жители обеспечили свыше половины городского прироста в обоих регионах (больше – на Алтае (79,6%), меньше – в Иркутской области (54,4%)).

Именно местное население и стало источником роста сибирских городов. Что касается прибывших из других территорий, то «приживаемость выходцев из районов европейской части СССР, Средней Азии, Казахстана и Дальнего Востока была относительно низкой, вследствие чего эти регионы не играли существенной роли в индустриальном заселении Сибири».³

Последующие годы не принесли серьёзных изменений. Так в 1969 году доля внутрирайонной миграции в Западной Сибири составляла 134,4%, в то время как межрайонная наоборот фиксировала отток населения (-4,8%). В Восточной Сибири к тому времени потенциал внутренней миграции стал заметно ослабевать, впрочем, сохраняя столь же высокие пропорции: 101,7 к 14,4%. Объединяла оба региона потеря собственного населения, выезжающего за пределы РСФСР. Но здесь речь скорее шла о миграционной текучести – уезжали не закрепившиеся на месте кадры союзных республик.⁴

Внешний миграционный приток на восток РСФСР оказывался вторичным, пропуская вперед жителей сибирских сёл, малых и средних городов, устремлявшихся в возникавшие в их регионах новые индустриальные центры. Дальше зависело от потенциала территории – более заселённый юг Западной Сибири позволил появиться двум городам-миллионникам. Но чем дальше на восток, тем меньшим оказывался миграционный поток, сужались возможности роста населения городов.

ГОРОД С ВИДОМ НА МИЛЛИОН

В 1964 году Новосибирск обрёл статус первого сибирского города-миллионника. Через пятнадцать лет, по итогам всесоюзной переписи 1979 года миллионную отметку преодолел и Омск. Ожидалось, что следующим станет Красноярск. Краевое руководство в 1984 году на юбилейных торжествах, посвящённых образованию Красноярского края, рассчитывало уже в

³ Там же, С.262.

⁴ Миграция населения РСФСР / Отв.ред. А.З.Майков. – М.: Статистика, 1973. – С.33.

начале 1990-х преодолеть желанную отметку.⁵ И действительно, Красноярск всё же стал третьим сибирским миллионником, но гораздо позже – к 2013 году.

Сибирь стремительно урбанизировалась. Сверхбыстрый рост 1940-1960-х годов стал предтечей особого в советской градостроительной практике новосибирского феномена. Даже по сибирским меркам, где города уступали в возрасте находящимся в европейской России, Новосибирск оказывался совсем уж молодым – возник он в самом конце XIX века на линии строящейся Транссибирской магистрали, сравнительно быстро получив в 1903 году статус города.

Первый тревожный звонок дал о себе знать в 1959-м, когда численность Новосибирска достигла 887 тыс. человек. Отметка, на которую плановики выводили город только к 1970 году (850 тыс. чел.). Стало ясно, что с такими темпами роста город далеко выйдет за отведённые рамки, что, кстати, и произошло: всесоюзная перепись 1970 года насчитала в Новосибирске 1,16 млн жителей.⁶

Меньше 70 лет потребовалось Новосибирску, чтобы стать миллионником – ни один советский город ни до, ни после не мог похвастать таким рекордом. Достижение, вскоре ставшее городской легендой, предметом местной гордости – ведь Чикаго, с которым честолюбиво сравнивался молодой город, потребовалось для этого целых 85 лет.

Советская индустрия на востоке страны за рабочими руками шла именно в крупные города. Становясь островками экономического развития, города в свою очередь и сами притягивали к себе пришлое население. Крупным городам оставалось только быстро набирать вес – в том же Красноярском крае к началу 1960-х годов удельный вес занятых в производственной сфере стремительно развивавшегося Ачинско-Назаровского промышленного узла оказывался на 10% меньше Красноярска.⁷

Очевидным становилось совпадение территорий промышленного освоения с районами сложившихся крупных региональных центров. В ходе проводившихся в начале 1960 годов исследований ИЭиОПП прямо отмечалась высокая концентрация промышленности в областных (краевых) центрах при очень слабом её развитии в прилегающих районах.⁸ По словам Владимира Ламина, директора Института истории СО АН СССР: «...особенно быстро продолжала расти абсолютная и относительная величина городского населения Сибири и в первую очередь ее крупных городов - областных и краевых центров: Омска, Новосибирска, Кемерово, Томска, Красноярска, Иркутска.

Процесс перераспределения населения в пользу крупных городов в ущерб сельской местности, особенно после паспортизации ее жителей, был настолько контрастным, что пришлось ограждать города дополнительными, еще более жесткими, чем прежде, административными запретами, ограничениями и другими средствами селекции притока сельских жителей в города».⁹

Проблема гипертрофированного роста столичных городов не была новой. К тому времени в Венгрии и на Кубе стали предприниматься попытки по разгрузке

⁵ Славина Л.Н. Динамика численности населения Красноярского края в советский период // Люди и судьбы. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 30 октября 2003 г. – Красноярск, 2003. (<http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2003Ludisudby/2003Slavina.htm>).

⁶ Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства 1945 - 1985 гг. Глава II. За индустриализацию строительства и решение жилищной проблемы. 1955-1970 гг.

⁷ Цимдина З.Р., Сергиевская И.А. Опыт изучения использования трудовых ресурсов Ачинско-Назаровской группы районов // Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири / Под общей редакцией Г.А. Пруденского. – Новосибирск, 1961. – С.60.

⁸ Там же, С.60.

⁹ Ламин В.А. Императивы демографического развития Сибири // Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы. Материалы международного научного семинара-совещания. – Иркутск, 2004. (http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/bgca/4.html).

административных центров – там эволюционный рост оказался подстёгнут политикой форсированной индустриализации.

В начале 1970-х годов СССР, Болгария, Румыния и Монголия приступают к разработке собственных стратегий по замедлению роста крупных городов. Решение виделось в создании новых либо развитии уже сложившихся небольших субрегиональных центров.¹⁰ Сибири 1960-х предстояло апробировать эффективность новой городской политики.

ВЕНГЕРСКИЙ СЛУЧАЙ

Беспокойство мог вызывать риск развития сибирских городов по венгерскому сценарию, совпадения с которым обнаруживались вполне отчётливо. События октября 1956 года в Будапеште, расценённые Москвой как антисоветский мятеж, заставили советских исследователей внимательно присмотреться к социально-экономическому положению Венгрии. Уникальность ситуации определялась исключительным положением Будапешта в жизни страны. Венгерские эконом-географы даже рассматривали столицу как отдельный экономический регион наряду с макрорегионами Дунаюлом, Северной Венгрией и Альфельдом. В начале 1960 года в будапештской агломерации проживал почти каждый четвёртый житель страны (23%), больше чем во всём регионе Северной Венгрии.

Будапешт стал особенно бурно расти сразу после окончания Первой мировой войны. Тогда город оказался пристанищем для тысяч мигрантов из сельской округи, перебивавшихся в столицу в поисках работы. Скорость, с какой росла столица впечатляла – если в начале XX века Будапешт насчитывал 860 тыс. жителей, то к 1930 году в нём проживало уже полтора миллиона человек. Казалось, если в Венгрии где и растёт население, то это столица и только она.¹¹

В результате к 1960 году Будапешт концентрировал до 45% от всех промышленных рабочих в стране. Город безраздельно доминировал над своей округой – столичным медье Пешт. По ключевому для социалистических экономик показателю удельного веса рабочих в общем населении, Будапешт в 3,6 раза перекрывал статистику столичного медье.¹²

Пришедшее к власти в конце 1950-х годов новое венгерское правительство попыталось исправить ситуацию. Ставка делалась на создание сети опорных городов – метод в последующем применённый Советским Союзом в его восточной индустриальной политике. Второй пятилетний план (1961-1965 гг.) отвечал новым веяниям – 4/5 от всех капиталовложений предусматривалось на развитие промышленности вне пределов Будапешта.

Ускоренное развитие получили новые промышленные центры, прежде всего, города Айка (электроэнергетика, стекольная и алюминиевая промышленность), Казинцбарцика (электроэнергетическая и химическая), Дунауйварош (черная металлургия).¹³

Ассигнования в первую очередь шли в города с населением свыше 50 тысяч человек – как правило, ими оказывались административные центры медье, где ускоренными темпами создавалась новая промышленная и социальная инфраструктура. В отличие от более мелких поселений (до 2 тысяч человек), продолжавших интенсивно терять собственное население.¹⁴

¹⁰ Расселение населения и размещение производства / Отв. ред. д.э.н. М.Б. Мазанова. – М.: Наука, 1982. – С.47-48.

¹¹ Леттрих Эдит. Тенденции урбанизации в Венгрии // Урбанизация и расселение, под редакцией Ю.Л. Пивоварова. – М., Статистика, 1975. – С.91-94.

¹² Памлени. Венгрия. // Советская историческая энциклопедия. Том 3 — Москва, 1963. — С.305.

¹³ Краткая история Венгрии. – М.: Наука, 1991. – С.487.

¹⁴ Тенденции урбанизации, 1975, С.97.

Параллели с венгерской практикой обнаруживали себя сразу, особенно в дисбалансе пропорций с собственной округой. В том же Новосибирске на момент всесоюзной переписи 1959 года проживало 63,7% от всего числа жителей области.¹⁵

Вскоре, схожая с венгерской модель создания опорной сети малых и средних городов стала претворяться и в Сибири. В радиусе 100 километров предполагалось вынести филиалы и новые мощности новосибирских предприятий. Помимо демографической разгрузки мегаполиса такой индустриальный экспорт позволял замедлить разрастание заводских площадей внутри города. Вскоре определился и круг новых опорных центров: Бердск, Мошково, Искитим, Черепаново, Ташара, Колывань.¹⁶

Удачно зарекомендовавший себя градостроительный эксперимент с созданием обособленного научного Академгородка решено было продолжить. В конце 1960-х годов недалеко от него стал выстраиваться сельскохозяйственный научный центр Сибирского отделения ВАСХНИЛ. К середине 1980-х по южной кромке Новосибирска было возведено семь научно-исследовательских институтов и первая очередь жилого микрорайона со своим центром обслуживания, в котором проживало около 6 тысяч человек (в основном семьи сотрудников научного городка). Краснообск, а такое название получил городок ВАСХНИЛ, получил статус поселка городского типа, а также норматив на дальнейшее развитие до 25 тыс. человек. Так и случилось, в наши дни численность Краснообска находится в пределах когда-то отведённого ему лимита.

СЦЕНАРИЙ ДЛЯ КРАСНОЯРСКА

В отличие от Новосибирска Красноярск не находился в окружении городов, которые вслед за новосибирской практикой можно было бы рассматривать в качестве опорных. Во многом, определяющей оказывалась география. С правого берега город прижимали к Енисею отроги Восточно-Саянских гор, к тому же там ещё с 1930-40-х стала разрастаться многокилометровая промышленная зона. На левом – перспективный северо-восток оказывался запертым корпусами алюминиевого и металлургического заводов, требующих вокруг себя достаточно большую санитарную зону.

Более резонным и интересным для города представлялся вариант с форсированным развитием локальных субрегиональных центров – именно они должны были стать основой формируемых территориальных комплексов.

Таковые долго искать не пришлось – к тому времени правительство значительные средства выделяло на развитие энергетики и добывающих производств на западном крыле Канско-Ачинского буроугольного бассейна (будущий Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, он же КАТЭК). Здесь в ближайшие 15-20 лет планировалось создать крупный промышленный узел, эксплуатирующий богатые залежи местных дешёвых углей. Бывшим до этого сельскохозяйственным районам Ачинско-Назаровской группы предстояло стать промышленными.

Согласно семилетнему плану (1959 – 1965 гг.) в Ачинске возводился глинозёмный комплекс для нужд строящегося в Красноярске алюминиевого завода. Переработка нефелиновой руды позволяла наладить сопутствующее цементное и строительное производство. В Назарово строилась мощная тепловая электростанция.

¹⁵ Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.

¹⁶ Колпакова М.Р. Новосибирск: город в 2000 году. / М.Р. Колпакова, Г.Н. Туманик. - Новосибирск: Кн.изд-во, 1989.

В самом Красноярске, несмотря на строительство в 1950 – 60-х годах энергоёмких объектов химической промышленности, темп роста населения постепенно замедлялся (Табл.1). На это красноречиво указывают данные четырёх послевоенных всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов.

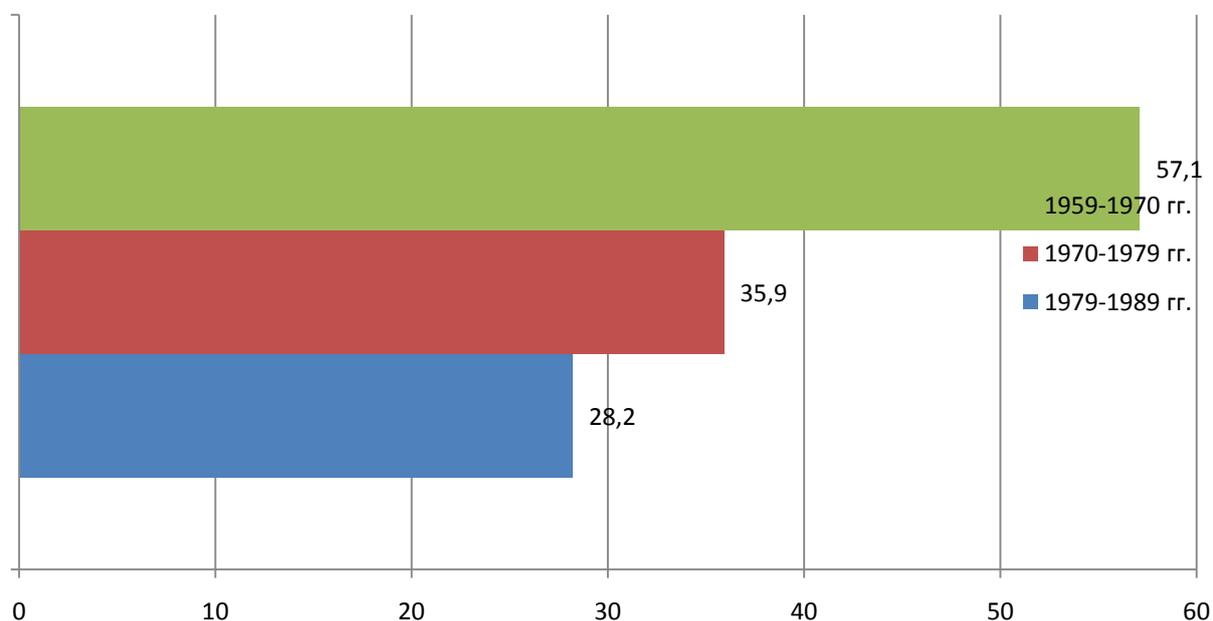

Табл.1 Изменение динамики прироста населения Красноярска в межпереписные периоды 1959-1970-1979-1989 гг. (по данным ЦСУ и Госкомстата СССР).

Замедление роста краевого центра происходило на фоне интенсивного роста городов Заполярья и юга Красноярского края. На Крайнем Севере в 1970-х годах в 3,6 – 3,8 раза увеличилось население городов Талнах и Кайеркан (Норильский промрайон). На треть вырос и сам Норильск, средняя температура января (–28 С) которого делала его экстремальным для жизни почти 190-тысячного населения – показатель, к которому город подошёл уже к 1979 году.

На юге продолжался рост городов Абакано-Минусинского промышленного узла. Эту динамику можно отчётливо проследить по трём наиболее крупным местным городам: Абакану, Черногорску и Минусинску (Табл. 2,3,4).

Изменение численности населения г. Абакан (1959 - 1989 гг.)

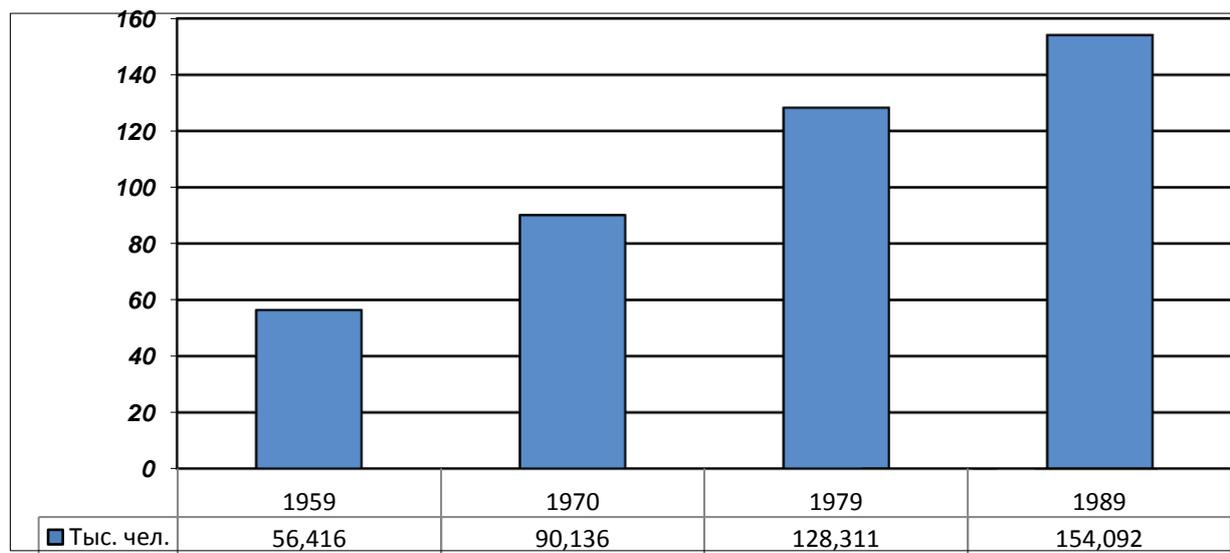

Таблица 2. Изменение численности населения Абакана (1959 – 1989 гг.). По данным ЦСУ и Госкомстата СССР.

Изменение численности населения г. Черногорск (1959 - 1989 гг.)

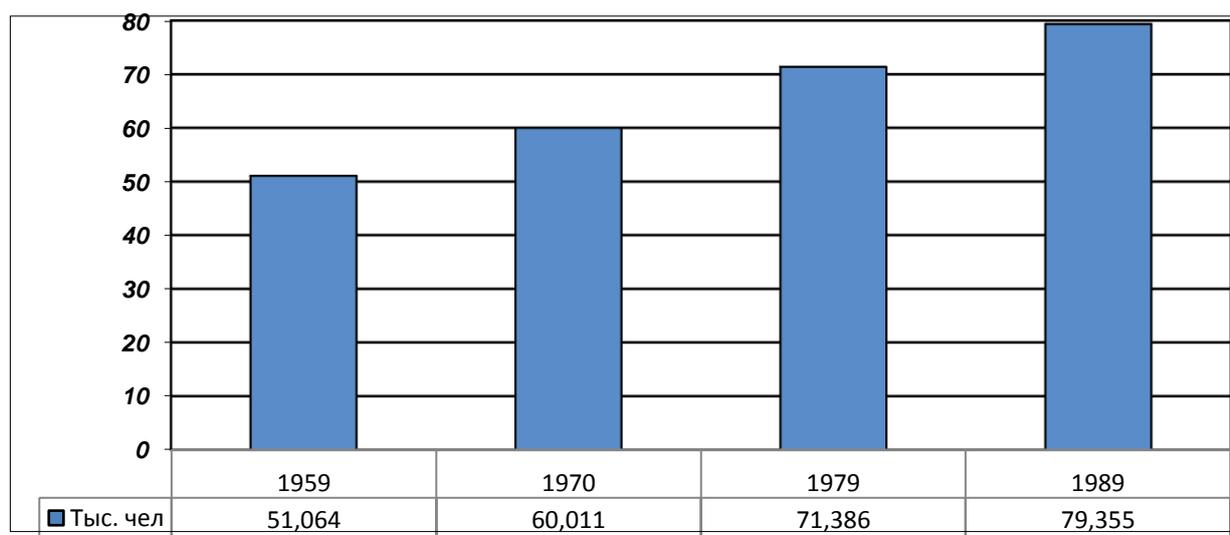

Таблица 3. Изменение численности населения Черногорска (1959 – 1989 гг.). По данным ЦСУ и Госкомстата СССР.

Изменение численности населения г. Минусинск (1959 - 1989 гг.)

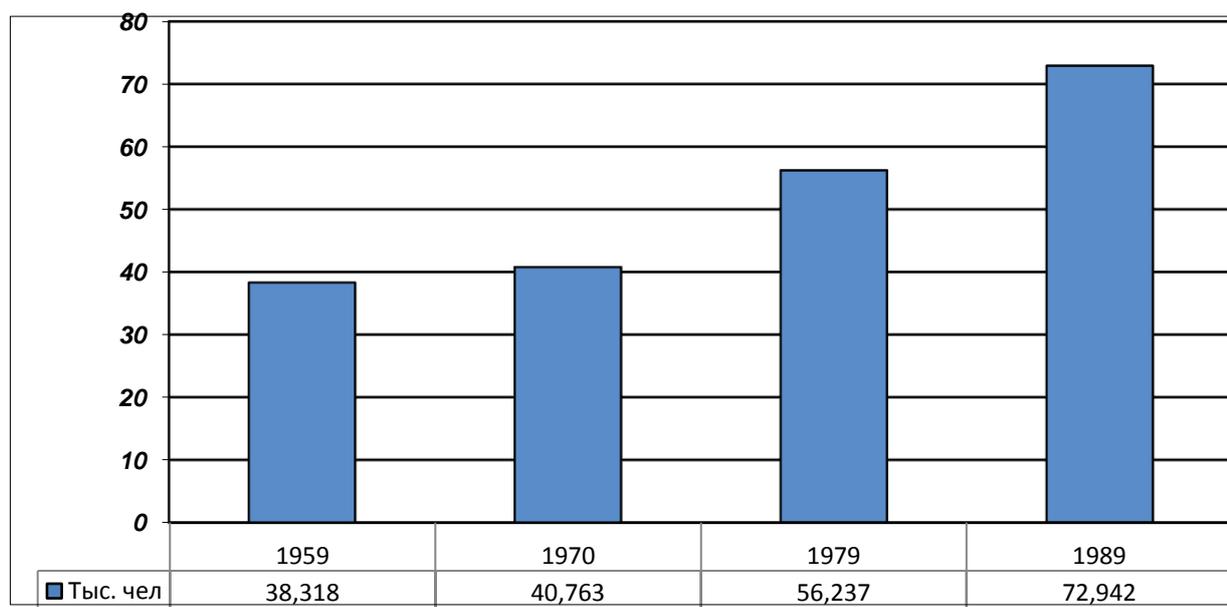

Таблица 4. Изменение численности населения Минусинска (1959 – 1989 гг.). По данным ЦСУ и Госкомстата СССР.

Надо признать, не каждому городу на востоке выпадал шанс стать индустриальным центром. Определяющей становилась возможность доступа к сети грузового транспорта, где приоритет отдавался железной дороге. Все крупные города соединялись железнодорожной сетью, будь то Омск, чья промышленная перспектива связывалась с нефтехимией (благодаря нефтепроводу Туймазы – Иркутск) или Новосибирский промузел, позиционировавшийся в качестве центра развития машиностроения, не говоря уже об угольно-металлургических городских агломерациях Кузбасса.

В Восточной Сибири основными регионами размещения производительных сил стали Иркутская область и Красноярский край. В начале 1970-х годов, проанализировав данные о развитии региона за 1950 – 60-е годы, советский экономист Станислав Савин в своём исследовании территориально-производственных комплексов Восточной Сибири подчёркивал: «в пределах Красноярского края и Иркутской области сосредоточены наиболее благоприятные условия в Восточной Сибири для развития ряда важнейших производств».¹⁷

Справедливости ради надо сказать, что на долю обоих регионов приходилось 4/5 территории и населения Восточной Сибири, с учётом нахождения в те годы Хакасии в составе Красноярского края (на правах автономной области). Три других региона – автономные национальные республики Тува и Бурятия, а также Читинская область значительно им уступали не только по ресурсам, но и по темпам урбанизации (Табл. 5).

Таблица 5. Доля городского населения по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года¹⁸:

- Иркутская область – 77,4%;
- Красноярский край – 69,37%;
- Читинская область – 62,8%;
- Бурятская АССР – 56,78%;
- Тувинская АССР – 42%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹⁷ Савин С.И. Формирование ТПК Восточной Сибири. – М.: Наука, 1972. – С.67.

¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ.

В целом, история советской урбанизации Сибири даёт нам возможность рассмотреть факторы, в конечном счёте определившие развитие городов, более того, задавшие вектор их движения надолго вперёд.

Во-первых, война оказала очень сильное демографическое и индустриальное воздействие на сибирские города. Влияние, оказавшееся относительно точечным для Сибири: эвакуация промышленности шла в немногие, но зато самые крупные города: Омск, Новосибирск и Красноярск. Война, фронты которой пролегли за тысячи километров, удивительным образом определила облик этих городов, их планировку, специфику – «оборонка» до сих пор если не главенствует, то в числе важных отраслей местной экономики.

Чтобы представить масштабы сжатой по времени форсированной сверхиндустриализации, достаточно сказать, что уже в июле 1942 года бюро Новосибирского обкома ВКП(б) приняло постановление о создании на левобережье областной столицы самостоятельного города. Отпочковавшаяся часть Новосибирска, где развернулось большинство эвакуированных заводов, должна была получить название Андреевска и на правах отдельного города – отдельную администрацию из 42 «ответственных» и 22 «технических» работников.¹⁹

Следующей крупной фазой роста оказалась объявленная во второй половине 1950-х новая программа индустриализации востока страны. Рост населения шёл, в первую очередь, благодаря внутренней миграции, именно Сибирь и предоставила своим же городам необходимые людские ресурсы. Несмотря на значительный внешний миграционный приток необходимо признать и обратную сторону – он давал и столь же значительный отток кадров.

И в третьих, сибирские города не развивались автономно, в замкнутом отрыве от общемировых процессов, пусть даже и с поправкой на «социалистическую» специфику. Самым наглядным примером является поиск решения проблемы сверхбыстрого роста столичных городов (для Сибири – административных региональных центров). Вопрос, невольно объединивший в 1950-1960-х столь непохожие Париж, Гавану, Будапешт, Новосибирск и другие. В Новосибирске была апробирована модель создания города-центра, в ближайшем радиусе которого получала развитие сеть малых и средних городов. В Красноярском крае и Иркутской области появились субрегиональные промышленные центры, рассредоточенные на большом пространстве от заполярной 69 широты (Норильск, Талнах, Кайеркан) до 52-53 «самарской» широты (Шелехов и Абакан) на юге.

Список литературы:

Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1945-1985 гг. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986.

Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. / Под общей редакцией Г.А. Пруденского. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961.

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ.

Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946-1960 гг. / Алексеев В.В., Букин С.С., Долголюк А.А. и др. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1989.

Колпакова М.Р., Туманик Г.Н. Новосибирск: город к 2000 году. Новосибирск: Кн. изд-во, 1989.

Красноярский материк. Времена. Люди. Документы. – Красноярск, изд-во «Гротеск», 1997.

Краткая история Венгрии. М.: Наука, 1991.

¹⁹ Информационное агентство «Тайга.инфо»: <http://tayga.info/123902>

Ламин В.А. Императивы демографического развития Сибири. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып.1. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003.

Левый берег Новосибирска мог стать отдельным городом во время войны, 20.10.2015 / Информационное агентство «Тайга.инфо» (Taiga.info) / URL: <http://taiga.info/123902> (дата обращения: 05.12.2016).

Леттрих Эдит. Тенденции урбанизации в Венгрии // Урбанизация и расселение, под редакцией Ю.Л. Пивоварова. – М., Статистика, 1975.

Могилевкин И.М. Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2010.

Миграция населения РСФСР / ЦНИЛ ТР; Отв. ред. А.З. Майков. – М.: Статистика, 1973.

Памлени Э. Венгрия. // Советская историческая энциклопедия. Том 3. – Москва, 1963.

Расселение населения и размещение производства. / Отв. ред. д.э.н. М.Б. Мазанова. – М.: Наука, 1982.

Савин С.И. Формирование ТПК Восточной Сибири. – М.: Наука, 1972.

Славина Л.Н.. Динамика численности населения Красноярского края в советский период // Люди и судьбы. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 30 октября 2003 г. – Красноярск, 2003 г.

Цимдина З.Р., Сергиевская И.А. Опыт изучения использования трудовых ресурсов Ачинско-Назаровской группы районов. // Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири / Под общей редакцией Г.А. Пруденского. – Новосибирск, 1961.

Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.

Кошелев Михаил Сергеевич,

*магистрант ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,
руководитель научной лаборатории Читинского института ФГБОУ ВО «Байкальский
государственный университет» «Центр социально-культурной адаптации мигрантов»*

*« Проблемы межэтнических отношений и толерантности в молодежной среде
Забайкальского края: опыт регионального исследования»*

Аннотация. Сложные социально – политические условия современной российской действительности актуализировали проблему межэтнического взаимодействия и воспитания толерантности в молодежной среде, особенно остро эти проблемы звучат в регионах с полиэтнической картиной, в частности в Забайкальском крае. Проблемы требуют не только практического решения, но и научного обоснования. В статье предоставляется анализ, который проводился Читинским институтом ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», и поднимается вопрос о том, как современная молодежь воспринимает и оценивает современные миграционные процессы, а также относится к прибывающим в Забайкалье мигрантам.

Ключевые слова: мигранты, толерантность, межэтнический, социум общество, молодежь. Современные мировые процессы интеграции и глобализации приводят к росту интенсивности соприкосновения различных государств и культур. В данных условиях одним из важнейших аспектов построения позитивных отношений с представителями других национальностей является взаимодействие на основе толерантности [1].

Забайкальский край относится к числу многонациональных регионов с ярко выраженной полиэтнической картиной. В виду активных миграционных процессов в крае вопрос толерантного отношения к мигрантам, прибывающим на территорию Забайкалья, вызывает особый интерес.

За последние годы межэтническая нетерпимость и конфликтность возросли в большей степени в молодежной среде. Кроме социальных факторов, на формирование межэтнических отношений и толерантности, влияют и особые характеристики самой молодежи. Помимо широкого кругозора, высокого интеллекта и мобильности, современную молодежь характеризует излишняя самоуверенность, стремление к утверждению своей точки зрения, проявление агрессии и раздражительности к представителям другой культуры.

Сегодня проблемы в восприятии или не восприятии молодежью других национальностей, толерантное отношение к различиям между людьми, к уважению этих различий зависит от многих факторов, таких как: ценности личности и общества, воспитание и ближайшее окружение. Еще на восприятие других, может влиять менталитет страны, в которой человек вырос [2].

В Концепции развития молодежной политики в России проблеме толерантности уделяется особое внимание. Так, среди основных направлений деятельности Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), имеется направление «Формирование российской идентичности, единства российской нации, содействие межкультурному и межконфессиональному диалогу» [3].

Основными задачами ФАДМ в этом направлении выступают:

- содействие сохранению, укреплению и развитию национальных культур, языков, традиционного жизненного уклада, промыслов и ремёсел народов России;
- популяризация в молодежной среде национальных традиций, литературного русского языка и истории России;
- создание межрегиональных молодежных площадок по изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества;

- системное проведение молодежных мероприятий по формированию активной гражданской позиции, национально-государственной идентичности, воспитанию уважения к представителям различных этносов, укреплению нравственных ценностей, профилактике экстремизма, взаимодействию с молодежными субкультурами и неформальными движениями;

- вовлечение молодежи в процесс реализации программ по сохранению традиционной культуры и ремёсел народов России.

Все это еще раз демонстрирует внимание государства к проблемам толерантности в молодежной среде.

В феврале – марте 2017 года научная лаборатория Читинского института ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» Центр социально-культурной адаптации мигрантов провела исследование об отношении принимающего населения к мигрантам. Целью исследования было выявление того, как жители города Читы, в особенности молодежь, воспринимают и оценивают современные миграционные процессы, а также относятся к прибывающим в Забайкальский край мигрантам.

Возрастная группа: 114 опрошенных было в возрасте до 25 лет (78,6%), 17– от 25 до 40 лет (11,7%), 14– более 40 лет (9,7%). Таким образом, большая часть опрошенных - представители молодого поколения.

На вопрос: Как Вы можете обозначить число мигрантов в Вашем городе - 72 человека (49,7%) из числа опрошенных отметили заметное количество мигрантов в городе Чита, ответ «мало» дали 9 человек (6,2%).

Таким образом, большая часть опрошенных из числа молодежи отмечают заметное количество мигрантов в городе Чита. Это свидетельствует о напряженности местного населения в отношении прибывающих на территорию города мигрантов.

На вопрос: Можно ли считать, что в Вашем городе существует проблема иммиграции? - 37 человек отметили наличие угрозы для местного населения в виде ухудшения криминогенной ситуации (25,5%), и 43 анкетированных (29,7%) не видят в прибывающих мигрантах проблемы. Ответ «Определенно да» дали 22 человека (15,2%). Анализ ответов на этот вопрос также подтверждает гипотезу о том, что местное население в целом враждебно относится к мигрантам и видит в них проблему, например, влияние на ухудшение криминогенной ситуации в городе.

На вопрос: Как бы Вы в целом оценили отношение местного населения к мигрантам? - большая часть опрошенных отмечает равнодушное отношение к мигрантам - 58 человек (40%), также лидером оказался ответ «скорее отрицательное, чем положительное», так ответило 52 человека (35,9%). Скорее положительное, чем отрицательное и дружелюбное отношение в совокупности отметили только 19 человек (13 %).

На вопрос: Как Вы полагаете должны вести себя приезжие из-за рубежа? - 65 анкетированных (44,9%) ответило «Соблюдать законы и говорить на местном языке достаточно свободно», что говорит о правильной политике России в части обязательных экзаменов (на знание русского языка, истории России и основ законодательства РФ) для мигрантов, а также дополнительной языковой подготовке.

На вопрос: Какую политику в отношении иммигрантов Вы бы поддержали? - значительная часть опрошенных (64 человека (44,1%)) заявило о политике ужесточения контроля за миграционными потоками.

На вопрос: Были ли Вы когда-нибудь участником или свидетелем конфликтов местного населения и мигрантов? - большая часть анкетированных 56 человек (39%) ответило положительно, причем отметило неоднократность в противоправных действиях мигрантов. Безусловно, данные результаты сложно проверить, однако их можно соотнести с данными статистики Информационного центра УМВД России по Забайкальскому краю.

На вопрос: Руководство полиции заявило, что намерено создать спецподразделение по борьбе с этнической преступностью. Как Вы считаете, следует ли создать подобную структуру в Вашем городе? - большая часть ответов (82 ответа (57%)) - положительные.

Таким образом, результаты опроса молодежи города Читы демонстрируют достаточную обеспокоенность местного населения присутствием мигрантов в Чите и Забайкальском крае в целом.

Большая часть опрошенных считает, что присутствие мигрантов может спровоцировать ухудшение криминогенной ситуации, также анкетированные отмечают наличие конфликтов местного населения и мигрантов и говорят о необходимости создания спецподразделения полиции по борьбе с этнической преступностью. Безусловно, данные анкетирования позволяют также выразить мнение о необходимости создания программы адаптации мигрантов, включающей в себя мероприятия по пропаганде толерантности в молодежной среде, в том числе с целью минимизации рисков проявления признаков экстремизма среди молодежи.

Список литературы:

Киселева Е. Е. Уровень толерантности в молодежной среде: опыт регионального исследования // Молодой ученый. — 2015. — №13. — С. 726-728.

Федорова А.А., Кузьмина В.М. Проблемы толерантности у молодежи в современном обществе // Проблемы толерантности в молодежной среде: Материалы Всероссийской онлайн-конференции студентов, магистрантов и аспирантов, 12 декабря 2014 г., Курск / отв. ред. Е.А. Никитина. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т.- 1 С.129-132

По материалам сайта <https://fadm.gov.ru/activity/scope/8>

Федотова Татьяна Александровна,

кандидат экономических наук, доцент Днепропетровского национального университета им. О. Гончара

«Научные подходы к исследованию миграционных процессов»

Характерной чертой современного этапа развития общества является интенсификация процессов глобализаций, в качестве неотъемлемой части которых выступает миграция. Эволюция социально-экономических отношений в конце XX - начале XXI в. предопределяет существенную активизацию миграционных процессов во всем мире.

Одной из глобальных проблем современности есть миграция. Масштабность миграционных процессов и значимость тех социальных, экономических, демографических и других изменений, которые они вносят в жизнь стран и народов, требует усиленного внимания к всестороннему исследованию этого феномена.

Следует отметить, что современные исследования проблем миграции носят междисциплинарный характер. Чаще всего они касаются вопросов определения функций и полномочий государства в сфере миграций, диагностики миграционных рисков общественного развития и оценки позитивов миграции, имплантации миграционного фактора в стратегию развития национальной экономики, стимулирования реэмиграции соотечественников и использования их опыта в хозяйственной деятельности.

Согласно расчетов на одного экономически активного взрослого приходится один иждивенец. Исходя из этого, 90% мигрантов относят к экономически активным, или к зависимым от них иждивенцам [1, с. 1].

Однако эти данные представляются неполными, так как статистика не учитывает миллионы временных мигрантов, которые выезжают из своих стран на непродолжительный срок, сезонных работников, а также работников, занятых за рубежом без изменения страны постоянного местожительства.

В современной науке существуют разные миграционные теории и научные подходы: неоклассические макро- и микроуровень теории; теории «новой экономической миграции» и «двойной трудовой рыночной»; теория «мировых систем»; сетевая теория; теория «совокупной причинной обусловленности» и др.

В настоящее время существуют многочисленные научные подходы и методы исследования в разных сферах науки. Для изучения масштабов миграций, миграционной политики и их эффектов научная мысль предлагает использовать разные научные и научно-методические подходы. Среди последних отметим: исторический, процессуальный, институциональный, структурный, функциональный. Приемлемыми для исследования миграционной политики являются также антропологический, социально-психологический и социально-экономический подходы.

Аналитический инструментарий дает возможность исследовать данное явление с использованием методов формальной логики, индукции и дедукции, а также формализации, прагматического, структурно-логического. Если индуктивный метод регламентирует перенесение знаний с известных объектов на неизвестные, а дедуктивный определяет правила научного объяснения на основе анализа отношения между теорией и фактами, то прагматический метод направлен на анализ соответствий между объектами, с одной стороны, и понятиями и ценностями - с другой. Прагматический метод нужен там, где наука имеет дело с человеческими ценностями. Следовательно, во время исследования миграционной политики и ее эффективности в этой практике учитывают потребности, вкусы и запросы людей, их предпочтения, интересы и намерения.

В то же время недостаточное научное осмысление влияния миграционных процессов в долговременном периоде, а также изъяны в административном и социально-экономическом

управлении ими наряду с другими обстоятельствами обуславливает ряд неблагоприятных последствий|.

Во-первых, наблюдается низкий уровень предсказуемости и прогнозируемости процессов миграции и ее последствий для принимающих сторон.

Во-вторых, слабо используется потенциал внешней| и внутренней миграции населения с целью улучшения| социально-экономической и культурно-духовной ситуации.

В-третьих, чаще всего стихийный (нерегулированный) характер миграции, в которой до настоящего времени достаточно большую часть представляют нелегальные мигранты, очевидно, будет приводить к ухудшению межэтнических, и межконфес|сиональных| отношений, будет способствовать росту национальной и социальной напряженности, обострению криминальной обстановки в регионах их расселения.

В-четвертых, пробелы в системе административно-правового и социального регулирования миграционных процессов| будут обуславливать распространение неформальных (чаще всего негативных) практик в действиях региональных органов государственной власти и муниципального управле|ния|, а также в действиях работодателей.

В этой связи существует острая потребность развития государственной миграционной статистики, осуществления инвентаризации и упорядочения системы статистических показателей механического движения населения, обеспечения ее перехода на единую методологию создания баз данных общегосударственного и территориального уровня||, организации проведения мониторинга механического движения населения с выделением при этом половозрастных|, трудовых, образовательных и других факторов и т. п.

Таким образом, масштабность современных миграционных процессов и значимость тех социальных, экономических, демографических и других изменений, какие они вносят в жизнь стран и народов, требует всестороннего исследования этого феномена|.

Список литературы

1. МОТ. Международная трудовая миграция: под" ход, основанный на правах. Международное бюро тру" да. — Женева, 2010. — С. 1.

Кузнецова Екатерина Михайловна,

аспирантка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра, сектора этнографии, этнологии и антропологии

«Этническое и социальное развитие ессейских якутов Красноярского края Эвенкийского муниципального района: проблемы, успехи, современное положение»

Большой интерес вызывает повседневный мир изолированной этнолокальной группы ессейских якутов, проживающей на Севере Красноярского края за полярным кругом у озера Ессей вдали от основной массы саха-якутов. Этническая группа саха – ессейские якуты исторически в силу административно-территориальных, и политико–ведомственных причин сложилась как субэтнос, и в силу указанных обстоятельств развивалась как самостоятельная этническая общность. В статье характеризуется современное положение ессейских якутов, выявление основных негативных, так и положительных тенденций. Настоящее положение современного этнокультурного состояния ессейских якутов дает основание говорить о негативных тенденциях, разобщенность с основным этносом препятствует этническому сплочению народа и способствует усилению ассимилятивных процессов, которые выражаются в сокращении темпов прироста доли людей, владеющих родным языком.

В начале 90-х годов XX века в стране наступил совершенно новый этап в истории нашей огромной Родины, связанный, прежде всего, с экономической модернизацией и перехода на рыночную экономику, что, безусловно, вызвало негативные последствия и коренные изменения в сложившейся системе жизнедеятельности и укладе жизни многонационального народа Советского Союза в преемственности России.

Социально-экономические и культурные процессы привели к разрушению культурного генофонда и традиционных форм хозяйствования у коренных народов Севера. В этом контексте большой интерес вызывает повседневный мир изолированной этнолокальной группы ессейских якутов, проживающей на Севере Красноярского края за полярным кругом у озера Ессей вдали от основной массы саха-якутов.

Ессейские якуты проживали и проживают на территории Красноярского края в Эвенкийском муниципальном районе (бывший самостоятельный субъект Российской Федерации в начале 90-х годов XX века, а затем с 2007 года XXI века в составе Красноярского края, наделенный особыми правами и статусом). Очевидно, что регион подвергся рыночным изменениям со всеми вытекающими отсюда этносоциальными последствиями, на фоне этих трансформаций сформировалась современная модель жизнедеятельности и новая система ценностей, проживающих здесь коренных малочисленных народов, в том числе и этнолокальной группы ессейских якутов.

Отметим, что целью настоящей статьи является характеристика современного положения ессейских якутов, выявление основных негативных, так и положительных тенденций. В силу исторических и политических обстоятельств на начальном этапе национально-территориального районирования, проводившегося у коренных народов Севера в конце 1920-х гг. XX века, советские государственные органы отнесли исторические территории проживания ессейских якутов к вновь созданному Эвенкийскому национальному округу, разделив ессейских якутов от основной массы якутского этноса. Безусловно, такое положение не могло способствовать процессам развития субэтноса в изоляции от основной массы якутов и создавало некоторые сложности для консолидации с основным этносом, на протяжении 80 лет ситуация остается без изменений. Настоящее положение современного этнокультурного состояния ессейских якутов дает основание говорить о негативных тенденциях, разобщенность с основным этносом препятствует этническому сплочению народа и способствует усилению ассимилятивных процессов, которые выражаются в сокращении темпов прироста доли людей, владеющих родным языком.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что ессейские якуты находились почти в полной изоляции от основного этноса якутов, она не привела к размыванию их этнической идентичности и полной ассимиляции или проявлению признаков депопуляции. Видимо, это связано с факторами, обусловленными процессами этнической консолидации.

В условиях советского проекта, когда шло нивелирование «национального» и формировалась новая общность «советский народ», адаптивная стратегия ессейских якутов была нацелена на процессы их этнического сплочения.

Проживание в другом национально региональном субъекте, не привело ессейских якутов к утере самобытности, а наоборот объединило субэтнос, такая сплоченность и объединение на территориальном уровне (жизнь у озера), проявлявшееся как в этнокультурном, так и в социально-экономическом пространстве, скрепляла ессейцев в единый организм. Ощущение ессейскими якутами своей этнической самоидентификации, как части якутского этноса выражается следующими маркерами: 1) осознание на субэтническом уровне своего национального единства; 2) общность с основным этносом якутов, проживающих в сопредельном регионе; 3) единство и сходство этнокультурных интересов, общность одной исторической судьбы.

В то же время как этнодиалектная группа, ессейские якуты имеют свои особенности в развитии культуры, отличающие их от соседних народов.

Таким образом, ессейские якуты смогли не только сохранить этнодемографическое воспроизводство, но и условия для сохранения своего национального приоритета - традиционного способа и вида хозяйствования, самобытного образа жизни, якутского языка и культурных традиций. Сохранение такого базиса-основы для существования любых этносов культурного наследия, вопреки многим негативным последствиям современной жизни, позволяет ессейским якутам осознавать и ощущать свою этническую целостность и создает основу для национального самоутверждения и самосознания. Ессейские якуты гордятся своим положением и своей культурой, их этническое самосознание имеет очень высокую степень проявления, а в мироощущении нет каких-либо признаков приниженности или сознания ущербности. Хотя некоторые молодые семьи практически не занимаются традиционными видами хозяйственной деятельности, при этом для ессейских якутов все еще остается важной этнической самоидентификация. Для воссоздания целостной картины жизненного мира ессейских якутов обратимся к историческому опыту советского прошлого.

Советский период развития. Следует обратить внимание, что наиболее мощный культурный и экономическо - хозяйственный скачок в развитии субэтноса происходил именно в эти годы. В 1990 году XX века в шести совхозах Эвенкийского автономного округа, существовавших на тот момент было около 12 000 тысяч голов домашнего северного оленя, из них 2 000 тысячи голов принадлежало совхозу "Котуй" в якутском поселка Ессей, на настоящий момент домашнее оленеводство практически утратило свое прежнее значение.

В плановой экономике охотничий промысел всегда играл весомую роль в деятельности эвенкийских колхозов и совхозов, принося им, наряду с оленеводством, наибольшую часть доходов. В конце 1980-х гг., накануне рыночных преобразований, удельный вес промысловой отрасли в товарной продукции совхозов округа составлял 37%. При этом свыше трех четвертей общей стоимости продукции охотничьего промысла составляла пушнина, в которой на шкурки соболя приходилось почти 90%. В среднем по всей Эвенкии, включая и охотников-любителей, которые составляли в 1990 г. около 70% всех промысловиков, ежегодно добывалось от 25 тыс. до 32 тыс. соболей. Добыча копытных животных, в основном дикого северного оленя, исчислялась в среднем 10-13 тыс. голов.²⁰

²⁰ Бойко В.И. *Эвенки бассейна Енисея. - Новосибирск: ВО "Наука", 1992г. стр.72-75*

В настоящее время охота и охотничий промысел, хотя и не утратили своей актуальности, но лишились поддержки государственных органов как таковой и носят дикий не систематический характер собирательно-присваивающего образа жизни.

В советский период в 1947 году впервые была проложена воздушная линия Тура-Ессей, с тех пор действующая регулярно. В советский период до середины 90-х годов воздушным транспортом поддерживалась прямая связь с краевым центром Красноярском. На грузовых самолетах АН-12, АН-24, начиная с середины января до середины мая, перевозили воздушным транспортом грузы для населения. Большие самолеты производили посадку на озере Ессей. Таким образом, внешние связи населения были установлены с Красноярском, снабжавшим поселок необходимыми промышленными и продовольственными товарами.

В 80-х г.г. XX в. наиболее рентабельной отраслью хозяйства совхоза являлись пушной промысел и звероводство.²¹ В Есее появляется новая отрасль хозяйства - клеточное звероводство, являвшаяся важным дополнительным источником получения пушнины, этого ценного «мягкого золота». Развитие звероводства не требовало постоянных передвижений, наоборот способствовало оседанию населения. Несмотря, на новизну отраслевого хозяйства - звероводства в п. Ессей развивалось в быстром темпе и за короткое время стало одним из главных отраслей хозяйства.

В середине XX в. в п. Ессей осваивается совершенно новая отрасль хозяйства – разведение крупного рогатого скота и лошадей. Правда, поголовье было незначительным. В связи с нехваткой сена, животных подкармливали комбикормом и зерном. Берега озера выкашивались полностью, а дальше от берега были непригодные земли. Поэтому препятствием для быстрого развития крупного рогатого скота являлось крайне неудобное размещение сенокосных угодий, разбросанных мелкими участками вдоль берега озера. Несмотря на суровые условия, работники фермы из местного населения приобрели навыки по уходу за скотом и лошадьми, которых содержали в приспособленном помещении вдали от поселка. Животноводство было предназначено для обеспечения молоком в основном образовательного и медицинского учреждений.

До конца XX в. функционировало швейное производство – меховой цех по выделке оленьих шкур и камусов по традиционной технологии, а также по пошиву меховой зимней одежды: унты, бакари (этэрбэс), ноговицы (һотуруо), парка (мэхсэ), шапки (бэргэһэ), подошвы для коротких унтов, сшитых из нескольких оленьих щеток (ала) для высокой прочности. Следует отметить, что у ессейских якутов сохраняются все виды национальной одежды. Это связано с суровым климатом Ессея. В настоящее время молодежь п. Ессей обычно одевается в современную европейскую одежду, не имеющую национального колорита. Жизнь в поселке потребовала применения новых форм одежды, обуви, то есть стала широко использоваться покупная одежда. Традиционная меховая одежда используется на промысле, в пути, иногда частично зимой в поселке.

Образование. О росте культурного уровня населения в советский период свидетельствуют многие факты.

Для решения проблемы ликвидации безграмотности и приобщения к культуре изменившегося времени было решено открыть подготовительную школу. Первыми основателями школы и первыми учителями в Есее были супруги Донские Илья Николаевич и Евгения Федоровна, направленные из Иркутска в Эвенкию. В июне 1933 года была открыта первая якутская школа в Есее. В начале в ней занимались 9 детей. Вместе со школой в стойбище был открыт «красный чум», цель которого была культурно-просветительная работа с местным населением. Главной задачей «красного чума» являлась агитация и пропаганда нового советского образа жизни, ликвидация безграмотности была одной из главных задач.

²¹ Данные об Есее за 1973 г. производятся по материалам Ессейско-Мирнинско-Ленской диалектологической экспедиции 1973 г., хранящимся в архиве ЯФ СО РАН по указанному шифру 49, л.23.

Из воспоминаний Евгении Федоровны: «Выехав из Иркутска в конце января 1933 года, в Туру приехали в конце марта, где получили свое назначение и опять тронулись в путь на оленях до постоянного места работы. Нас с мужем направили в Ессей. В Ессей прибыли в середине апреля, усталые, промокшие от распутицы. Нас встретили председатель кочевого Совета Федор Соломонов и его заместитель Христофор Чорду. Нас поселили в бывшей церкви, где мы прожили до зимы. В поселке было только 10 домов... Учебников и тетрадей не было, имелась только простая толстая бумага, карандаши и грифельные доски. Мы с мужем писали на бумаге буквы и цифры. Я вывешивала готовую азбуку на стену и учила детей произносить звуки и названия букв. Каждый вечер сшивали из бумаги тетради, линовали их и писали образцы элементов букв. Дети учились писать, рисовать, петь, разучивали интересные игры. В начале сентября пришло указание организовать каникулы. В октябре занятия возобновились. У нас появились буквари и задачки...».²² В поселке построили здание общеобразовательной школы и двухэтажный интернат для детей оленеводов. школы в советское время состоял смешанным по национальному составу.

Однако, в настоящее время принято негативно отзываться о советском прошлом и методах социалистического пути развития, но в сравнении с реалиями настоящего времени в этом историческом периоде развития больше плюсов, чем минусов.

Постсоветский период. Позднее кризисные явления стали накапливаться с начала 1990-х гг. Они явились следствием общего экономического кризиса, поразившего всю страну. Однако в Эвенкии, где проживают ессейские якуты, эти процессы протекали намного сложнее и болезненнее, чем в целом по стране, из-за особых экономически-социальных и природно-климатических условий Красноярского Севера. Игнорирование региональной специфики в ходе радикальных реформ резко обострило ситуацию, так к середине 1990-х годов XX века, негативные тенденции проявились настолько, что это характеризовалось уже как состояние углубляющегося социально-экономического кризиса. Жители севера Красноярского края оказались наиболее незащищенными при переходе к рыночным отношениям, такое явление, конечно, не исключение для всех северных регионов России, что обусловлено меньшей подготовленностью народов Севера для адаптационных процессов к рыночным реалиям. Субэтнос ессейских якутов не был исключением, в середине 90-х годов XX в. большинство населения п. Ессей жило без денег, выручала охота на дикого северного оленя и рыбалка, наиболее трудоспособные и образованные ессейцы не имели постоянного места работы.

И все же доказательством адаптивной стратегии этнической группы –изолята стало актуализация культурного наследия народа саха в постперестроечное время. Так, с 2013 года в центре Эвенкийского района посёлке Тура ежегодно в конце июня стал проводиться якутский национальный праздник «Ысыах». В самом посёлке Ессей проводится такой же праздник. Манифестация якутской этничности проявилась в создании в 2014 году якутского вокального ансамбля «Сандал» («Лучезарный»). В формировании пакета официальных и нормативных документов, направленных на сохранение и поддержание этнокультурного развития региона. Так, Правительство Красноярского края вынесло Постановление от 18 января 2011 года № 14-П «Об утверждении Порядков и нормативов предоставления в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края мер социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и лицам, относящимся к ... (с изменениями на 25 июля 2014 года) «Об утверждении Порядков и нормативов предоставления в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края мер социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и лицам, относящимся к этнической общности ессейских якутов».²³ Таким образом, ессейских якутов включили в перечень коренных малочисленных народов Севера Красноярского края.

²² <http://shkola99.narod.ru/simple.html>

²³ <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW123;n=60908;dst=100189>

Рассмотрим один из важных проектов в реализации этнокультурной составляющей повседневной жизни ессейских якутов.

Для ессейцев дикий северный олень является промысловым видом, как и для целого ряда народов Севера, благодаря которому они существуют в суровом климате, имеют источник заработка и, как следствие, рост благосостояния. Инновационный Проект «Эвенкийский олень» инициированный при поддержке нефтяников из дочернего предприятия «Роснефти» — «Восточно-Сибирской Нефтегазовой компании», имеет прикладное значение для территорий Севера Эвенкии. До недавнего времени охотники ездили сотни километров в поисках дикого северного оленя, отнимая много времени, средств и здоровья и сил. В настоящее время происходит отслеживание за численностью популяции, в посёлок Ессей приезжали с этой целью учёные- биологи. В рамках социальной деятельности компания уделяет большое внимание поддержке быта, культуры и традиций коренных малочисленных народов».24

Краеведение как воспитательный ресурс патриотизма и уважения к истории и культуре своей малой родины. Важным условием развития и изучения родного края, в первую очередь являются историческое прошлое, народные обычаи и традиции, проблемы регионального развития и возрождения своей самобытности.. Академик Д.С. Лихачев, говоря о краеведении, справедливо отмечал: «Это самый массовый вид науки: в сборе материалов могут принять участие и большие ученые, и школьники». Сегодня, когда Интернет становится главным источником информации для учащихся, живое общение с историей и культурой своего народа становится реальной необходимостью. Необходимо применять все методы краеведческого исследования, например, полевые наблюдения, визуальные (непосредственные наблюдения (обозрение) изучаемых явлений и предметов), анкетные и личные беседы (местного населения и личных бесед с краеведами, старожилами помогает установлению исторических и бытовых фактов, уточнению уже известных сведений).

Говоря об изучении краеведения в школах Эвенкии, то здесь впервые оно введено как учебный предмет с 2006 года как средство для патриотического воспитания и изучения памятников истории и культуры. В разработке к содержанию учебных программ и в применении на практике преподаванию краеведения был значителен вклад учителей - историков, географов районного центра Эвенкии п.Тура, оказавшие значительную помощь.

Исходя из опросов учителей Ессейской школы видно, что учащиеся придают важное значение сбору материалов, отражающих жизнь наших современников, например, о труде оленеводов, рыбаков, охотников, учителей села. Так, обучающиеся изучая историю отдельного человека, познают историю своей малой Родины. Поэтому в Ессейской школе в обучении предмета "Краеведение" работает исследовательская деятельность школьников, в которой участвуют, как правило, обучающиеся основной школы с 7 по 9 классы. Проводятся формы внеклассной работы –вечера, олимпиады, викторины, конференции, встречи с ветеранами труда и другие.

С. О. Шмидт прекрасно сформулировал это встречное движение, сказав: «Краеведение - это школа воспитания культурой; оно облегчает выработку форм творческого общения людей разных поколений, разного уровня образования и специальной подготовки (научной или художественной, в области ремесла)».25

Воспитанная в этой школе молодежь, будет знать, и развивать собственную культуру и сможет отнестись с заинтересованным уважением к представителю другой культуры и никогда не уничтожит чужие культурные памятники. Действительно, краеведение воспитывает детей, их гражданскую позицию, патриотизм, в котором формируется душа молодого поколения в новых реалиях постоянно меняющемся и развивающемся обществе.

²⁴ /stati/jakutija/sputnikovye-oleni-yevenkii.html

²⁵ Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. - Тверь, 1992. С. 6.

Почти каждая этническая группа обладает своеобразные историю и культуру. Отсюда следует, что в Ессейской средней общеобразовательной школе одним из ведущих факторов формирования исторического и патриотического сознания детей является краеведение. Изучение предмета "Краеведение" в школе введено с 2006 года как и во всех школах Эвенкии, как средство для патриотического воспитания и изучения памятников истории и культуры, а также гражданской позиции, в котором формируется душа молодого поколения в новых реалиях постоянно меняющемся и развивающемся обществе.

Таким образом, воспитанное в этой школе молодое поколение, будет знать и развивать собственную культуру и будет уважать культуру других народов.

Как отмечалось выше, этническая группа саха – ессейские якуты исторически в силу административно-территориальных, и политико–ведомственных причин сложилась как субэтнос, и в силу указанных обстоятельств развивалась как самостоятельная этническая общность.

Ессейские якуты создали свою самобытную культуру, близкую к культуре оленекских якутов, имеет много параллелей с культурой долган и северных эвенков. Это объясняется сравнительно изолированным ходом формирования культуры ессейцев в условиях иноэтнического влияния.

В XX веке произошла трансформация культуры ессейских якутов, приведшая к глубоким изменениям. В постсоветское время ессейцы вынужденно возвращаются к своей исконной культуре. В адаптивной стратегии ессейцев к современным условиям значим ценностный подход к их культурному наследию, выявление наиболее важных и жизнеспособных элементов их культуры.

В настоящее время субэтнос ессейских якутов представляет важное звено в составе основного этноса саха - якутов, обеспечивающее его целостность и устойчивость, служит основанием для композиционного усложнения этноса.

Список литературы

- А.Д. Из жизни ессейских тунгусов / Автономная Якутия, № 182, 10 августа, 1928.
- Бойко В.И. Эвенки бассейна Енисея. - Новосибирск: ВО "Наука", 1992г.
- Васильев В.Н. Краткий очерк инородцев Севера Туруханского края // Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1891.
- Введение // Якуты (Саха) / отв. Ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Серия "Народы и культуры": "Якуты-Саха". Т.20. - М.: Наука, 2012. - 599 с. (совм. с ИАЭ РАН).
- Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1984.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленевонов, М.: Изд-во «Наука», 1977.
- Данные об Есее за 1973 г. производятся по материалам Ессейско-Мирнинско-Ленской диалектологической экспедиции 1973 г., хранящимся в архиве ЯФ СО РАН по указанному шифру 49.
- Ксенофонтов Г.В. Ураанхай – сахалар: Очерки древней истории якутов. Том 1,1-я книга. – Якутск: Нац. Изд-во Республики Саха (Якутия), 1992.
- Саввинов А.И. Фольклор ессейских якутов. Якутск, 2000.
- Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму: Опыт социалистического строительства на Енисейском Севера (Исторический очерк) // Предисл. акад. А.П.Окладникова. М.: Мысль, 1971.
- Шакирзянова-Удыгир Г.В. Тунгуска – река памяти. – Красноярск: ООО «Версия», 2015.

Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. - Тверь, 1992.

Интернет-ресурс:

<http://www.rusfolk.ru/ru/root117/root117419/root117419514/root117419514521>

[http://www.yakutskhistory.net/фрагменты-истории/эссеи-якуты.](http://www.yakutskhistory.net/фрагменты-истории/эссеи-якуты)

</stati/jakutija/sputnikovye-oleni-yevenkii.html>

<http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW123;n=60908;dst=1001>

89

www.humus.livejournal.com: Фотографии Автора: Балувев И.И. Из фонда стеклянных негативов Красноярского краевого краеведческого музея.

<http://shkola99.narod.ru/simple.html>

Лойко Александр Иванович,

*доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений
Белорусского национального технического университета*

«Миграция этнических белорусов в Сибирь: Евразийский вектор»

Вопросы исторической близости белорусского и российского народов имеют основу в виде евразийского вектора взаимоотношений. Этот вектор сформировался в историко-культурных условиях Древней Руси, пассионарии которой начали движение этого государства на Восток. Первоначально новым местом стал Центральный регион современной России. Здесь за короткое время была создана уникальная инфраструктура городов, которая была интегрирована в единый оборонительный комплекс с центром в Москве. В 1612 году российский народ в виде народного ополчения, представлявшего Поволжье, сделал выбор в пользу евразийского статуса государства. Начался территориальный прирост России в восточном направлении, основанный на механизмах не конфликтных комплементарных практик [1]. Именно эти механизмы обусловили быстрое освоение Сибири и северных территорий Дальнего Востока.

Евразийский вектор миграции этнических белорусов сформировался под влиянием Контрреформации. На территории Беларуси стала доминировать политика притеснения православного населения, каковым в основной массе являлись этнические белорусы. Показательным стало XVII столетие, когда белорусы, представлявшие различные слои общества стали массово мигрировать в пределы Московского государства [2]. Среди них были ремесленники и такие выдающиеся представители белорусско-русской культуры, как С. Полоцкий. В это время мигрировала в Московское государство семья Достоевских. В отрядах казаков, осваивавших Сибирь, были этнические белорусы. Большинство из них осталось в регионе. Они внесли значительный вклад в строительство городов, обеспечение их безопасности.

Вторая волна переселения белорусов, в первую очередь, католического вероисповедания, в Сибирь была обусловлена вхождением территории Беларуси в состав Российской империи. С этим обстоятельством не было согласно население, придерживавшееся демократических ценностей и активно поддерживавшееся революционно-демократическими силами России, частности, Герценом. В результате в Сибири в статусе ссыльных оказались высокообразованные представители демократической интеллигенции и дворянского сословия. Они внесли огромный вклад в развитие российской науки, поскольку время ссылки использовали для проведения разнообразных научных исследований, связанных с географией, геологией, биологией, археологией региона [3]. Среди этих ученых были И. Черский [4], А. Чекановский, Н. Витковский [5], К. Богданович. Через Сибирь на дальний Восток пролегал путь духовных миссий в Китай. В одной из таких миссий был известный исследователь китайского и японского языков И. Гошкевич. Он сыграл важную роль в установлении дипломатических отношений Российской империи с Японией. Тем самым были окончательно определены границы Евразии на Дальнем Востоке. Россия стала в полном смысле евразийским государством.

Сибирь, как внутренний регион страны, приобрела статус стабильности. Его территории требовали значительного прироста населения. На уровне государственной политики была выработана стратегия привлечения в регион населения из западной части империи. На эту политику отозвались белорусские малоземельные крестьяне. В Восточную Сибирь переселилось более трехсот тысяч этнических белорусов из Витебской и Могилевской губерний, представлявших православное население. Они внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства в регионе Сибири, в первую очередь в практике возделывания льна [6].

Первая мировая война, фронты которой сместились на территорию Беларуси, создала феномен массовой миграции белорусского населения из зон боевых действий. Более полутора миллиона людей покинули родные места. В основном это было население западных и центральных областей Беларуси. Судьба этих людей с учетом последовавшей революции 1917 года и гражданской войны сложилась по-разному. Часть белорусского населения осталась в Сибири. Некоторые семьи, боясь новой коммунистической идеологии, продолжили движение с отступавшей белой армией на Восток. Они обосновались в Харбине и внесли значительный вклад в формирование оригинальной русской культуры в Манчжурии. В тридцатые годы XX столетия многие из семей воспользовались международной программой переселения и мигрировали в европейские государства.

В советский период истории Сибирь стала одним из важных мест, где формировались евразийские контуры российской национальной экономики. Основой стали природные ресурсы в виде нефти и газа, алмазов, золота, углей, водных ресурсов. Арктическое побережье Сибири стала одним из ключевых элементов Северного морского пути. Огромный вклад в изучение этого региона внес уроженец белорусского города Могилева О.Ю. Шмидт. На основе инфраструктуры Северного морского пути был создан Норильский промышленный кластер. Мотивация ударных комсомольских строек сочеталась в период индустриализации с использованием на стройках Сибири трудовых ресурсов ГУЛАГа. Эти два механизма обусловили прибытие в Сибирь значительной части белорусского населения.

Великая Отечественная война стала периодом трагической гибели от немецких оккупантов миллионов людей. Часть населения и промышленных предприятий Беларуси была эвакуирована на Восток, в частности, в Сибирь. Часть этих людей осталась в регионе, и стал активно участвовать в освоении природных ресурсов региона, строительстве промышленных предприятий, объектов энергетики [7].

В результате многовековых миграционных потоков Беларусь и Россия сформировали евразийский вектор мобильности населения. Этот вектор сохранит свое значение, поскольку ему способствует евразийский экономический союз. Беларусь и российские регионы заинтересованы в создании совместных производств, реализации совместных проектов.

Список литературы

1. Лойко, А.И. Мультикультурный синтез положительных комплиментарных практик в структуре идентичности / А.И. Лойко // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность: материалы Международной научной конференции 20-21 ноября 2014 года / отв. ред. Н.В. Медведев, Н.М. Аверин, А.Н. Алленов; М-во обр. и науки РФ [и др.]. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 41-45.
2. Абецедарский, Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей / Л.С. Абецедарский. – Минск: Издательство БГУ, 1957. – 62с.
3. Ермоленко, В.А. Открыватели мира. Уроженцы Беларуси в географических открытиях. – Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2015. – 72 с.
4. Черский, И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники: Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. – Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1956. – 370 с.
5. Makarov, N.P. The Ancient Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Northern Indigenous Peoples / N.P. Makarov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2013 6) P. 816-841.
6. Лобачевская, О.А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения / О.А. Лобачевская. – Минск: БГУКиИ, 2014 – 33с.
7. Титовец, А. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / А. Титовец, Е. Фурсова, Т. Тенкова. – Минск: Беларуская навука, 2013 – 579 с.

Уразаева Куралай Бибиталыевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва,
Кожамкулова Гульмира Есенбековна, кандидат филологических наук, старший менеджер отдела лингвистических предметов АО НИШ (Назарбаев интеллектуальных школ) (Республика Казахстан)

«Школьные учебники с обновленным содержанием в Казахстане: общие тенденции с Россией и реализация реформы в образовании»

Поле м скрещения яростных атак и мнений в странах постсоветского пространства становится система школьного образования. Именно здесь с особой остротой выявляются узловые социальные проблемы. Катализатором общественных дискуссий стала критика учебников по русскому языку для 5 и 7 классов издательства «Мектеп», для 5 класса АО Назарбаев интеллектуальных школ (НИШ) [1], [2], учебников для школ с нерусским языком обучения, написанных по технологии коммуникативно-деятельностного подхода, отразившая сомнение в оправданности реформы в образовании в данное время [3], [4]. Высокая активность родителей и общественности посредством СМИ повлекла за собой в приграничных областях общественные слушания с участием учителей, местных департаментов образования, представителей Министерства образования и науки РК, Национальной Академии образования им. И. Алтынсарина, Центра образовательных программ (ЦОП) АО НИШ. Опасения общественности об угрозе массовой безграмотности, неприятие новых подходов к обучению русскому языку, даже конспирологические теории заговора против народа и будущего стали перерастать в требования о необходимости моратория на проведение реформы образования, о неготовности школ к переносу модели, апробированной в НИШ и показывающей высокие результаты по итогам PISA на фоне результатов по стране²⁶ [5]. Дискуссии привели к слушаниям в парламенте страны, и с 13 ноября по 16 регионам страны проходят встречи авторов учебников с обновленным содержанием для 3, 6 и 8 классов с учителями страны. Эти мероприятия получили название практической оценки учебников. Обсуждение учебников на сайте Республиканского научно-практического центра «Учебник» МОН РК с 1 октября с.г. представляет собой общественную экспертизу [6]. Это часть экспертизы, долженствующей обеспечить объективный и профессиональный уровень контроля качества учебной литературы и эффективность проведения реформы образования.

Почему необходима реформа в образовании и конкретно – преподавании русского языка как неродного? Как модель коммуникативно-деятельностного подхода обеспечивает результативность реформы образования? Что следует понимать под эффективностью внедрения нового стандарта образования и долгосрочной программы, разработанных АО НИШ для общеобразовательных школ республики Казахстан, или, в частности, каким должен быть современный учебник по предмету «Русский язык и литература» для общеобразовательных школ с нерусским языком обучения? Настоящая статья ставит целью освещение этих вопросов и иллюстрацию основных положений коммуникативно-деятельностного подхода на основе УМК «Русский язык и литература» для 6 класса общеобразовательных школ с нерусским языком обучения [7], проходящего апробацию в стране, разработанного для 2017-2018 учебного год. Во-первых, эволюция научных представлений о современной дидактике и ее роли для социальной адаптации выпускника школы воплощают новое понимание результативности обучения: «Результативность

²⁶ Programme for international Student assessment

современного урока стратегична – это вклад в долгосрочный банк формирования у учащихся умений работать не на уровне действий и операций (когда цель задана и обсуждению не подлежит), а на уровне деятельности (когда цель освещается смыслом и у человека возникает возможность выбора способов деятельности) [8, 70].

В современной науке в связи с концепцией о 4-мерном образовании, включающем четыре грани: знания, навыки, личные качества и мета-обучение, центральное место принадлежит мета-обучению, которое часто называют обучением умению учиться, имея в виду «внутренние процессы, то, как мы осмысляем и адаптируемся к обучению» [9, 91]. Другими словами, реформа в образовании вызвана обучением школьников тому, чтобы они стремились к улучшению вне зависимости от поставленных целей. Во-вторых, известно, что практика преподавания русского языка как родного, так и неродного, длительное время опиралась на изучение правил и законов, на усвоение норм орфографии и пунктуации.

Понятие коммуникации лежит в основе практических всех современных подходов к культуре и воспитанию личности в школе и вузе. Общим для известных дефиниций является соответствие между коммуникативной культурой и эффективным взаимодействием субъектов. Эффективность в различных сферах системно-мыследеятельностного подхода, разработанного Г.П. Щедровицким, объясняет востребованность в РФ коллективов, способных создавать опережающие решения. Это федеральные «несистемные» проекты, такие как «Месторождение талантов», «Сириус», «Иннопрактика», «Кванториумы», «Лифт в будущее», ЦМИТы. На прогнозирование и создание опережающих решений направлены цели обучения по обновленной программе в РК.

Современное общество нуждается в человеке, обладающем навыками свободного говорения, грамотного и свободного письма, адекватно понимающего смысл прочитанного или услышанного («чужого» текста), а также основное содержание собственного текста и способы донесения его до адресата. Отсюда такая тенденция в школьном и вузовском образовании РФ и РК, как риторизация.

На смену прежнему преподаванию приходит практическая цель – формирование навыков общения. Так, в учебнике 6 класса – в соответствии с программой – авторы предлагают такие ситуативные (коммуникативные) задания: написать поздравление, объяснительную записку, расписку, создать рекламу. При этом апробируется, в частности, стратегия «учебы с улыбкой» (например, сочинить, с соблюдением требований к содержанию и структуре, расписку от имени Лисицы о получении сыра от Вороны на примере басни И.А. Крылова, или написать объяснительную врачу о нарушении диеты при изучении темы «Здоровый образ жизни»). А средством достижения цели становится практическое пользование языком, для чего необходимо создавать условия речевого общения. Как подчеркивает И. Милославский: «Способность моделировать возможные события и их последствия – очень нужный аспект совершенствования интеллекта» [10]. Так, ученикам 6 класса предлагается смоделировать такие ситуации, например, при изучении рассказа А.П. Чехова «Хамелеон» и выполнении задания «Включите воображение»: «Представьте, что Хрюкин, тыкавший собаке сигаркой в нос, и укушенный ею, побил собаку, а Очумелов заставил Хрюкина писать объяснительную. Посмотрите образец объяснительной записки и напишите её от имени Хрюкина. Используйте просторечную лексику и цитаты». Каковы пролонгированные последствия таких приемов? Приведем пример из российской действительности: работа с гуманитарной методикой позволила ее автору выявлять нацистские молодёжные группировки – и, далее «переключать» их из стиля жизни «нациков» в военно-патриотические сообщества [11]. Этот факт иллюстрирует смещение центра обучения с предметного содержания на метапредметный результат. Неслучайно в программе по русскому языку и литературе для 6 класса разделы названы несколько неожиданно: «Мир вокруг нас», «Древние и современные цивилизации», «Астрономия. Планеты и звезды», что не означает изучения на уроках русского языка и литературы биологии, истории, астрономии.

Сейчас признано, что отличительной чертой новой школы должен стать переход от дисциплины к самодетерминации учащихся и от объяснений – к достижению понимания (А. Асмолов) [12]. И интегративный подход обеспечивает достижение такой цели. При выполнении заданий в школе с нерусским языком обучения очень важна работа учащихся, связанная с прослушиванием текста.

При новом подходе меняется система взаимоотношений учителя и ученика. Форма S-S (субъект-субъектная деятельность) означает смещение акцента на творческую деятельность ученика. Если изучение правил и норм русского языка обеспечивало формирование навыков письма, то сущность обучения речевой деятельности сейчас – это стремление к комплексному овладению всеми видами речевой деятельности как необходимого условия общения и формирования коммуникативной личности.

Целеполагание реализуется в придании названиям заданий побуждения к действию: «Напишите в блог», «Сочините историю», «Обсудите картину». Используются приемы педагогики сотрудничества: «Сделаем вместе», используется национальный компонент: «Переиграй Алдара», «Стань Жиренше». С помощью заданий «За и против», «Истина рождается в споре», «Мозговой штурм» и т.д. реализуется критическое мышление.

Особенностью реализации современного подхода является индивидуально-дифференцированный подход и принцип прогрессии, при котором различается степень сложности заданий, сочетаются разные виды речевой деятельности, соблюдается принцип организации учебной деятельности в разноуровневых группах. Сейчас все больше утверждается роль понятия «хай-хьюм» (high-hum – высокие гуманитарные технологии) как совокупности знаний, духовных и культурных ценностей, а также методов передачи информации, «организующих людей и побуждающих их к определённой коллективной деятельности» [11]. Авторы УМК рекомендуют сочетать индивидуальную, парную, групповую, коллективную формы работы для создания коллаборативной и безопасной для учащихся среды, где они оттачивают навыки работы в команде.

Дифференциация осуществляется и по преобладающему типу восприятия информации – аудиальному и визуальному каналам и склонности к кинестетическому типу. Необходимость развития разных каналов восприятия информации объясняет включение аудиозаписей, репродукций классической живописи и работ современных художников Казахстана. Важно отметить новую, самостоятельную методическую роль иллюстрации на уроке обучения русскому языку как неродному. Дифференциация деятельности и дифференцируемые результаты обеспечивают достижимость целей обучения за счет измеримости результатов.

В новом подходе заявлена новая роль оценивания. Распознавание учеником собственных возможностей развития, установка на развитие для уверенности и способности к успешному развитию помогает ему осознать личную значимость и собственные возможности. Вхождение в практику школ понятий формативного и суммативного оценивания коррелирует с убеждениями мнений российских экспертов о необходимости отказа от оценок [13].

Один из основных аргументов против новых учебников – замена реального обучения самостоятельной работой учащихся с привлечением интернета, опасения вовлечения подростков в запрещенные соцсети. Здесь можно привести авторитетное мнение педагога Москвы: «Есть такое мнение, что, поскольку теперь существует интернет, детей не надо накачивать информацией, надо их учить только компетенциям. Во-первых, компетенций – как и навыков, и умений – без знаний не бывает, и все это можно формировать только в единстве, а не противопоставлять одно другому» [14]. В мотивации к поиску информации ученые различают любознательность и любопытство как «желание знать» и «состояние». Не с точки зрения дидактики, сколько с точки зрения поиска текстов для изучения, обосновано обращение в учебнике к электронным ресурсам.

Нужно не учить, а обучать тому, как учиться – это основной посыл реформы. Обобщая изложенное: не преувеличена ли роль технологии коммуникативно-деятельностного подхода, ведь никакая технология не панацея, это всего лишь «набор полезных инструментов для улучшения образовательного опыта учащихся, помощи в обучении» [9, 193].

Показать преимущества внедрения технологии коммуникативно-деятельностного подхода, её преимущество с традиционной методикой позволяет сравнительный анализ упомянутого УМК с прежними 13 изданиями учебника «Литературное чтение», написанными теми же авторами [16]. Книга ведет историю с 1954 года. Ещё в 70-80-е годы в рамках обучения речевой деятельности были предвосхищены актуальные ныне понятия и категории, составляющие педагогический инструментарий: инновационные технологии, билингвизм и полиязычие, активизация познавательной деятельности, интерактивные методы обучения, проблемное обучение и др. С 2015 года интеграция предметов «Русский язык» и «Русская литература» подтвердила, с одной стороны, приоритетность текстоцентрического подхода при обучении русскому языку как неродному, с другой стороны, обозначила важность смещения образовательной парадигмы от знаниецентричной к формированию навыков и компетенций. Концепция УМК 2015 г. базируется на модели компетентностного подхода, при котором задания представляли помощь обучающимся в процессе социальной адаптации. Продолжение стратегии «учёбы с улыбкой» привело к введению в круг чтения таких произведений, как «Золотые слова» М. Зощенко, «На задней парте», «Никто и другие», «Кто на кого похож», «Моя Вообразия» «Мохнатая азбука» Б. Заходера, «Вредные советы жуликам и ворам» Г. Остера и др. Это способствовало активизации у учеников наблюдательности, логического мышления, воображения, визуализации скрытых образов. Предлагая в учебнике модели готовых ответов, авторы решали задачу контроля правильности суждений и выработку механизма самоконтроля у школьников.

Задания учебников всегда включали в себя обучение навыкам сочинения. Большое значение придавалось авторами развитию речевой культуры путем подбора синонимов, понимания значения и правильного употребления фразеологических оборотов, примерам семантизации, что расширяло лексический фонд обучающихся на неродном языке, углубляло понимание и применение правил построения речи. Вырабатывался опыт игровой формы взаимодействия педагога и учащихся через реализацию определенного сюжета (игры, сказки, спектакля, делового общения).

Особое место во всех изданиях занимало изучение русской классики. Для дидактики национальной школы оказался плодотворным опыт разработки инновационного стандарта литературного образования в РФ, отразивший влияние литературоведения на развитие методики и учебников Н.Д. Тамарченко – для школ с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла [17], И. Сухих [18], Г.В. Москвина [19]. Следует отметить роль для казахстанской школьной системы среднего образования методологии коммуникативной дидактики и работы В.И. Тюпы [20], приоритета согласия над дискуссией [21, 45].

Компетентностный подход стал базой для расширения дидактических задач разработки школьных учебников в РК. Технология коммуникативно-деятельностного подхода, включающая модель компетентностного подхода, обусловила реализацию в новом издании УМК «Русский язык и литература», проходящем апробацию в стране, разработанном для 2017-2018 учебного года.

Список литературы

1 Загрибельный А. Шутингом – по мундиалю // <http://www.time.kz/articles/ugol/2017/10/02/sutingom-po-mundialju>. 2 октября 2017, 21:30

2 Загрибельный А. Учить нельзя помиловать! // https://i-news.kz/news/2017/10/03/8628911-aleksandr_zagribelnyi_uchit_nelzya_pomil.html

Дата: 03 октября 2017 в 22:59

3 Боранбаева З.И. Что не так с новыми учебниками по русской литературе для казахских школ? // <https://informburo.kz/stati/chto-ne-tak-s-novymi-uchebnikami-po-russkomu-yazyku-dlya-kazahskih-shkol.html>

4 Боранбаева З.И. Что не так в учебниках русской литературы для казахских школ? https://total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya/chto_ne_tak_v_uchebnikah_russkoi_literaturi_dlya_kazahskih_shkol_date_2017_10

5 Казахстан занял 59 место из 65 стран по оценке грамотности школьников // https://www.kt.kz/rus/education/kazahstan_zanjal_59_mesto_iz_65_stran_po_ocenke_gramotnosti_shkolnikov_1153529071.html

6 Сайт Республиканского научно-практического центра «Учебник» МОН РК // <http://expert.okulyk-edu.kz/>

7 Нуртазина Р., Сулейменова Э., Уразаева К. Русский язык и литература для 6 класса общеобразовательных школ с нерусским языком обучения. УМК. – Алматы: Білім, 2017: Учебник в 2 частях (134 с. и 172 с.), «Рабочая тетрадь» в 2 частях (98 с. и 160 с.), «Книга для учителя» – 82 с.

8 Методика преподавания русского языка в вопросах и ответах. Методика преподавания русского языка в вопросах и ответах: справочное пособие / авт.-сост. Г.В. Писарук. – Брест : Академия, 2008. – 101 с.

9 Фейдл Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырёхмерное образование. [Online] Available: http://www.skolkovo.ru/public/images/stories/news/2016/SKOLKOVO_SEDeC_4D_Education.pdf (Январь, 5, 2017).

10 Милославский И.Г. Правила вместо смысла. – Знамя. – 2011. – № 12. (<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/12/mi14.html>).

11 Сергеев Ю. Образование – это образ будущего». // Интервью с экспертом Подробнее: <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/30/obrazovanie-eto-obraz-budushchego-intervyu-s-ekspertom>.
30 сентября 2017
14:55

12 Локомотивом российского образования стали колледжи // <http://www.mk.ru/social/2017/11/12/lokomotivom-rossiyskogo-obrazovaniya-stali-kolledzhi.html>.

13 Волошин Д. От оценок в школе пора отказываться. // <https://newizv.ru/article/general/04-05-2017/dmitriy-voloshin-ot-otsenok-v-shkole-pora-otkazyvatsya>

14 Кацва Л. Я бы не гордился успехами московского образования // <http://www.pravmir.ru/ya-by-ne-gordilsa/> 5 октября 2017 г.

15 Коробатов Я. Исследование: чем выше уровень образования, тем меньше зависишь от смартфона. Ученые выяснили, для чего москвичи используют мобильники [опрос "КП"] // <https://www.kp.ru/daily/26749/3778530/>

16. Нуртазина Р.Б., Сулейменова Э.Д., Уразаева К.Б. Литературное чтение. Учебник. 13-е издание. – Алматы: Білім, 2015. – 176 с.

17 Тмарченко Н.Д. Путешествие в «чужую» страну. Литература путешествий и приключений. Учебное пособие по литературе для 5 кл. шк. Гуманит. Типа / Н.Д. Тмарченко, Л.Е. Стрельцова. М.: Аспект-Пресс, 1995.– 239 с.

18 Сухих И.Н. Литература. 11 класс. Учебник в 2 частях (базовый уровень). 4-е изд. М.: Academia, 2011. Ч.1 – 352 с., Ч. 2 – 368 с.

19 Литература. 5 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений : в 2 ч. / Г. В. Москвин, Н. Н. Пуряева, Е. Л. Ерохина. - 2-е изд., испр. и доп. М.: Вентана-Граф, 2012. Ч. 2 – 256 с.

20 Тюпа В.И. Инновационный стандарт литературного образования. Электронный ресурс: [<http://metlit.nm.ru/materials/communic/innovst.html>]

21 Тюпа В.И., Троицкий Ю.Л. Основы коммуникативной дидактики // Коммуникативная педагогика: от «школы знания» к «школе понимания». Материалы научно-практической конференции. Новосибирск, 2004. – С. 43-51.

Кочерова Анастасия Викторовна,

магистрант направления «Практическая психология в образовательных организациях» кафедры социальной психологии института психолого-педагогического образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Горбачева Диана Витальевна,

направление «Педагогическое образование с двумя профилями: русский и иностранный (английский)» кафедры теории русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

«Квест как технология реализации коммуникативного метода обучения русскому языку как иностранному»

Русский язык входит в список официальных языков ООН и ЮНЕСКО, во многих странах бывшего СССР он все еще имеет статус второго государственного языка. Россия – один из центров, где приток иностранных граждан увеличивается с каждым годом. В миграции в Сибирский регион увеличивается доля выходцев из стран Центральной и Средней Азии. [1]

С января по август 2016 г. население Красноярского края увеличилось на 3 855 человек. Увеличение численности происходит за счет притока мигрантов из государств Средней Азии и Кавказа: «из Таджикистана 1061 человек, Казахстана – 424 человека, Узбекистана – 162 человека, Киргизии – 448 человек; Азербайджан – 418 человек, Армения – 345 человек», а также, идет приток мигрантов и Украины (1 050 человек). [2]

Интересно, что в другом наблюдаемом нами регионе, Ростовской области, присутствует приток мигрантов тех же национальностей. По данным официального портала городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону, «больше всего иностранцев прибывает из Украины (35,6%), Армении (18,7%), Узбекистана (9,6%) и Таджикистана (7%)». [3]

Поэтому соавторы данного исследования ставят перед собой цель разработать образовательный квест по РКИ, как технологию, применимую в каждом из регионов исследователей: в Красноярском крае и в Ростовской области. Объектом исследования являются образовательные технологии коммуникативного подхода в обучении РКИ. Предметом – образовательный квест для детей мигрантов, обучающихся в общеобразовательных школах.

Под квестом мы понимаем ограниченный территорией и временем формат игры, в котором основным игровым моментом является поиск предмета (локация, материальный объект, зашифрованный ответ), повторяемый участниками неоднократно по траектории, основанной на сменяющихся друг друга заданиях. Компоненты: тема, сюжет, правила, наличие локаций (территориальных или содержательных), задания, цель.

Д. В. Шлегель указывает, что школьники с РКИ, обучающиеся в красноярских школах, зачастую испытывают трудности в освоении образовательной программы не из-за низкого уровня способностей в целом, а из-за невысокого уровня владения русским языком [4]. Владение русским языком необходимо для формирования универсальных учебных действий и для следования заданному в школе темпу усвоения материала.

Для способствования формирования таковых существуют различные методы обучения РКИ: грамматико-переводной, сознательно-сопоставительный, аудиолингвальный, аудиовизуальный, сознательно-практический и коммуникативный. Современные методисты отдают предпочтение последнему подходу обучения РКИ, поскольку общепризнанной целью изучения иностранных языков признали обучение коммуникации и развитие коммуникативных компетенций [5].

М. Н. Вятютнев в своей работе «Теория учебника русского языка как иностранного» так определяет понятие коммуникативной компетенции: «сознательное или интуитивное знание системы языка для построения грамматически и семантически правильных предложений» [6]. Он также утверждает, что общение, равно, как и грамматический уровень языка, представляет собой систему, регулируемую социальными правилами. Это достаточно важное дополнение, поскольку позволяет рассматривать коммуникацию как структуру и разделить ее на такие элементы, как речевой акт и речевая ситуация.

У истоков коммуникативного метода стоит российский методист Е. И. Пассов. Он определяет сущность метода в создании и реализации модели естественного общения [5]. Одной из задач данного подхода является формирование вторичной языковой личности, способной не только грамотно формулировать высказывания на изучаемом языке, но и мыслить на нем.

Освоению образа мысли, образа действия во время той или иной речевой ситуации способствует игровой вариант образовательной ситуации. Игровые методы для реализации коммуникативного подхода часто разрабатываются современными авторами: это и ролевая (Бюрюкова) [7], и игровая (Гуляева) [8], и игра на основе литературного сюжета (Бакурова) [9].

Альтернативный игровой формат – это квест. Использование квестов в обучении языку пока описывается только иностранными авторами. Например, Фалтин Карлсен дает квесту характеристику структурной единицы игры, то есть подструктуры большого игрового пространства, а именно – конкретное действие, связанное с поиском чего-либо [10]. А также существует целый портал «Quest Teaching», но при исследовании материалов портала мы понимаем, что квестом здесь обозначается довольно широкая область обучающих игр [11].

Мы же будем основываться на определении квеста, как игры, имеющей тему, сюжет, правила, локации, задания, цель и в которой основным игровым моментом является поиск предмета. Опираясь на перечисленные компоненты квеста, разработаем теоретическую структурную схему квеста, на основе компонента «локации», а все остальные компоненты будут наполняться в различных вариациях.

В области РКИ квест способен создать условия для учащихся, в которых они смогли бы получить опыт решения базовых коммуникативных задач и погрузиться в культурную среду изучаемого языка. Лингво-культурологическая среда, погружение в которую и является задачей коммуникативного подхода, может быть воссоздана с помощью квеста. Актуальность такого квеста для детей мигрантов в подростковом возрасте основана на том, что образовательный продукт будет создаваться на базе красноярской молодежной лаборатории по созданию квестов «Quest School», участниками которой являются подростки, а значит ровесники целевой аудитории. Теоретические обоснования каждой составляющей квеста описываются до начала его предметной разработки подростками, и заключаются они в следующем:

А) под «условиями» создаваемой среды имеются в виду речевые ситуации, в которых собственно и реализуется речевой акт.

Б) Речевая (коммуникативная) ситуация – структурная организация ситуации общения. Помимо присутствия адресата и адресанта при коммуникативном акте, необходимо наличие у собеседников интенции.

В) Формат квеста подразумевает передвижение по локациям, что обеспечит «переключение» из контекста в контекст, акцентируя внимание участников на характере той или иной ситуации, тем самым сильнее закрепляясь в памяти, позволяя провести четкое сопоставление поведенческого и речевого стереотипа и предложенной ситуации. Так как локации будут разграничены и территориально (находятся в разных комнатах), и формально (подразумевают различающиеся формы заданий), и содержательно.

Г) Такая организация речевой деятельности позволит приносить удовлетворение от каждого этапа, что является необходимым условием коммуникативного подхода.

Д) Наличие разных людей на каждой из локаций позволит командам коммуницировать с разными русскоязычными носителями.

Е) Прохождение каждой из пяти локаций подразумевает освоение одного из пяти актуальных для подростков аспектов использования русского языка: 1) интуитивное владение языком; 2) культурологический аспект; 3) преодоление языкового барьера; 4) использование речевых стереотипов; 5) интернет-аспект. Шестая локация не отличается формально от предыдущих, тот же игровой формат заданий. Однако, она заключается в тренировке грамматических правил, а значит не первостепенным является коммуникативный акт, он становится средством достижения цели.

Первая локация связана с развитием так называемого языкового чутья студентов. Общеизвестно, что довольно сложно воспринимать юмор, загадки на основе игры слов, каламбуры на иностранном языке. Для их понимания нужен опыт и практика. Поэтому на данной локации студентам будет необходимо решить задания следующего типа: 1. Раскройте смысл предложения «Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается»; «Из окна дуло. Штирлиц выстрелил. Дуло исчезло.» 2. Отгадайте загадку: «Со стенки светит первый слог, наездник мчится на втором, а третий (кто б подумать мог?) в славянской азбуке найдём. А в целом неприятен он, его преследует закон». 3. Объясните, в чем юмор: «Змея из кожи вон лезла, чтобы линька прошла быстрее». Задания принимают различные формы и шифровки. В данном случае, преимущественной является вербально-визуальная форма: использование изображений в качестве средства выполнения задания, данного вербально.

На второй локации участники квеста будут преодолевать языковой барьер, а именно страх перед коммуникацией на неродном языке, который, несомненно, во многом препятствует свободному освоению второго языка. На основе педагогической языковой практики мы пришли к выводу, что человек перестает стесняться говорить на иностранном языке, когда осознает, что его понимают, несмотря на все допущенные ошибки. Для решения данной проблемы мы предлагаем задание по типу настольной игры «Alias», где первостепенной задачей участников становится за определенный период времени объяснить как можно больше слов. Никто не станет снижать баллы за грамотность игрока, а каждое угаданное слово делает его речь более уверенной.

Третья локация имеет культурологическую направленность. Здесь участникам предстоит познакомиться с наиболее распространенными русскими поговорками, пословицами, идиомами и фразеологизмами. Заданием может быть изобразить имеющимися средствами идиому/пословицу/поговорку/фразеологизм так, чтобы команда участника смогла отгадать ее. В данном случае считаем преимущественным формат с использованием тактильных ощущений (использование атрибутики – например, шест длиной с «аршин» для фразеологизма «аршин проглотить»).

Четвертая локация знакомит участников квеста с наиболее часто используемыми речевыми клише. Они могут относиться к таким темам, как приветствие, знакомство, выражение мнений, эмоций и так далее. Здесь преобладающим является ролевой формат, освоение ролей по А. Б. Бирюковой [7].

Поскольку целевая аудитория состоит из подростков, то квест должен включать особенности речи носителей соответствующей возрастной группы. Поэтому пятая локация связана с сетевой коммуникацией, а именно как визуальными, так и вербальными мемами. Участникам может быть предложено соотнести текст с картинкой, на которой он должен быть, а также самостоятельно создать новый нестандартный мем, актуальный для их команды.

Для прохождения шестой локации студентам необходимо иметь теоретическую базу, поскольку заданием будет решить ребус, а ответом – название конечной станции. Например:

Вам предстоит разгадать слово. Первая буква - 3 с конца буква алфавита; вторая - суффикс прошедшего времени глагола; третья - гласная в личных окончаниях глаголов 1 спряжения; четвертая и пятая - суффикс, под ударением при добавлении к основе глаголов совершенного вида образующий формы несовершенного вида глаголов первого спряжения; последние три буквы - корень слова "проторенная".

Обозначенный формат квеста представляет собой структурированную по пяти аспектам схему, которую можно наполнять различной тематикой: от общеобразовательной и теме о культуре страны, до узконаправленной и интересующей конкретный школьный класс.

Апробация разработанной схемы и ее тематическое наполнение подростками в 2017 году, позволит провести наблюдения за эффективностью подхода по нескольким критериям: а) осуществляется ли возможность погружения в актуальную культурную среду; б) успешно ли реализуется командный вид образовательной деятельности; в) насколько свободным является формат, а именно стимулирующим к свободному речевому действию; в) ведет ли к повышению уровня языка. Разработки могут быть использованы и в других регионах страны, в первую очередь, в Ростовской области.

Список литературы

Смирнова Т.Б. Этнические миграции в Сибири по данным статистики и неформальным наблюдениям // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Исторические науки». 2015. № 1 (5). С. 71–75.

Гуляева Н.П. Дифференциация условий жизни как фактор миграции // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы [Электронный ресурс]: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 28–30 ноября 2016 г. С. 322-325. с. 224-229.

Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону. Статья "Миграционная ситуация в Ростове-на-Дону остается стабильной" [Электронный ресурс]. – URL: <http://rostov-gorod.ru/index/news/32879/662580/> – (Дата обращения: 15.11.2017 20:36)

Шлегель Д.В. Особенности использования стратегий семантизации школьников-инофонов и русскоговорящих детей, обучающихся в одном образовательном пространстве // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы [Электронный ресурс] : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 28–30 ноября 2016 г. С. 322-325.

Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие / Монография, 2011 год - 309 с. (электронная версия).

Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. Методические основы/ "Русский язык": М., 1984 год - 144 с.

Бирюкова А.Б. Моделирование коммуникативно-речевых ситуаций при обучении русскому языку как иностранному в условиях неродной языковой среды // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 34-37.

Бакурова О.К. Обучение русскому языку как иностранному на основе художественной литературы // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы [Электронный ресурс]: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 28–30 ноября 2016 г. С. 326-328.

Faltin Karlsen. Quests in Context: A Comparative Analysis of Discworld and World of Warcraft [Электронный ресурс] // Game Studies. – URL: https://vk.com/im?peers=c11_67562641_88203740_c24 (Дата обращения: 16.11.2017 12:45).

Quest teaching (interactive learning quests, book reviews, lesson plans, teacher tools and technology tips for teachers) [Электронный ресурс]. – URL: <http://questteaching.com/wordpress/about-quest-teaching/> (Дата обращения: 16.11.2017 10:45).

Былкива Екатерина Сергеевна,

направление «Международные отношения» Исторического факультета Томского государственного университета» (г.Томск)

«Вопросы и проблемы языковой политики Красноярского края в отношении коренных малочисленных народов»

На территории Красноярского края проживает 8 коренных малочисленных народов севера (КМНС) [1]. К ним относятся долганы, нганасаны, ненцы, кеты, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы. Важно отметить, что на сегодняшний день представителей данных народов, соответственно, носителей данных языков становится меньше. Эта тенденция наблюдается по причине того, что традиционный образ жизни и уклад активно вытесняются, а в общеобразовательных школах национальные языки находятся в ущемлённом положении по отношению к русскому. Какие факторы способствуют их вытеснению?

Во-первых, недостаточное количество педагогов, имеющих специальное лингвистическое образование; во-вторых, методики преподавания и материально-техническая база многих школ являются устаревшими; в-третьих, нельзя не сказать о негативном влиянии глобализационных процессов, из-за которых происходит постепенное вымирание целых языков. Помимо этого официальное делопроизводство обычно ведётся на русском языке.

Однако наиболее значимый фактор, под воздействием которого происходит снижение использования национальных языков – социально-экономическое положение и катастрофическая демографическая ситуация для коренных народов. По данным Доклада «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2012г.» [2] можно сделать вывод о том, что представители КМНС действительно нуждаются в комплексной помощи и поддержке. Отсутствие работы, высокие цены на продуктовые товары, отчужденность населения от результатов деятельности осваивающих промышленных компаний на территории Севера, общая социальная неустроенность большинства граждан побуждает их переезжать в города. Но это не решает проблему, ведь многие зачастую не имеют образования, не могут приспособиться к городской жизни, следовательно, возвращаются обратно.

Конечно, на региональном уровне существует специальная Ассоциация коренных малочисленных народов севера Красноярского края, которая занимается разработкой специальных документов, программ развития КМНС. На федеральном уровне подобную деятельность реализует Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНС и ДВ РФ); также время от времени обсуждается важность поддержки КМНС, поскольку в данном случае идёт речь об исчезновении огромного культурного пласта, уникального уклада и традиций.

Но важно сказать, что многие решения, стратегии и программы часто оторваны от реальности и носят декларативный характер, тем самым выявляя несовершенства федерального и регионального законодательства. Переходя к конкретным проблемам, стоит отметить, что процесс языковой ассимиляции происходит из-за отхода коренного населения от традиционного образа жизни, являющегося основой и культуры, и языка. Таким образом, складывается ситуация, при которой оставшимися носителями того или иного языка остаются лишь пенсионеры и старожилы небольших сёл и деревень.

Зачастую чиновники при разработке федерального законодательства в отношении КМНС не глубоко разбираются в проблемах граждан Севера, не обладают достаточными представлениями об их укладе и традициях, тем самым именно стереотипы и предрассудки приводят к принятию казусных и абсурдных решений.

Что касается регионального уровня, то в Красноярском крае проблемы языковой политики заключаются в следующих аспектах. Во-первых, фактически на языках КМНС

обучение в настоящее время не осуществляется [3], хотя в 2010-11 учебном году в системе школьного образования обучение велось на эвенкийском, энецком языках. Вместе с тем, исходя из данных этого источника [3], то в 2010-11 учебных годах из всех языков КМНС обучение велось лишь на долганском в г. Дудинка, но и оно в 2011-12 гг. прекратилось. Обучения на нанайском и эвенском языках не ведется в школах уже несколько лет.

Во-вторых, новой инициативой Правительства Красноярского края стало решение о создании лингвистических лагерей для школьников. Продолжительность пребывания в них, как правило, 3–4 недели, во время которых дети «погружаются» в языковую среду, а также занимаются изучением национальной культуры, народных промыслов. Но проблема здесь заключается в том, что в школах нет квалифицированных специалистов, методических материалов по интенсивному языковому обучению в «полевых» условиях. Определённые трудности заключаются в том, что большинство учебников имеют малый тираж и издавались еще в 1930е гг. в СССР, когда ориентир был на учащихся, которые уже знают и активно используют свои родные языки. Помимо этих факторов, молодые специалисты из крупных городов не сильно горят желанием ехать на Север из-за отсутствия инфраструктуры в этом районе, маленьких заработных плат за столь тяжелый труд в суровых климатических условиях.

В-третьих, подобная языковая ситуация в районах Крайнего Севера является следствием отсутствия постоянного финансирования, а также активного воздействия русского языка на всех уровнях, распространением средств массовой информации. Конечно же, самая главная причина постепенного вымирания языков КМНС имеет взаимосвязь с социально-экономическими факторами.

Из-за вышеперечисленных причин снижается уровень образования учащихся, которым трудно впоследствии поступить в средние и высшие учебные заведения. Основная масса в дальнейшем становится безработной, криминализируется, социально деградирует. Таким образом, выстраивая ту или иную стратегию развития КМНС, следует понимать, что действительное сохранение и поддержание языкового и культурного разнообразия КМНС зависит от развития экономической инфраструктуры региона, с одной стороны, поскольку именно это оказывает влияние на благополучие как отдельных граждан, так и целых этносов. А с другой, только совместные усилия как носителей языков, так и представителей власти с федерального и регионального уровней дадут положительный эффект.

Список литературы

Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – URL http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 10/10/2017)

Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2012 году». – Красноярск, 2012. – 59с.

Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность / А.Л. Арефьев — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. — 488 с.

Сатиwa Гамбоа Хуан Себастьян,

направление «Искусства и гуманитарные науки» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета,

«Понимание русской культуры через стихотворение Б. Пастернака "Никого не будет в доме"»

Введение

Мне всегда нравилась русская культура, и чтобы понимать лучше эту культуру я начал учить язык, потому что самый яркий носитель культуры это язык, но потом я не только захотел понимать эту культуру, но и чувствовать ее. И вот я начал смотреть фильмы и читать стихотворение, это всё было уже год назад. Однажды я смотрел фильм Ирония судьбы и услышал эту песню Никого не будет в доме. И оказалось, что эту песню все знали, и я искал и нашел что это не только песня, но и стихотворение Б. Пастернака. И я начал учить это стихотворение надеясь найти некое русское чувство, которое могло бы помочь мне чувствовать себя как русский и таким образом говорить лучше.

Основная часть

Для анализа этого стихотворения я проанализирую каждый параграф, освещающий идею или основные идеи, которые меня вдохновляют. В общем, стихотворение подчеркивает неизбежность и готовность принять неизбежное.

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Не задернутых гардин.

Эта часть стихотворения относится к уверенности, не означает что-то хорошее или плохое, это просто описание сценария, который известен и подтвержден на основе опыта, поскольку у всех людей есть сомнения, надежды и уверенность. Сомнения дают нам возможность, надежды дает нам мотивацию, но единственное, за что мы можем уцепиться, - это то, в чем мы уверены, и на этом мы строим нашу идею о мире.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.

Отсутствие материализуется наличием снега. Компания, которую составляют крыши и снег, служит только для того, чтобы он знал об уединении, вот как уверенность питается окружающей средой, а белое место приравнивается к белому холсту, на котором никто не собирается рисовать.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

Когда элемент, внешний по отношению к нам, захватывает нашу основную человечность, мы идентифицируем ее как свою собственную. Повторение, привычки, кожа, которые решают быть одинаковыми каждой зимой, но меняется каждое лето. Концепция того, что когда-то было ожиданием, теперь являются отказом принять неизбежное и положить чистый ковер на вход для приветствия.

И опять кольнут доньне
Не отпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавливает голод дровяной.

Толерантность, принятие и сила - это то, что определяет характер человека, как мы справляемся с ситуацией, как мы ее ассимилируем и как мы сталкиваемся с этими фактами. В этой части мы говорим о трудностях, с которыми сталкивается человек и описывает их как нечто сверхчеловеческое, чтобы их преодолеть.

Но нежданно по портъере
Пробежит сомненья дрожь,-
Тишину шагами меря.
Ты, как будущность, войдешь.

Способность быть пораженным - это то, что теряется, когда мы вырастаем, и все становится привычным. В этой части мы говорим о способности к изумлению, хотя ранее ситуация описывалась так, как будто мы полностью знали обо всем, как будто мы знаем, как все будет, мы можем продолжать удивляться всему, что будет происходить.

Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

В этой части упоминается восхищение, ранее были упомянуты трудности времени и его повторяемости, однако в этой части нет обиды на эти трудности, и, наоборот, запись этого момента очень красивый способ, относящийся к белому цвету и деликатности хлопка

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Не задернутых гардин.

В конце стихотворения возникает ощущение, что все должно повториться снова, что эта ситуация бесконечна. Важным условием продолжения данной ситуации является готовность ее продолжать в модальности принятия неизбежного, готовность бороться, твердость воли, стойкость, упорство, цепкость

Конкретные концепции

Неизбежность выражена грамматически использованием форм будущего времени (никого не будет в доме, и опять зачертит иней, и опять завертит мной, и опять кольнут, сдавит голод дровяной, пробежит сомненья дрожь, ты войдешь). Лексически неизбежность будущего выражена словами опять и будущность. Причем слово опять имеет негативную коннотацию.

Принятие неизбежного основано на знании данной ситуации из прошлого опыта (дела зимы иной, зима - как образ повторения) Зима представлена как единственный спутник (никого кроме зимы), ее характеризует сырость (мокрые хлопья), что влечет за собой невозможность развести огонь (голод дровяной), основной цвет - белый, он ассоциируется с прекрасном, чистотой, холодом

Заключение

Человеческий характер включает в себя факт установления себя на месте, у русского характера есть борьба и сила, поэтому против любой трудности и с необходимым упорством, русский характер не только приспосабливается к холоду, потому что он уже принадлежит ему, но и имеет одинаковую силу. Русская душа - это то, что возникает из смеси характера и идеи мира, которые его порождает.

Ермилова Елизавета Сергеевна,

*магистр по направлению «История стран Азии и Африки» кафедры Всеобщей истории
Гуманитарного института Сибирского федерального университета»*

«Изменения миграционных процессов среди западных эвенков в XXI веке»

Историю накопления и изучения сведений, касающихся современных эвенков и связанных с ними этнических процессов рассматривали еще в конце XX века. В Сибири, благодаря старанию ученого В.П. Кривоногова был разработан метод анкетирования населения по специальной этнографической анкете. Был сделан огромный вклад в изучение эвенков Эвенкийского автономного округа, и в результате экспедиции, в 1997 году наработан обширный материал, который дал нам представление о современных этнических и миграционных процессах.

В 2017 году было проведено повторное комплексное этнографическое исследование современных этнических процессов у западных эвенков, проживающих на территории Эвенкии. Мы так же использовали метод массового опроса населения при 25%-ной выборке. В перечень изучаемых проблем был включен вопрос о переселении этноса в другие регионы.

Изучая миграции относительно этнических процессов, важно понимать – как именно эти процессы влияют на размещение эвенков среди других национальных культур. С какой вероятностью эвенки могут покинуть родную территорию и какие процессы могут еще более способствовать этому? Так же важно выделить одну из наиболее актуальных проблем на сегодня – какие факторы влияют на то, что в последние десятилетия происходит довольно активная миграция из сельской местности в более крупные города и села?

Для представителей малочисленных этнических общностей, безусловно, будет более благоприятной та обстановка, которая способствует сохранению традиционной культуры и языка. На сегодняшний день такая обстановка может быть частично отражена в однонациональных поселках (Эконда, Суринда), либо в поселках с низкой долей смешения национальностей. Несомненно, что народы с различной национальной психологией и культурой мирно уживаются друг с другом и в смешанных поселках, но все же сближение национальных культур происходит на фоне роста этнического самосознания и целостности.

В ходе этнографической экспедиции удалось выяснить, что в большинстве своем миграции идут из однонациональных поселков в окружные и районные центры, которые на сегодняшний день являются преимущественно русскими. Но необходимо понимать, что в прошлые десятилетия подобные миграции шли менее интенсивно, национальный состав менялся вследствие притока русских в Эвенкию, а не из-за того, что эвенки сами активно переселялись. Но если говорить о переселении самих эвенков, то большая часть из них прибыла в Эвенкию из Иркутской области и Забайкальского края. Подобные миграции обусловлены большим количеством факторов, во главе которых будет государственное распределение. Выпускников ВУЗов отправляли работать в Эвенкийский округ.

В связи с такими процессами можно сказать о том, что половина старшего и среднего поколения на данный момент проживает не в месте своего рождения.

Говоря о потенциальных мигрантах в настоящее время, то их число среди мужчин составляет 20,4 %, а среди женщин 28,5%. Для народности Севера такой процент остается высоким. Так же высока доля тех, чья миграция будет означать полную смену этнической среды. Так, в районные центры планируют переехать 2,8% мужчин и 9,5% женского населения.

Кроме того, большой процент и тех, кто имеет миграционный опыт. На высокий уровень миграционных процессов указывает еще и процент стабильно живущих на своей земле эвенков. Совсем низкое количество тех, кто ни разу не сменил геолокацию и остался там, где жили родители.

Отдельного внимания заслуживают миграции, связанные с учебной и профессиональной деятельностью. Чем выше уровень образования, тем больше возникает желание у людей покинуть родные края и переехать в более крупные районные центры и города. При длительном интервьюировании молодых людей, имеющих высшее образование, многие из них признались, что хотели бы переехать в крупный город и заняться дальнейшим образованием в профессиональной области, процент таких граждан составляет 22,2 %. Как и в других округах, местное районное образование направленно на медицину, социальную работу и пищевую промышленность. Чаще всего, опрашиваемые до 25-ти лет молодые люди хотят в дальнейшем развиваться в сфере педагогики и медицины. В связи с этим, многие из них, кто имеет средне-специальное образование, настроены покинуть свою этническую территорию. Примечательно и то, что внутри малочисленных групп оленеводов, которые ведут кочевой образ жизни в тайге, и не имеют возможности часто посещать дом, молодое поколение эвенков становится заинтересованным в образовании в более крупных районных центрах и городе, что дает нам право говорить о них, как о потенциальных мигрантах.

Среди более младшего поколения, которое только заканчивает школу (16-19 лет), процент потенциальных мигрантов составляет 42,9%. Уже более уверенно опрашиваемые говорят о том, что хотят оставить Север и перебраться в город на постоянное место жительства – юноши 40%, девушки 85,7%. Альтернатива переезда в город в данном случае – переезд в более крупный окружной и районный центр, и с каждым годом намерения подростков становятся более четким.

Все вышеизложенные данные свидетельствуют о том, что не произошло полного размежевания и смешения народа и соответствующей ей трансформации этнического самосознания, но такая вероятность возрастает с каждым годом, что и показывает нам в данном случае этническая миграция. Это указывает на высокую тенденцию изменения в расселении этноса в дальнейшем.

Список литературы:

- 1.Аблажей А.М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1997, С. 125
- 2.Кривоногов В.П. Эвенки бассейна Енисея (в соавт.) Новосибирск, 1992
- 3.Кривоногов В.П. Трансформация культуры эвенков // География на службе науки, практики и образования. Красноярск, 2001
4. Кривоногов В.П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. Красноярск, 2001.
5. Кривоногов В.П. Изменения в этнических процессах у западных эвенков в конце XX века // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2001.
6. Савоскул С.С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – М., 1970. С. 183-185

Зотова Алина Александровна,

направление иностранных языков Томского государственного университета

«Процесс адаптации студентов-мигрантов, прибывших на обучение на факультет иностранных языков в Томский Государственный университет»

Успешность обучения любого иностранного студента и уровень профессиональной подготовки в значительной степени зависит от системного вхождения иностранца в образовательное, научно-исследовательское и социокультурное пространство в вузе. Проблема адаптации и компетентного подхода актуальна каждый учебный период в Российских вузах, что доказывается высокой академической мобильностью и увеличением количества иностранных студентов в стенах университета.

В ТГУ существует такое подразделение, как Отдел социальной адаптации и сопровождения иностранных студентов, которое направлено на создание наиболее комфортных социальных и культурных условий для обучения студентов, прибывших из других стран, например, мероприятие Международный день студента, устраиваемый для дальнейшего сближения иностранцев с культурой, преподавателями и самими студентами [1,2]. Специалисты начинают работать с иностранцами, помогая им освоиться в городе, изучить русский язык, оформить документы и так далее. Также совсем недавно появилась волонтерская организация студентов «TSU-online», работающая с приезжающими гостями, и «Русский разговорный клуб», предлагающий курсы усовершенствования русского языка в рамках еженедельных встреч. Профсоюзная организация студентов в лице комиссии «ИнтерYES» также вносит свой вклад в реализацию и развитие творческого и личностного потенциала. Команда комиссии способствует интеграции зарубежных студентов, проводит культурно-массовые мероприятия, такие как Фестиваль национальной кухни и «Этногород». В ТГУ существует множество организаций, которые занимаются взаимодействием с зарубежными студентами. Например, 6 декабря 2017 состоится мероприятие «ЭТНО-университет», которое устраивают студенты в ТГУ. Этот фестиваль объединит в себе предоставление иностранными студентами блюд их национальной кухни, творческие номера, песни и танцы.

Цель данных мероприятий: создание условий для межкультурного диалога и межнационального сотрудничества, а также обеспечение иностранцев дополнительной возможностью духовного и интеллектуального развития путем приобщения к искусству. Студенты ТГУ активно содействуют процветанию духовных ценностей и традиций национальных культур. По мнению самих иностранцев [3], в Томске есть все возможности не только престижного высшего образования, обретения полезных знакомств, но также изучения русского языка и приобщения к культуре.

Модель формирования профессиональных, коммуникативных и командно-ролевых компетенций студентов была рассмотрена не только на базе университета, но и на базе факультета иностранных языков. Одной из основных задач факультета является подготовка высококвалифицированных выпускников в области педагогического образования, лингвистики, перевода. Также важную роль играет межкультурная адаптация, освоение студентами надпрофессиональных и социально-психологических навыков. В приведенной ниже таблице (Рис. №1) приведены данные обучения иностранных студентов за период с 2012 г. по 2017 г.

Страны, откуда прибыли студенты	Количество студентов и их успеваемость	Здоровье	Пути преодоления социокультурных барьеров
Великобритания,	1.Успеваемость	1. Участие в спортивной	1.Студенческие

Венгрия, Вьетнам, Германия, Греция, Ирак, Ирландия, Италия, Китай, Молдова, Польша, США, Турция, Франция, Чехия;	84 студентов на факультете иностранных языков в среднем составляет 4,2 из 5;	жизни факультета: посещение занятий физкультуры, «Спортивная весна», «День здоровья»; 2. Медицинская помощь: за все время обучения только 5 человек обращались к врачу;	клубы: TSU-online, «ИнтерYES»; 2. Участие в культурно-массовых мероприятиях; 3. Экскурсионная программа; 4. Курсы русского языка как иностранного
---	--	--	--

Рис. №1

Таким образом, адаптация иностранных студентов в стенах Томского Государственного университета требует применения системного и компетентного подходов, а также активного участия студентов и преподавателей для повышения качества подготовки иностранных студентов в высшем учебном заведении.

Список литературы

НИ ТГУ: Как ТГУ помогает иностранным студентам освоиться в России [Электронный ресурс] : Новостной форум - URL: <http://www.tsu.ru/podrobnosti/kak-tgu-pomogaet-inostrannym-studentam-osvoitsya-v-rossii> (дата обращения: 13.11.2017)

НИ ТГУ: Иностранные студенты показали на фотовыставке, какой они видят Сибирь [Электронный ресурс] : Новостной форум - URL: <http://www.tsu.ru/news/inostrannye-studenty-rokazali-na-fotovystavke-kako> (дата обращения: 16.11.2017)

РИА Новости: В Сибирь по собственной воле: студенты-иностранцы о жизни в Томске [Электронный ресурс]: российск. агенство межд. информ-ции/ Россия сегодня; 2014. - URL: <https://ria.ru/society/20140602/1010329919.html> (дата обращения: 15.11.2017)

Задорин Артём Викторович,

ассистент кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Внешняя миграция в Красноярском крае в 1922-2015 гг.: ее влияние на поселенческую структуру региона»

Рассматриваются основные тенденции внешней миграции в Красноярском крае в 1992–2015 гг. и ее влияние на поселенческую структуру региона. Затрагиваются проблемы современной миграционной политики.

В современном мире миграции оказывают заметное влияние на расселение во многих регионах. Не исключение и Красноярский край, второй по площади субъект Российской Федерации. Издавна край привлекал население из близлежащих и отдаленных территорий. Но в последнее время ситуация сложилась напряженная.

Вопросы внешней миграции в крае рассматривались автором в ряде публикаций [1; 2]. Здесь мы обозначим лишь некоторые тенденции.

В 1990-е гг. роль, значение и виды миграционных потоков существенно изменились. Снизился объем внутренней (социально-экономической) миграции. Одновременно возникли неизвестные ранее на территории России и в крае миграционные потоки, представленные такой категорией мигрантов, как вынужденные переселенцы, беженцы. Их появление было вызвано новой геополитической ситуацией, в которой оказалась Российская Федерация: от исторически сложившегося территориального пространства произошел одновременный переход к границам, которые рассматривались ранее в СССР, как внутренние.

За 1993–2000 гг. из государств СНГ и Балтии в Красноярский край прибыло 100 172 человек, что составило 99,3% от числа всех прибывших из-за границы. В том числе за период с июля 1992 г. по 2000 г. включительно прибыло 20 115 беженцев и вынужденных переселенцев [2, 13]. В силу удаленности края от Европы основная масса мигрантов прибывала из Казахстана (50%), Киргизии, Узбекистана и Таджикистана (всего 35%) [3]. Переселенцам из Закавказья и Чечни проще было обустроиться в Центральной России.

Если рассматривать мигрантов по национальному признаку, то 85% составляли русские, 4,5% украинцы, по 2,5% белорусы и молдаване, остальные 5% – азербайджанцы и жители Среднеазиатского региона. Если же классифицировать мигрантов по уровню трудоспособности, то в пределах 50% это были полностью трудоспособные люди, из них всего 12% имели высшее образование [3]. Почти все они нуждались в переквалификации для трудоустройства на новом месте.

Мигранты расселились практически по всей территории Красноярского края, но все-таки отдавали предпочтение городам: там их закрепилось почти в 2,7 раза больше, чем в сельской местности [4, 137]. В городах легче найти работу и трудоустроиться, не имея высшего и профессионального специального образования; в них также лучше развита социальная инфраструктура.

В сельской местности лидирующими районами являлись пригороды Красноярска либо территории с развитым промышленным производством.

В начале XXI в. ситуация изменилась. Оживление экономики активизировало процесс урбанизации, который приобрел характер гиперурбанизации. В результате в 2012 г. численность населения Красноярска перевалила за миллион. Факт, на первый взгляд, позитивный. В современной России статус города-миллионника дает возможность участия в большем числе федеральных программ и проектов, в том числе и общенациональных. Но, с другой стороны, новый статус городу обеспечил приток мигрантов.

Рассмотрим структуру внешней миграции в Красноярском крае в 2003–2015 гг. [5–10]. Всего за данный период официально прибыло в край 395 475 человек, в том числе из других регионов – 318 451 человек, из Стран СНГ и Балтии – 71 259 человек, из других стран – 5 765 человек. Выбыло 391 479 человек, в том числе в другие регионы – 367 057 человек, в страны СНГ и Балтии – 16 387 человек, в другие страны – 8 035 человек. Итого за 13 лет миграционный прирост составил 3 996 человек. В принципе, сколько приехало, столько и уехало. Вопрос в том, кто приезжал и кто уезжал. Миграцию со странами дальнего зарубежья можно не принимать во внимание: минус 2 270 человек за 13 лет. Интерес представляет миграционный обмен с другими регионами и странами ближнего зарубежья (СНГ и Балтия).

Анализ статистических данных позволяет говорить об идущем замещении местных жителей выходцами из ближнего зарубежья. За период 2003–2015 г. в результате миграционного обмена с другими регионами РФ Красноярский край потерял 48 606 человек. Уезжали в основном русские в Европейскую часть страны. Прибывали же таджики, киргизы, узбеки, азербайджанцы, армяне и др. Сальдо миграции со странами СНГ и Балтии составило 54 872 человека. И это только легально въехавшие люди.

Мигранты предпочитают селиться, конечно, не в селах и малых городах, а в Красноярске и его окрестностях. Например, в 2012 г. они обеспечили 88% роста численности краевого центра, и лишь 12% приходилось на прирост рождаемости [11]. В городе образовались районы компактного проживания нерусского населения.

Концентрация финансовых ресурсов в Красноярске только усугубляет проблемы города и края. Несмотря на это, с 2007 г. в краевой и городской администрации началось рассмотрение вопроса по объединению в муниципальное образование «Большой Красноярск» значительной части его агломерации – Красноярска, его городов-спутников (Дивногорска и Сосновоборска), Березовки и других близлежащих поселков. Предполагается, что благодаря объединению и ускоренному развитию численность населения «Большого Красноярска» составит в 2020 г. около 1,5 млн. человек. Федеральный центр поддерживает эту инициативу и включил «Большой Красноярск» в разрабатываемую Минрегионразвития и Минэкономразвития программу создания в России четырнадцати так называемых опорных российских городов-миллионеров. А тем временем в научных кругах обсуждается «крамольная» для нынешних чиновников и застройщиков мысль: Красноярск далее не развивать [12].

Таким образом, изученные материалы статистических сборников, научные публикации и статьи в периодической печати позволяют сделать следующие выводы.

Тенденции внешней миграции в Красноярском крае в указанный период определялись по большей части ситуацией в стране. Распад СССР в 1991 г. заставил многих людей выехать (часто – бежать) из бывших союзных республик, которые стали суверенными государствами. Основная причина – дискриминация по национальному признаку. 85% иммигрантов составляли русские. В конце 1990-х гг. этот поток практически иссяк. Приезжие частично компенсировали убыль населения от депопуляции (превышения смертности над рождаемостью).

В начале XXI в. после относительной стабилизации экономики в край стало пребывать много нерусских мигрантов, особенно из Средней Азии. В настоящее время идет процесс замещения местных жителей мигрантами.

Экономическая привлекательность Красноярска только усугубляет проблему неравномерного размещения населения в регионе. Однако экономический курс краевой администрации направлен на дальнейший рост краевого центра и, следовательно, приток мигрантов.

Список литературы

1. Задорин А. В. Миграционная политика в Красноярском крае в 90-е гг. XX в.: проблемы и особенности // Сибирский исторический альманах. В 2 т. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. – Красноярск, 2011. – С. 32–41.
2. Задорин А. В. Внешняя миграция в Красноярском крае в 90-е гг. XX в.: особенности и основные тенденции // Вопросы теории и практики гуманитарных исследований: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. 14 февраля 2013 г. – Чебоксары, 2013. – С. 10–13.
3. Истомина Н., Крюков В. Рыба ищет, где глубже... // Красноярский рабочий. – 2002. – 9 апр. – С. 2.
4. Полиновский В. И. Проблемы миграций населения в Красноярском крае в 1992–2000 гг. // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: материалы научно-практической конференции. Красноярск, 1–2 декабря 2000 г. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 135–138.
5. Демографический ежегодник Красноярского края. 2005 год: стат. сб. № 8-1. – Красноярск, 2006. – С. 136.
6. Демографический ежегодник Красноярского края. 2008 год: стат. сб., № 1-38. – Красноярск, 2009. – С. 129.
7. Демографический ежегодник Красноярского края: стат. сб., № 1-38. – Красноярск, 2013. – С. 164.
8. Общие итоги миграции населения по Красноярскому краю в 2013 году: экон. табл., № 1.8.10.1. – Красноярск, 2014.
9. Распределение мигрантов по видам миграции и длительности проживания в предыдущем месте жительства по Красноярскому краю в 2014 году: экон. табл., № 1.8.10.3. – Красноярск, 2015.
10. Распределение мигрантов по видам миграции и длительности проживания в предыдущем месте жительства по Красноярскому краю в 2015 году: экон. табл., № 1.8.10.3. – Красноярск, 2016.
11. Информационное агентство «Росбалт» [Электронный ресурс]: Гастарбайтеры сделали из Красноярска миллионник. – URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/04/10/968018.html> (дата обращения: 07.11.2017).
12. Лесников Н. Экология кварталов // Экология Красноярска. – 2017. – 26 окт. – С. 3.

**Внешняя миграция населения Красноярского края
в 2003–2015 гг., человек***

Год	Прибывшие				Выбывшие				Миграционный прирост			
	Всего	в том числе			Всего	в том числе			Всего	в том числе		
		из других регионов	из стран СНГ и Балтии	из других стран		в другие регионы	в страны СНГ и Балтии	в другие страны		между регионами	со странами СНГ и Балтии	с другими странами
2003	19 739	18 420	1 210	109	26 306	23 457	1 198	1 651	-6 567	-5 037	12	-1 542
2004	19 066	18 176	760	130	24 604	22 458	899	1 247	-5 538	-4 282	-139	-1 117
2005	20 090	17 735	2 211	144	25 050	23 269	846	935	-4 960	-5 534	1 365	-791
2006	21 331	18 586	2 573	172	25 369	23 994	1 010	365	-4 038	-5 408	1 563	-193
2007	26 034	19 407	6 286	341	25 168	24 050	818	300	866	-4 643	5 468	41
2008	25 294	18 429	6 545	320	23 752	22 923	654	175	1 542	-4 494	5 891	145
2009	24 280	16 890	6 971	419	20 654	19 981	432	241	3 626	-3 091	6 539	178
2010	23 894	17 910	5 550	434	21 668	21 111	385	172	2 226	-3 201	5 165	262

2011	36 868	29 530	6 711	627	28 901	28 126	441	334	7 967	1 404	6 270	293
2012	40 835	34 208	5 764	863	37 042	35 668	958	416	3 793	-1 460	4 806	447
2013	44 063	35 539	7 672**	852	42 672	40 265	1 604**	803	1 391	-4 726	6 068**	49
2014	45 511	36 425	8 365**	721	44 576	40 693	3 092**	791	935	-4 268	5 273**	-70
2015	48 470	37 196	10 641**	633	45 717	41 062	4 050**	605	2 753	-3 866	6 591**	28
Итого	395 475	318 451	71 259	5765	391 479	367 057	16 387	8 035	3 996	-48606	54 872	-2 270

* Составлено по: [5–10].

** Без стран Балтии.

Шмальц Марк Евгеньевич,

*PhD, научный сотрудник Института общего языкознания и языковой типологии
Университета им. Иоганна Гутенберга*

г. Майнц (ФРГ)

*«Миграция как основание для датировки фольклорных текстов коренных малочисленных
народов Сибири на примере нижнеколымских юкагиров»*

Наиболее полным собранием образцов устного творчества нижнеколымских юкагиров является «Фольклор юкагиров» [1], вышедший в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Курилов [1, с. 28] подразделяет его на пять основных содержательно-стилистических групп:

- 1) сказки (караваалпэ)
- 2) сказки о железных чудовищах (чуонгөрэл караваалпэ)
- 3) рассказы (ньиэдьилпэ)
- 4) рассказы о древних людях (чуольэдьии ньиэдьилпэ)
- 5) сказания о древних людях (чуольэдьии пундулпэ)

Сказкам, в которых значительное место отводится животным, присуща простота изложения. В отличие от сказок, большей частью являющихся плодом воображения, в рассказах повествуется о событиях, действительно имевших место в прошлом. Рассказы же о древних людях, в которых вымысел тесно переплелся с правдой, занимают промежуточное положение. Наконец, сказания о древних людях, представляющие собой либо героические предания, об одном из которых здесь пойдёт речь, либо повествования социально-бытового характера, отличаются многоплановостью сюжета.

До сих пор не предпринималось попыток датировки устного творчества юкагиров. Курилов [1, с. 35] лишь отмечает, что сказания о древних людях «несомненно более поздние» чем сказки, и даёт краткое тому обоснование. В частности он обращает внимание на незамысловатость содержания последних, зачительно более простое, нежели в сказаниях о древних людях, построение, а также меньшее богатство изобразительных средств. Помимо того, о древности сказок по его мнению свидетельствует «наличие этиологических сюжетов, т. е. таких, где прослеживается стремление объяснить особенности внешнего облика и строения животных».

То, что датировка устного творчества особенно затруднительна, — очевидно. Однако, пусть не абсолютная, но во всяком случае относительная датировка должна быть возможна с одновременным привлечением исторических и географических данных, а также на основе психологических соображений [2, с. 524-532]. Так упоминание предметов материальной культуры в фольклорных материалах может способствовать установлению нижней временной границы последних, т. е. «не раньше времени икс», если археологические исследования однозначно установили время возникновения данных предметов. Наличие множества противоречивых объяснений какого-либо обычая свидетельствует о его древности. Наличие же в разных культурах сходства в деталях повествования, не имеющих прямого отношения к сюжетной линии, говорит о вероятном заимствовании повествования у той из рассматриваемых культур, которая является более древней. Пользу географических данных можно показать на примере обычая охоты на крапивника, распространённого по всей Ирландии, кроме Ольстера. Из неполного охвата Ирландии этим обычаем Армстронг [2, с. 532] делает вывод, что он проник на территорию острова уже после того, как представители клайд-карлингфордской мегалитической культуры, свойственной для всей Ирландии, поселились в Ольстере. Явное выражение подсознательного в фольклорных образах, в частности отождествление образа ворона с отлетевшей душой, предположительно отражает

психологию первобытного человека и свидетельствует о глубокой древности фольклорного повествования, обращаясь к подобному образу.

Языковедческий анализ вкуче с учётом сведений о расселении того или иного народа также может способствовать оценке глубины нижней границы данного образца фольклора. Сравнение двухсот наиболее употребительных слов в центральном и восточном диалектах западноафриканского языка Иджо, на котором говорят в дельте Нигера, дало основание утверждать, что исследуемые диалекты должны были обособиться около тысячи лет назад. Поскольку имеются указания на то, что исходной областью расселения носителей Иджо была средняя часть дельты, стало возможным утверждать, что предания на восточном диалекте не старше тысячи лет. Уточнение этой грубой оценки нижней границы осуществилось в результате проведения радиоуглеродного анализа остатков древесного угля в местах проживания представителей племени Онъёма, переселение которого в область проживания племени Нембе, говорящем на восточном диалекте, стало основным мотивом устного творчества Нембе. При этом была выявлена нижняя граница, соответствующая примерно 1330-м году [3, с. 20].

По моему мнению, в первом из сказаний, посвящённых народному юкагирскому герою Эдилвею, содержится эпизод который позволяет более или менее точно определить нижнюю границу его создания. Текст, приводимый в цитируемом издании содержит следующие мотивы (по Курилову [1, с. 30]): «а) сиротство мальчика (Эдилвея, прим. М. Е. Шмальца) после убийства его родителей чукчами-чачинцами; б) воспитание у деда; в) возмужание, превращение в искусного охотника и богатыря, обзаведение семьёй и детьми; г) выслеживание чукчей, убивших родителей героя, и их истребление; д) похищение жены героя чукчами и её страдания в плену; е) побег жены из плена с помощью старухи-юкагирки; ж) помощь, оказанная обессиленной женщине медведем». Интересующий нас и приводимый ниже отрывок относится к последнему мотиву, точнее к той его части, в которой медведь приводит девушку к берегу реки, где она встречает людей, впоследствии оказавших ей помощь [1, с. 143]:

«Тогда она отправилась к людям. Их деревянные дома стояли на берегу большой реки. Оставив бабу на берегу, медведь ушёл сквозь заросли тальника. Тут пришла за водой одна старуха. Старуха заговорила — [баба] не понимает, язык чужой. Тогда объяснились жестами. Старуха, ведя [бабу] за руку, повела её. Завела [в дом]. Так жена Эдилвея в первый раз оказалась в деревянном доме. Огляделась: очаг земляной, нары деревянные. Кроме этого, многие вещи ей были в диковинку.»

Учёт географических и исторических сведений, касающихся данного отрывка, а также его языковедческого анализ позволяет с высокой степенью вероятности определить этническую принадлежность людей, приютивших жену Эдилвей, а вместе с ней и нижнюю временную границу возникновения этого сказания. Очевидно, что старики не являются юкагирами. Более того они не могут быть ни чукчами, от которых жена Эдилвея бежала, ни эвенами, поскольку ни те, ни другие не имели деревянных жилищ и соответствующих предметов обихода, таких как деревянная кровать и, по всей видимости, печь, не считая другой неназванной утвари, также показавшейся жене Эдилвея в диковинку. То, что речь идёт именно о печи, может быть подвергнуто сомнению, но то, что очаг был, во всяком случае, закрытым, как мне представляется, неоспоримо. На это указывает форма слова "земля": лукулэк - это творительный, а не местный падеж. Таким образом выражение лачидэдуолпэги лукулэк визйуонь означает, строго говоря, "был сделан из земли", а не просто "земляной", как в переводе, или "в земле". У коренных народов северо-восточной Азии, насколько мне известно не было закрытых очагов; огонь разводили посреди чума (по-юкагирски ниме), сооружённого из жердей и покрытого оленьими шкурами, под отверстием в куполе. Таким образом хозяева дома могли быть либо якутами, либо русскими. Последнее представляется более вероятным поскольку основная масса якутского населения Сибири ко времени прихода

в Восточную Сибирь русских первопроходцев компактно проживала по среднему течению Лены [4, с. 47], а те немногочисленные якуты, что жили в тундре, вероятно, вели сходный юкагирскому образ жизни и имели сопоставимые жилища. Во всяком случае, маловероятно, чтобы жена Эдилвея не знала их наречия. С другой стороны, бросается в глаза, что в исследуемом сказании не упоминаются якуты, в то время как о чукчах и эвенах речь идёт прямо. Это может быть истолковано так, что и в языковом отношении якуты приспособились к юкагирской среде и говорили по-юкагирски. В этой связи стоит упомянуть, что потомки тех якутов не держат пришлых якутов с Лены за вполне своих. Если предположение о том, что хозяева дома, в котором оказалась жена Эдилвея, русские, верно, то нижнюю временную границу можно установить с точностью до года. Дело в том, что упоминаемая "большая река" — не просто описание. В юкагирском языке есть такой гидроним. Он соответствует русскому названию Алазея. Известно, что в 1642-м году возникло Алазейское зимовьё [4, с. 48]. Итак, сказанию об Эдилвее, по всей вероятности, не может быть больше 375 лет. Любопытно, что эта оценка перекликается в частности с предположениями о возрасте устных преданий в Океании, который колеблется между 500 годами в Полинезии и тремя-пятью поколениями в Микронезии [5], а также в Африке, где время возникновения образцов устного фольклора в основном не ранее 1200-1500 годов.

По крайней мере один момент всё же даёт некоторый повод к тому, чтобы усомниться в правильности данной оценки для нижнеколымского фольклора. В последней части исследуемого сказания рассказывается о судьбе дочери Эдилвея, которую выдали замуж за представителя племени ламатканов, принятых поначалу родственниками Эдилвея за ламутов, ныне называемых эвенами. История не сохранила сведений о ламатканах. В сказании об Эдилвее они представлены в качестве людоедов. Причём, человечина является их единственной пищей [1, с. 151]. Такие мотивы обычно рассматриваются как свидетельство древности соответствующего предания. Тем не менее, как утверждает Армстронг [2, с. 531], нередко удаётся доказать, что сцены каннибализма являются поздними включениями, призванными удерживать внимание слушателя на повествовании. Не исключено, что и здесь мы имеем дело с чисто стилистическим приёмом.

Список литературы

1. Курилов, Г. Н. Фольклор юкагиrow. // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 25 / гл. ред. А. П. Деревянко. М., Новосибирск: Наука, 2005.
2. Armstrong, E. A. A Technique for Ascertaining the Age of Folklore. // *Folklore*. 1959. 70.4. P. 519-532.
3. Alagoa, E. J. Dating Ijo oral tradition. // *Òdù má magazine*. 1976. 3.1. P. 19-22.
4. Окладников, А. П. гл. ред. История Сибири. Т. 2. Ленинград: Наука, 1968.
5. Mercer, P. M. Oral Tradition in the Pacific: Problems of Interpretation. // *The Journal of Pacific History*. 1979. 14.3. P.130-153.

Капустина Екатерина Леонидовна,

кандидат исторических наук, зав.отделом Кавказа в музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН
(г. Санкт-Петербург)

«Миграция из Дагестана в города Западной Сибири: неформальные транслокальные сети односельчан и деятельность официальных земляческих организаций в принимающем сообществе»

В докладе будет рассмотрен феномен миграции из сельских районов Дагестана в города Западной Сибири как вариант транслокальной миграции, когда мигранты поддерживают изменчивые формы отношений и в отправляющем, и в принимающем сообществе, организуя для себя единое социальное пространство из нескольких удаленных друг от друга географических точек. Будет проанализировано современное устройство и функционирование дагестанских транслокальных сообществ, строящих свою идентичность и свои социальные сети на принадлежности к тому или иному дагестанскому селению, но активно участвующих в жизни сибирских городов. Внимание будет уделено, в частности, проявлениям транслокальности в пространстве сибирского города, а также деятельности официальных земляческих структур и реакции на это государственных институтов ХМАО и Дагестана.

В докладе речь пойдет именно о практике долговременной миграции в регион ХМАО. В этих условиях мигрант долгое время проживает в новом населенном пункте, снимает жилье, обустраивает быт. Некоторые члены его семьи зачастую присоединяются к нему в миграции, однако подчас часть семьи продолжает жить в отправляющем сообществе. Да и сам мигрант часто сохраняет связи с местом отправления, участвует в социальной и экономической жизни селения, планирует возвращение. Наблюдая практики, принятые в таких семьях, и анализируя актуальные для нее дискурсы, приходится признать, что мигрант и его близкие не могут быть отнесены к той или иной территориальной или социокультурной реальности и существуют в словно в нескольких мирах. В этом случае, на мой взгляд, очень продуктивным может стать использование транснациональной теории и концепта транслокальности, уделяющего внимание локальным сообществам и их членам, существующим более чем в одной географической точке, при этом поддерживающим свое единство при помощи сетей, трансфертов и различных форм мобильности.

Транслокальность рассматривается некоторыми авторами как частный случай транснациональной миграции, когда речь не идет о пересечении национальных границ. Действительно, в некоторых регионах мира миграция внутри одной страны по масштабам, последствиям и сложности сопоставима и даже порой превосходит международную; внутрироссийская миграция – очевидно такой случай. Другой взгляд на транслокальность – смещение интереса исследователей на другие вопросы, где транслокальность может восприниматься как зонтичный термин для определения мобильности и различных форм пространственных связанностей (Greiner 2010). Центральной идеей для определения транслокальности стала идея мобильности, движения и потоков: денежных переводов, товаров и символических потоков - стиль, идеи, символы (Greiner, Sakdapolrak 2013). Этот подход, на мой взгляд, очень продуктивен, когда рассматриваются современные мигрантские практики дагестанцев.

Транслокальный характер миграции из Дагестана в города ХМАО обусловлен следующими факторами. Невозможность полностью вписаться в жизнь отправляющего сообщества, примерно в равной степени временный характер жизни в миграции и на малой родине, постоянные перемещения между отправляющим и принимающим сообществами, построение единого транслокального социального пространства, а также важность

отправляющего сообщества как экономического, социального и идеологического центра для мигранта – все эти факторы и делают дагестанских мигрантов трансмигрантами.

В основу доклада легли полуструктурированные и биографические интервью, а также наблюдения, полученные автором в ходе изучения трудовой миграции из Дагестана в города Западной Сибири в 2011, 2014-2016 гг.²⁷, - преимущественно работа велась в различных регионах Республики Дагестан (Махачкала, Хасавюртовский, Дахадаевский, Кайтагский и другие районы) и в ХМАО (Сургуте, Нижневартовске, Пыть-Яхе).

На основании моих полевых данных можно сделать вывод, что существует определенная корреляция между городами ХМАО и селениями Дагестана. Как правило, выходцы из одного селения предпочитают миграцию в те города, где уже живут и работают их односельчане. Таким образом, селение строит сеть в одном или ограниченном числе населенных пунктов в Сибири. Это правило, однако, не непреложно, ведь, безусловно, играет роль и насыщенность рынка труда в том или ином городе, и наличие у конкретного мигранта в этом месте близких родственников, и другие факторы. С другой стороны миграция из Дагестана в города и поселки Западной Сибири – преимущественно миграция из сельской местности в города, поэтому внимание мигрантов к своему отправляющему сельскому сообществу более объяснимо.

Взаимодействие между отправляющим обществом и мигрантом требует существования эффективных социальных сетей, соединяющих людей и места через время и пространство, дающих информацию и поддержку, снижающих стоимость и риски миграции [Boyd 1989: 638-639]. Мигрантские сети могут формироваться под влиянием разных факторов, но, применительно к дагестанской миграции, и не последнюю роль здесь играет так называемый сельский ресурс. Благодаря социальным сетям на основе сельского землячества может происходить передача информации, навыков, обеспечение безопасности – все это может помочь в миграции. Эта практика использования сетей, сформированных со стороны отправляющего сообщества, весьма характерное явление, так как, как показывают многие исследования миграций, чем больше число мигрантов из сообщества, тем дешевле и проще она становится для новых мигрантов. В случае с Дагестаном задействование земляческих сетей приводит к определенной экономической спецификации ряда селений республики.

Родное селение – традиционное место приложения своих трудов, арена престижной экономики мигранта. Большая часть заработанных средств направляется и тратится именно в родном селении, причем не только на вышеназванные задачи, которыми объясняется миграция, но и на многочисленные ритуалы, а также на престижное потребление.

«Ритуалы – свадьбы, крещение, похороны предоставляют идеальный контекст, где можно вновь подтвердить членство в сообществе, продемонстрировать силу, статус и его повышение» (Goldring 1999: 174). Транслокальный мигрант не выпадает из цикла социальных взаимодействий внутри отправляющего сообщества, даже будучи в миграции. При этом он перепоручает родственникам, оставшимся в селении, от его имени посещать значимые мероприятия, или же выполняет все обязательства перед земляками во время своих визитов на родину. В частности, это касается обязательных посещений домов односельчан (чаще состоящих с ним в родстве), в которых за время его отсутствия произошли значимые события – в первую очередь, похороны и свадьбы. Как правило, поздравить со свадьбой приходит представитель от семьи и дарит деньги. Более принципиально мигранты относятся к выражению соболезнований семье умерших за время их отсутствия.

Похороны земляка – наиболее показательный момент проявления транслокальности и связи с селением исхода. Практически всех дагестанцев, умерших в миграции, увозят хоронить в Дагестан, несмотря на сложность перевозки тела и степень финансовых затрат.

²⁷ Доклад подготовлен в рамках гранта Российского научного фонда № 14-18-02149 «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России».

При этом помощь – финансовую и организационную – нередко оказывают мигранты-земляки: сбрасываются на перевозку тела самолетом и на билет сопровождающему, если нет родственника – таким сопровождающим назначают кого-то из земляков. Правда участвуют в этом не только односельчане семьи покойного, но и другие дагестанцы, особенно когда наличествует активная земляческая организация.

Брачные стратегии мигрантов также преимущественно связаны с отправляющим сельским сообществом – главным образом вследствие сельской эндогамии. Несмотря на длительность жизни в миграции, ориентация на брак с односельчанами, – приоритет для мигрантов обоих полов. Однако здесь важно отметить, что для поиска брачных партнеров в ориентированном на родственную или сельскую эндогамию сообществе обе географические точки – место в миграции и родное селение – воспринимаются равными, то есть социальное пространство для поиска невесты или жениха едино.

«Северяне» стараются ездить и на свадьбы родственников в Дагестан, и на свадьбы, которые играют в других сибирских городах. В свою очередь близкие родственники приезжают из Дагестана на свадьбу, если она отмечается на севере. Иногда у работающих на севере нет возможности приехать в Дагестан надолго, и они остаются всего на пару дней. Мне приходилось слышать рассказы мигрантов-северян о том, как они ехали в Дагестан на машине, проводили там сутки (непосредственно на свадьбе) и тут же выезжали обратно в ХМАО. Обязанность посетить свадьбы относительно близких родственников заставляют мигрантов планировать свои отпуска исходя из свадебных расписаний. Так один из моих информантов, приехав в середине июля в родное селение за неполных два месяца посетил около десятка свадеб, именно обилием таких торжеств он и объяснял выбор времени семейного отпуска.

Для мигрантов-северян, принадлежащим к разным микросообществам, привычным стал сбор средств на нужды родного селения. Часто они собираются для постройки мечети, спортзала, прокладки дороги, организации газо и водоснабжения, открытия родников и т.п. Со своих односельчан средства собирают активисты, причем именно эти списки с записями пожертвований дают представление о количестве семей из того или иного селения – в том числе и для более крупных земляческих образований. К примеру, так объясняет механизм сбора денег председатель ногайской земляческой организации в Нижневартовске.

День села становится моментом консолидации, даже если не все сельчане смогли физически на нем присутствовать. Например, в одном дагестанском селении уже более 20 лет существует традиция отмечающего дня села, проходящего в мае. Однако мало кто из мигрантов-северян имеет возможность приехать на этот праздник в Дагестан (в мае еще продолжается учеба детей в школе). Именно поэтому выходцы из этого села решили отмечать день села и в Сургуте. В этот день они устраивают соревнования по футболу (также как и их односельчане на малой родине), а затем выезжают на шашлыки.

В делах отправления религиозного культа мигранты также внимательно следят за своим отправляющим селением. Примечательно, что порой дагестанцы, живущие в Сургуте, обязательный для мусульман налог с прибыли закят платят не в сургутскую мечеть, а в мечеть родного села, хотя формально они должны платить туда, куда в течение года обычно ходят на намаз. Также ориентация на свое село, а не на мусульманскую общину мечети в миграции, прослеживается в момент окончания поста Рамадан. Мои информанты заявляли, что «отпускают уразу» не по разрешению имама сургутской мечети, а звонят в родное селение и узнают местную дату, которую и считают для себя приоритетной.

Живущие на севере дагестанцы, как недавние мигранты, так и северяне со стажем, питают интерес к культурным мероприятиям, связанным с родной республикой, которые можно с некоторой долей условности разделить на те, которые инициируются местной администрацией в рамках проекта мультикультурализма Югры, и те, которые проводятся по инициативе самих сообществ.

Первый тип мероприятий, как правило, инициируется самими властями в рамках культурных фестивалей, а также согласно планам развития городских домов творчества и подобных им структур. Показательный пример – фестиваль «Соцветие», проходящий в Сургуте 12 июня. На этом городском празднике вот уже ряд лет дагестанские землячества представляют свою республику – организуют павильон со сценой, угощают гостей национальными блюдами, показывают танцевальные номера, выставляют традиционные предметы быта.

Л. Голдринг, изучая транснациональную миграцию между Мексикой и США, описывал ситуацию, когда государство поддерживает транснациональные стратегии своих земляков. В частности, в Мексике есть государственные программы для изучения мексиканской культуры для тех, кто живет в США, также мексиканская сторона оплачивает проезд мексиканских певцов, музыкантов и т.д., т.е. приобщает выходцев из страны к местной культуре» (Goldring 1999: 167). В описываемом мной случае инициатива исходит не от властей республики Дагестан, а всегда от самих мигрантов или же от артистов, ожидающих, что северными концертами можно заработать больше, чем выступлениями на родине. Примечательно, что официальные земляческие организации, относящие себя к Дагестану, в подобных мероприятиях задействованы минимально (данные 2011 года), за что вышеупомянутые активисты (еще не будучи таковыми) их критиковали. Это характерно и для других земляческих структур в стране, где активисты формальных организаций и остальные представители данной общины существуют в разных измерениях и разных социальных ролях» (Воронков 2002).

Один из характерных примеров – организация досуга для сообщества земляков-выходцев из одного из дагестанских районов, Кайтагского (его жителей помимо административного связывает и лингвистическое единство – кайтагский диалект даргинского языка). Судя по всему, инициативу взял на себя успешный предприниматель М-Р, уже много лет ведущий свой бизнес на Севере (а с некоторых пор и в Москве). Он известен тем, что активно помогает своим землякам-кайтагцам устраиваться на работу (в основном, на его автодорожное предприятие) и занимается благотворительными проектами в селах родного района (об этом ниже). М-Р инициировал собрание кайтагцев в одном из спортивных залов Сургута, где земляки играют в футбол или волейбол. Аренду зала оплачивает он сам, а в качестве цели, по словам одного из информантов, значится укрепление единства земляков на севере.

Ногайская земляческая организация устраивает чемпионат по футболу среди всех ногайцев Сургутского района. Команды состоят из жителей разных северных населенных пунктов и сформированы они именно по принципу принадлежности к тому или иному селению. Здесь пример активности официальной структуры – как исключение из правил, тем не менее принцип построения команд опять же связан с сельской идентичностью.

Приглашение певцов и танцоров из Дагестана на север – общая практика. Упоминались случаи вызывания специалистов из республики с тем, чтобы они организовывали на севере, к примеру, танцевальные секции. Но чаще деятели культуры из республики сами предлагают себя северу, справедливо полагая, что здесь конкуренция меньше, цены на билеты больше и на них работает ностальгия дагестанцев-северян. В интервью упоминались люди, которые зарабатывают (или скорее подрабатывают) тем, что поют, танцуют или играют на музыкальных инструментах на местных «кавказских» свадьбах. Например, участники ансамбля иногда выступают на местных свадьбах (свадьбах своих земляков), где танцующих традиционно осыпают деньгами – как правило, пятисотенными и тысячными купюрами, которые потом они тратят на поездки на конкурсы, на костюмы и т.п.

Сургутская власть и общество склонны смотреть на выходцев из Дагестана как на представителей республики, чем также обрекают их на транслокальность. Республика

Дагестан, в свою очередь, также нередко воспринимает мигрантов как сферу своей ответственности и влияния.

Примечательно, что не только выходцы из Дагестана, живущие в Сургуте, внимательно следят за тем, что происходит на малой родине, в той или иной мере активно участвуют в жизни метрополии и заинтересованы в сохранении связей с родными селами. Дагестанские власти также начали декларировать свой интерес к Северу и землякам, живущим на Севере. Территория страны, непосредственно не граничащая с РД, но традиционно актуальная для республиканских властей и общества – это Москва. Столицу в РД воспринимают как весьма амбивалентную территорию, которая может стать и важным ресурсом, и арбитром в спорах и конфликтах, и источником головной боли, она может обеспечить повышение коллективного социального капитала республики, но может и обрушить его вниз. Западная Сибирь, а именно ХМАО И ЯНАО появляются в поле зрения дагестанских властей и связанных с ними религиозных лидеров сравнительно недавно. Тем не менее в последние годы Дагестан признает свое присутствие там и включает ХМАО в орбиту своих действий. В частности, контакты между представителями ХМАО и Дагестана проводились в 2008 году в рамках двухстороннего сотрудничества: туризм в обмен на трудовую миграцию. Тогдашний министр по национальной политике, информации и внешним связям Дагестана Э. Уразаев подчеркивал, что дагестанцы живут и работают в Югре и там имеются представительства республики, советник губернатора ХМАО по делам национальностей и общественных объединений Г. Выдрин отмечала "Дагестанцы трудятся во всех сферах жизнедеятельности общества, вносят достойный вклад в развитие экономики Ханты-Мансийского округа. Дагестанцы являются хорошими ответственными тружениками и вносят большой вклад в воспитание молодежи" (<http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/135159/>). Встреча проходила в Махачкале.

В последнее десятилетие в Сургуте происходит череда конфликтов, маркируемых широкой общественностью как межэтнические, в которых принимали участие и выходцы из республики (это особенно подчеркивалось местными СМИ и представителями правоохранительных органов и региональной власти). Этнический совет при администрации Сургута, куда входили представители основных земляческих организаций города, фактически заставлял их отчитываться за действия их земляков. В 2011-2014 гг. активность в городе, не без покровительства некоторых чиновников, проявляла весьма одиозная организация «Совесть», позиционировавшая себя как сообщество ЗОЖ, но фактически предлагавшая городу националистический антикавказский проект и спровоцировавшая ряд конфликтов, в том числе с дагестанцами и чеченцами Сургута.

Конфликт в 2011 г. представителей дагестанского землячества и полиции на ежегодном празднике национальных культур «Соцветие» 12 июня, а также бойкот этого праздника землячествами Дагестана, Чечни, Азербайджана, езидов и болгар в связи с чередой превышений служебных полномочий ОМОНОм по отношению к их землякам (знаменитый поход приор на Сургут и отстригание бород в халяльном кафе) также формулировали отношения между НКА и местными властями как сложные.

В этих условиях НКА РД меняет свою тактику, новый ее глава, достаточно молодой и очень успешный спортсмен В. Абдулаев, ставит на координацию своей работы с властями Сургута, активно взаимодействует с земляками, пропагандируя конформный стиль поведения, соглашается даже на откровенно унижительные встречи молодых дагестанцев с представителями полиции, где пришедших дагестанцев фактически журят за плохое поведение в городе, а заместитель начальника УМВД города И. Топчиев отметил «Пока что ваша национальность и еще несколько находятся на особом контроле. За вами смотрят и наблюдают» (ura.ru). Параллельно с этим противостояние дагестанского землячества с «Совестью» привело к поражению и роспуску последней.

Молодой руководитель НКА РД в Сургуте декларирует свою лояльность региональной власти и даже предугадывает их инициативы: так он становится вдохновителем и одним из организаторов митинга, посвященного годовщине присоединения Крыма к России 7 марта 2015 года. На уличном митинге помимо чиновников, депутатов и представителей землячеств на сцене, несмотря на мартовский мороз, танцевали ансамбль Ватан, пека Виола Гаджиева, зрители махали флагами северокавказских республик, Азербайджана и России. <https://www.youtube.com/watch?v=6AToQH0QhRw>

Активность, а главное успешность призыва ИГ в регионе, в том числе среди молодых дагестанцев, заставили официальное дагестанское духовенство также обратить внимание на жизнь земляков в Западной Сибири. В 2015 году города ХМАО в разное время посетили религиозные деятели республиканского масштаба – заместитель муфтия Республики Дагестан Ахмад-хаджи Кахаев и имам центральной мечети Махачкалы Магомедрасул Саадуев. Первый проповедовал в сургутской мечети, а потом пришел на встречу с дагестанской молодежью, организованную местной земляческой организацией на темы "Ислам - религия мира и добра", "Экстремизм".

(<http://muftiyatrd.ru/content/ahmad-hadzhi-kahaev-provyol-vstrechu-s-molodyozhyu-g-pokachi-hmao-yugra>). Второй выступил не только в мечети Сургута, но и с лекцией перед студентами в СурГУ (http://dag.rus4all.ru/city_msk/20151020/726241428.html), причем в рамках «большого просветительского турне по территории Зауралья» (<https://ugra-news.ru/article/20102015/19992>). Оба проповедника осуждали ИГ и радикальные течения ислама и призывали земляков не поддаваться на их пропаганду. «- Наш визит, в первую очередь, продиктован заботой о наших земляках-единоверцах. Когда мы дома - в Дагестане - слышим что-то о ваших хороших поступках, то очень радуемся. И наоборот. Огорчаемся, когда узнаем, что чье-то поведение недостойно мусульманина. Для того чтобы мы могли только радоваться, необходимо каким-то образом удержать молодежь в лоне настоящего - умеренного ислама. За этим мы и приехали. Ну и, конечно, просто увидеться - посмотреть в ваши лица, - пояснил имам махачкалинской мечети по поводу встречи» (Там же).

В результате можно отметить, что мигранты из Дагестана нередко выбирают стратегию транслокальности в качестве способа взаимодействия одновременно с принимающим и отправляющим сообществом. При этом отмечена роль земляческих структур в организации жизни дагестанцев в городах ХМАО и приведены значимые примеры взаимодействия социальных институтов Дагестана с живущими на севере земляками.

Михалев Алексей Викторович,
директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского госуниверситета
(г. Улан-Удэ)

«Современная монгольская миграция и трансформации кочевого общества»

Специфика миграционных процессов в монгольском мире является одной из наиболее сложных исследовательских проблем. После отмены в 2014 году визового режима между Монголией и Россией, количество монгольских мигрантов на улицах российских городов выросло в десятки раз. Монгольская миграция феномен достаточно новый, возникший лишь во второй половине XX века. При ее рассмотрении мы вынуждены постоянно оглядываться на исторический контекст – на номадную ментальность монголов или, если угодно, на некий культурный код кочевой цивилизации. На наш взгляд, эти два явления (перекочевки и миграции) имеют совершенно разную природу. Это отмечали еще Ж. Делез и Ф. Гваттари в «Трактате о номадизме»: «Пространство оседлых народов расчерчено стенами, границами и дорогами. Кочевники населяют гладкое пространство, метки которого сдвигаются вместе с трассой. Так с неопишным звуком сдвигаются в пустыне песчаные плиты... Кочевник обживает гладкое пространство, присваивает себе это пространство — в этом и состоит его территориальный принцип. Было бы ошибочно определить кочевника через понятие движения. Тойнби совершенно прав, говоря, что кочевник скорее тот, кто не движется. Мигрант — это беглец, покидающий местность, когда она исчерпала свои ресурсы. Кочевник никуда не бежит, не хочет бежать: он срастается с этим гладким пространством, где лес редет, а пустыня или степь разрастается»²⁸.

В современных условиях данные способы освоения пространства накладываются друг на друга, формируя уникальное явление – монгольскую миграцию. Это явление постмодерна, сочетающее в себе модели поведения, характерные для самых разных исторических укладов. Его основание было заложено в период строительства социализма. Это время, по мнению Дж. Скотта, являлось воплощением высокого модерна²⁹, преобразования которого кардинально изменили жизнь кочевого айла. Форсированная модернизация, одним из проявлений которой стала седентеризация (процесс оседания кочевников), была характерной чертой той эпохи. Преобразования породили первую волну образовательной миграции из МНР в СССР. Для монгольских студентов в 1920-е годы в Иркутске был создан Монголрабфак. Впоследствии тысячи монголов получили образование в СССР и странах СЭВ. Исходя из этих предпосылок, мы попытаемся проанализировать то, каким образом модернистская система социализма формировала ситуацию перехода от перекочевков к миграциям. Мы рассмотрим процесс формирования институтов, определявших новое отношение к смене места жительства в монгольском мире на примере МНР.

Успешность миграционных стратегий эпохи строительства социализма предопределила последующий миграционный бум 1990-2000-х годов. Данный исторический background позволил кочевнику к концу XX века окончательно стать мигрантом. Мы протестируем эту гипотезу по целому ряду индикаторов, начиная от отношения к межгосударственной границе, заканчивая изменением структуры потребления. Стремление потреблять больше товаров и услуг, изменение представлений об их качестве, наряду с ощущением личной безопасности и комфорта, становятся основной мотивацией для смены места жительства.

Масштаб современной монгольской миграции можно сравнить только с временами империи Чингисхана. Сегодня, как и в эпоху средневековья, монголы и монгольские общины

²⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии. Машина войны //НК. 1992. - №2 – С. 185.

²⁹ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга, 2005. – С.166-167.

присутствуют в большинстве наиболее экономически развитых стран мира. Сегодня за пределами Монголии проживает приблизительно 100000 ее граждан³⁰. Это не только трудовые мигранты, но и монгольские «олигархи», вывозящие капиталы из Монголии и живущие в Европе и США. В это же время мода на иностранное образование в молодежной среде приобрела гипертрофированный масштаб. Монгольские студенты обучаются в ВУЗах Японии, Великобритании и США. Многие из них получают вид на жительство и остаются в этих странах.

Широкое распространение получила сезонная трудовая миграция в Южную Корею. Правительство этой страны активно привлекает монгольскую рабочую силу. Сегодня самые крупные монгольские диаспоры в мире находятся в Сеуле и Аньяне. В Корее существует большое количество программ, направленных на привлечение мигрантов из Монголии. Монголо-корейские школы, детские сады и христианские церкви ориентируют молодежь на миграционные стратегии. Именно эта модель двусторонних отношений является копией советской системы, также опиравшейся на сильный социальный блок. Такой подход позволил изменить восприятие монголами категорий «Свой-Чужой» и переформатировать традиционные ценности кочевников.

Последствия социалистической модернизации в Монголии сказываются по сей день, формируя особую социокультурную ситуацию – постсоциализм. Она сочетает в себе элементы социальной жизни, характерные для современности, и элементы жизненных стратегий и стереотипов времен социализма. Это также сказывается на характере миграционных процессов в монгольском мире. Однако возвращаясь к исходному тезису о влиянии советской модернизации на зарождение и развитие такого явления как монгольская миграция, приступим к подробному анализу этой гипотезы.

В основу методологии данного исследования легла социология смысла Дж. Скотта. Его исследования по проблеме кочевых народов опираются на африканский эмпирический материал. Дж. Скотт рассматривает седентеризацию как продукт эпохи модерна, а ее тотальный вариант как апогей высокого авторитарного модерна (одним из многих проявлений которого являются марксистские режимы XX века). Идея высокого модерна опирается на науку и веру в Прогресс и разрывает связь с традицией и политической конъюнктурой. Главная задача этой идеологии – формирование некоей рукотворной утопии, абсолютно рациональной и управляемой. Основным инструментом этих проектов выступает институт государства, опирающийся на идеологию высокого модерна. Все это, сталкиваясь с локальным опытом, изменяет его, но изначальной цели (коммунизма) все же не достигает. Кочевники в этом контексте занимают особое место. Как отмечает Дж. Скотт: «Кочевники и скотоводы (вроде берберов и бедуинов), охотники-собиратели, цыгане, бродяги, бездомные странники, беглые рабы всегда были занозой на теле государства. Государственные проекты по переходу кочевых народов к устойчивой оседлости, превращались в постоянно действующие, в частности, потому, что их редко удавалось реализовать. Чем больше проектов по закреплению оседлости я исследовал, тем больше видел в них попытку государства сделать общество более понятным, организовать население так, чтобы упростить государству исполнение его классических функций – сбора налогов, обеспечение воинской повинности и предотвращение волнений»³¹.

Все эти закономерности применимы и в случае с Монголией XX века. Однако фундаментальных работ по проблеме седентеризации в этой стране сегодня практически нет. Исследование К. Хэмфри и Д. Снита носит слишком общий характер и экстраполируется на

³⁰ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2011. – Улаанбаатар: NSO, 2012. – Х. 82.

³¹ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга, 2005. – С. 17-18.

всю Внутреннюю Азию³². Оно представляет собой попытку констатации существующей проблемы, связанной с изменением состояния нomaдизма. Являясь достаточно качественным «плотным описанием» состояния постномадизма, оно только намечает контуры проблемы. В этом плане не менее интересны исследования казахских ученых, посвященных проблематике седентеризационной политики в XX веке³³. В них подробно рассматривается значение сталинизма в формировании устойчивой оседлости в Казахстане, но в плане методологии они уступают западным исследователям. Вследствие этого, при рассмотрении проблемы перехода от нomaдизма к миграциям мы опираемся на методологию Джеймса Скотта, считая, что она позволит нам получить наиболее валидное представление об изучаемой проблеме. Однако для начала попытаемся развести понятия кочевки и миграции.

Таблица 1. Различия между перекочевкой и миграциями

Категории/факторы	Государство	Социум	Культура	Право
миграции	Регулируется на основе законодательства о миграции и гражданстве	Может осуществляться как на индивидуальном уровне, так и семьями с целью изменения экономического положения или вида занятости	Требуется адаптация к инокультурной среде по одному из 4 типов (ассимиляция, аккомодация, изоляция, репатриация)	Опираются на нормы международного и национального права
кочевья	В основе отношений государства и кочевников (на примере Российской империи и Цин) лежит политическая лояльность, регулируемая вассальными отношениями	Осуществляется скотоводческими айлами с сохранением хозяйственного уклада в поисках благоприятных для него условий	Сохраняет свою культурную доминанту, при этом многое заимствуя от ближайших соседей	На нормы обычного права

Эти различия неоднозначны и могут иметь вариации в каждом конкретном случае, но в наиболее общем виде они выглядят именно так. Вернемся к проблеме высокого модернизма и того, как он изменил образ жизни нomaдов. На наш взгляд, в этот период в Монголии ситуацию перехода к миграциям предопределили три основных фактора: современная граница, национализм и седентеризация. Все три аспекта имеют корни в эпохе модерна, они плотно вплетены в марксистско-ленинскую идеологию, доминировавшую в Монголии вплоть до 1990 года. Именно она была «научной» основой большинства социальных преобразований в МНР. При этом ее результативность была высока, ей действительно удалось почти

³² Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia. – Cambridge: White Horse Press, 1999. – 355 p.

³³ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. – М.: Горизонт, 1995. – 319 с.

кардинально изменить уклад жизни страны. Поскольку миграция – это явление, связанное с пересечением границы, логичнее всего будет начать с анализа того, как изменялись представления о границе, равно как и сама граница.

Переход к оседлости в Монголии, а вместе с ней и к современным миграционным стратегиям, происходил на протяжении более чем полувека. Для успешного осуществления этого проекта понадобилось три условия:

Установить современную границу между государствами и жестко разграничить все пространство Внутренней Азии, создав национальные субъекты в рамках СССР и КНР;

Национализировать эти пространства, сделав их принадлежащими сконструированным гражданским нациям и этнонациям;

Увеличить процент городского населения, занятого в промышленном производстве, и вместе с тем провести коллективизацию.

В результате этих действий значительная часть населения Монголии стала оседлой. Вписавшись в систему взаимоотношений СЭВ, Монголия стала важной частью его хозяйственной и идеологической системы. Для поддержания этого потребовались квалифицированные кадры, которыми и стали первые монгольские мигранты (студенты) в странах соцлагеря. В 1990-е годы Монголия сумела переориентировать свои экономические связи на регион Северо-Восточной Азии и уже по отработанной схеме начала обучать своих граждан в ВУЗах Японии и Южной Кореи, а впоследствии США и Евросоюза. Однако если в период сотрудничества с СССР в МНР приезжали тысячи советских рабочих, то в 1990-е годы уже Монголия начинает поставлять рабочую силу на предприятия Южной Кореи и Японии. Об исходных условиях этого процесса мы будем говорить в следующем разделе.

Чихачёва Мария Михайловна,

помощник первого проректора по научной работе Красноярского государственного института искусств

«Сохранность традиционной культуры Енисейского района Красноярского края (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции Красноярского государственного института искусств в 2017 году)»

Аннотация: Енисейский район Красноярского края неоднократно становился объектом фольклорно-этнографических экспедиций. В 1956 и 1957 годах здесь работали студенческие экспедиции Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского и Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, а в 1989 и 1990 годах – экспедиции преподавателей и студентов Красноярского государственного института искусств. Сведения, полученные в ходе экспедиции Красноярского государственного института искусств в 2017 году, исследователи рассматривают в соотношении с результатами экспедиций прошлых лет, анализируя факторы, воздействовавшие на бытование различных традиционных явлений, на функционирование тех или иных музыкальных жанров. В статье описаны особенности традиционных собраний молодежи (вечёрок) на последнем этапе их существования, приведены примеры хороводно-игровых песен и игр. Также в работе большое внимание уделяется музыкальным жанрам, сопровождающим обряды жизненного цикла и до сих пор бытующим в народной среде – колыбельным песням и похоронным причитаниям. Авторы отмечают уменьшение роли музыкального компонента в календарных обрядах, но указывают на сохранение иерархии праздников календаря на современном этапе, а также активное бытование святочных обходов дворов, молодежных бесчинств и гаданий.

Ключевые слова: сибирский фольклор, фольклорно-этнографические экспедиции, вечёрки, хороводно-игровые песни, поздняя лирика, свадебный обряд, причитания, календарные праздники.

Енисейский район Красноярского края представляет интерес для исследователей-фольклористов как один из самых ранних по заселению регионов Сибири. Многие деревни и поселки Енисейского района ведут свою историю с первой трети XVII столетия. В составе русских колонистов, заселявших Енисейский район, преобладали переселенцы из Северного Центрального Поморья; в меньшей мере среди пришлых людей встречались выходцы из других частей страны. Уже к 1680-м годам осевших на постоянное место жительства русских поселенцев можно было характеризовать как старожилов. Активный процесс колонизации енисейских земель (с центром в г. Енисейске) продолжался вплоть до начала XX века, что было обусловлено, в том числе, развитием золотодобычи. Важно отметить, что Енисейская губерния долгое время была местом политической и уголовной ссылки.

Процессы консервации фольклорной традиции, сложившейся в среде старожилов, были обусловлены своеобразной изоляцией местного населения от основных дорог вследствие проложенного Московского тракта (а затем и строительством Сибирской железной дороги) – южнее старого водного пути. К тому же г. Енисейск постепенно теряет свои лидирующие позиции в связи с переносом административного центра Енисейской губернии в г. Красноярск (в 1822 году).

Приведем данные о музыкально-фольклорных экспедициях, работавших в Енисейском районе. Дважды в 1956 и 1957 годах состоялись студенческие экспедиции по Красноярскому краю, организованные Московской государственной консерваторией им. П.И. Чайковского и Государственным музыкально-педагогическим институтом им. Гнесиных. В 1956 году одна из групп экспедиции производила записи в селах Ялань, Плотбище и Потапово Енисейского района. В 1957 году экспедиция работала в городе Енисейске и в поселениях района – Маковское, Мало-Белая, Подгорное и Ялань.

В 1989-1990 годах в Енисейский район выезжают экспедиции преподавателей и студентов Красноярского государственного института искусств, исследуя традиционную культуру в с. Ярцево, д. Никулино, д. Новошадрино, д. Маковское, д. Малая Белая, д. Ялань, д. Мариловцево, д. Ворожейка.

Участниками всех указанных экспедиций была отмечена высокая степень сохранности фольклорной традиции поселений Енисейского района. Тем не менее, комплексного аналитического исследования музыкальный фольклор Енисейского района Красноярского края пока не получил. Исключением являются работы О.В. Крахалёвой, посвященные традиции енисейских вечерочных песен. Отдельные песенные образцы музыкального фольклора Енисейского района встречаются в ряде публикаций, как правило, представляющих собой песенные хрестоматии.

В 2017 году преподавателями Красноярского государственного института искусств был реализован проект «Фольклорно-этнографическая экспедиция по Енисейскому району Красноярского края», в рамках которого были обследованы такие населенные пункты, как города Енисейск (осн. в 1619 г.) и Лесосибирск (осн. как дер. Маклаков Луг в 1640 г.), поселок Усть-Кемь (осн. ок. 1620 г.), села – Чалбышево (осн. в нач. XVII в.), Плотбище (осн. в 1664 г.), Потапово (осн. в 1670-х гг.), Погодаево (осн. в 1640-50 гг.). Целью экспедиции являлось выявление наличия и степень сохранности традиционной культуры в целом и музыкального фольклора в частности в русских старожильческих поселениях Енисейского района, сравнение результатов экспедиций разных лет, а также фиксация образцов музыкального фольклора.

В памяти старейших жителей обследованных поселений сохранилось немало информации о традиционных обрядах и народных песнях. Наибольшую сохранность получили вечерочные песни, которые можно рассматривать как центр местной жанровой системы.

Традиционные собрания молодежи в Енисейском районе Красноярского края особенно активно проводились в осенне-зимний период и чаще всего именовались «вечёрками». В экспедиции 2017 года возраст информаторов, владеющих сведениями о характере проведения вечеров, варьировался от 75 до 85 лет; более молодое население вечеров уже не знало.

Вечёрки, как правило, предварялись совместной женской работой – прядением, вязанием, вышиванием. Как рассказывала в с. Чалбышево А.И. Кривоносова, 1932 г.р., «парни сидели возле порога и терпеливо дожидались окончания работы». На вечерках водили хороводы, играли в вечерочные игры, а также под балалайку, гитару или гармонь исполняли такие танцы, как кадрили («четвёрку» и «шестёрку»), краковяк, коробочку, вальс и фокстрот. Летние вечерки проводились на открытом воздухе – в специально отведенном месте (роща, полянка). Они сразу начинались с игр, песен и хороводов.

Музыкальный материал енисейских вечеров можно разделить на основной (хороводно-игровые песни) и фоновый (пляска, частушки, протяжные лирические и поздние городские песни). В экспедиции 2017 года А.И. Кривоносовой (с. Чалбышево) были записаны отдельные вечерочные хороводно-игровые песни («Как у нас во кружке», «В хороводе были мы») с напевами и со сценарием их проведения. Зафиксированные хороводно-игровые песни заканчивались «поцеловками». Также А.И. Кривоносова подробно описала несколько игр, бытовавших на вечерках: «В полено», «Фантики», «Меняшь – не меняшь».

В с. Усть-Кемь от Г.Г. Ляйком, 1937 г.р. в контексте репертуара вечеров зафиксирован вариант напева и сценарий хороводно-игровой песни «А мы просо сеяли», а также структура игры «Третий лишний» (с ремешком). Другая игра, разыгрываемая на собраниях молодежи, – «Ремешок» – была записана в г. Лесосибирске от Р.И. Немчиновой, 1933 г.р.

Анализируя воспоминания об енисейских вечерках, можно констатировать, что в конце 1950 – нач. 1960-х гг. произошла полная замена традиционных собраний молодежи на клубные вечера (танцы) и клубную самодеятельность. Такая замена явилась следствием

разрушения традиционной вечерки в военное и послевоенное время, вызванного рядом причин, среди которых значимым стало резкое изменение пропорций в соотношении женского и мужского населения, в том числе среди молодежи (послевоенное общество стало преимущественно женским).

Особенности возрастно-половой структуры сельского населения способствовали исчезновению возрастной дифференциации собраний молодежи, отмеченной в ходе экспедиций прошлых лет. Так, в экспедициях 1989-1990 гг. были зафиксированы сведения о дифференциации вечеров довоенного времени по возрасту участников на собрания группы 10-13 лет с ведущей ролью игрового элемента в вечерках и собрания группы 14-16 лет, включающие множество поцелуйных игр. По сведениям, полученным в ходе экспедиции 2017 г, на вечерки военного и послевоенного времени собирались девушки от 13-14 лет и «парни» – мальчики с 10 лет и старше, а также могли прийти молодые замужние женщины с мужьями (как правило, те, у кого еще не было детей). Вероятно, именно с нивелированием возрастных ограничений связаны такие изменения в ходе проведения вечеров, как частичная замена хороводно-игровых песен детскими играми и усиление роли игрового начала в целом, а также ограничение или полное отсутствие «поцелуйных игр».

В качестве самостоятельного репертуара, исполняемого иногда и во время вечеров, функционировали лирические песни, представляющие собой пласт так называемой поздней лирики. В частности, в ходе экспедиции 2017 были песни, которые респонденты определили как «старинные»: «Подружки, вы, подружки», «Вспомни, милый, тот вечер», «Молоденький мальчик был», «Чурбачок», «Вы не вейтесь, русые кудри», «Огирочки», «Скажи, скажи, фартовая», «Вспомни, милый, тот вечер заветный», «Чалдоночка», «Поздно вечером погода», и др.

Особое внимание в экспедиции 2017 года при опросе информаторов отводилось музыкальному фольклору, связанному с обрядами жизненного цикла. Колыбельные песни пели во всех экспедиционных пунктах (в том числе используя в этой функции другие жанры, как в пос. Усть-Кемь), но вспомнить текст и напев традиционной колыбельной смогли немногие: А.И. Кривоносова 1932 г.р. (с. Чалбышево), Н.С. Телеутова 1936 г.р. (с. Плотбище) и А.И. Поздеева 1930 г.р. (с. Погодаево).

Колыбельные, записанные в Чалбышево и Плотбище, построены по принципу исполнения разных сюжетов на один напев, что является типичным для функционирования этого жанра. В колыбельной, исполненной А.И. Кривоносовой, объединяются текстовые блоки с угрозами («колотушек надаю» и «ты не бегай на лужок»), с обращением к Угомону, сюжет с обещанием покупок, рассказ о Пелагеюшке, обращение к Буке. В колыбельной Н.С. Телеутовой чередуются три сюжета: о сереньком волчке, о покупках и о распределении хозяйственных обязанностей в семье («Отец пошел за рыбою...»). Данные колыбельные обнаруживают черты сходства с севернорусскими байками, описанными в работе Б.Б. Ефименковой «Северные байки». Общность проявляется в строении колыбельных – поэтическом и музыкальном. Круг сюжетов, охваченных в приведенных колыбельных, также типичен для севернорусских традиций. Даже название старинной русской колыбельки – «люлька», «зыбка» – может указывать на общие корни енисейской и севернорусской фольклорных традиций.

Колыбельная песня, записанная от А.И. Поздеевой, является примером фольклоризации авторского текста: в ее основе лежит стихотворение А. Майкова «Колыбельная песня», которое, наряду с «Казачьей колыбельной песней» М. Лермонтова, бытует в народной среде более полутора веков.

В ходе экспедиций 1989-1990 гг. неоднократно были зафиксированы полные описания важнейшего этапа обрядов жизненного цикла – свадьбы. При этом енисейская свадьба, в целом сохранившая признаки обряда севернорусского типа, в каждом населенном пункте имела отличительные особенности, что выразилось в терминологии (обозначении этапов и

наименовании участников обряда), наличии тех или иных компонентов свадьбы, различии песенного наполнения. Кроме того, анализ сведений, записанных в с. Ярцево, указывает на бытование обряда в староверческой среде: вместо венчания в церкви в дом невесты приглашали старика, который и совершал «венчание»: читал особые молитвы, а затем благословлял молодых. В то же время в д. Никулино, д. Ворожейка и др. обязательным компонентом свадебного обряда было церковное венчание.

Во время экспедиции 2017 года выяснилось, что старейшие жительницы сел знают только, как проходило сватовство. Это было связано с тем, что в военное и послевоенное время в Енисейском районе вообще перестали праздновать свадьбы, даже регистрацию брака в сельсовете могли отложить до рождения первого ребенка. Тем не менее, сведения о современном состоянии свадебной обрядности были записаны, но от представителей более молодого поколения, в частности, от уроженки д. Никулино Н.А. Судневой 1970 г.р., с 2006 года проживающей в с. Чалбышево.

Нина Афанасьевна рассказала о двух типах свадьбы, ныне существующих в исследуемом ареале – старообрядческой и мирской. Однако и тот, и другой тип свадьбы не имеет отношения к обряду, существовавшему в Енисейском районе в довоенное время. Старообрядческая свадьба бытует в среде позднейших переселенцев, местная специфика в ней отсутствует (в том числе изменились сроки проведения свадьбы: если раньше свадьбы праздновались в зимний мясоед, то теперь – на Покров или после Пасхи). В современной мирской свадьбе вместо ориентации на севернорусскую традицию с преобладанием инициационного плана ритуала реализуется лишь коммуникативно-обменная линия, что в большей степени характерно для свадьбы восточнославянского Запада. Однако, в отличие от западной свадьбы и даже в отличие от свадьбы, записанной в 1989 году, современный обряд свадебных песен уже не содержит.

Неотъемлемая часть обрядов жизненного цикла, похоронный обряд, за последние 60-70 лет не претерпел существенных изменений. При этом в ходе экспедиции были зафиксированы сведения о бытовании похоронных причитаний, которые до сих пор звучат в некоторых селах. В частности, старейшая жительница с. Чалбышево А.И. Кривоносова рассказала о том, что еще недавно осуждалось отсутствие причитаний на похоронах. В некоторых населенных пунктах с этой целью из других сел приглашали «плакальщиц». Традиция причитаний не исчерпывается похоронным обрядом; причитать можно было в любое другое время, причем как на кладбище, так и дома. Александра Ильинична привела пример начала такого причета: «Ой, родимая моя мамонька, ой, ничего-то ты не знаешь-то, как-то мне больно-досадно-то...».

Материалы экспедиций Красноярского государственного института искусств разных лет позволяют проанализировать сложившуюся в Енисейском районе иерархию календарных праздников (базирующуюся на церковном календаре). В памяти информаторов наиболее развитой предстает система рождественских обрядов. В Святки традиция обхода дворов ряжеными сохранялась во всех населенных пунктах. Персонажи, в которых перевоплощались ряженые, на протяжении века практически не менялись: это медведь, коза, баран, черт, смерть, старики, мужик. Повсеместно ряженые, заходя в дом, старались как можно дольше остаться неузнанными: молчали или меняли голос. Поздравляя хозяев с праздником, в некоторых селах пели колядки, в некоторых – частушки.

Молодежь в Святки чинила бесчинства (снимали ворота и калитки, меняли местами почтовые ящики, могли унести сани или подвесить их на дерево), что является характерным компонентом празднования Коляды. В с. Потапово ночь под Старый Новый год называют «Творилой». Помимо обходов дворов, ряжения и творения в Енисейском районе существует развитая система святочных гаданий.

Празднование Масленицы (проводы зимы) в исконной для Енисейского района форме сохранялось в среднем до середины XX в. Главными атрибутами Масленицы являлись не сжигание чучела или всевозможные состязания, а катания на лошадях или на санках.

Пасха и праздники, попадающие под ее влияние – Вербное воскресенье, с одной стороны, и Родительский день (Радуница), с другой, на памяти информантов носили не столько массовый, сколько семейный характер. На Вербное воскресенье повсеместно ходили за вербой, ставили ее к иконам. В Пасху обязательно красили яйца и много стряпали, а также в этот день украшали дома пихтой (с. Погодаево, с. Потапово) или «кедриком» (с. Плотбище). В с. Погодаево на Пасху бытует обход дворов детьми, которые собирают яйца и конфеты.

Родительский день сохраняет свое значение главного дня поминовения умерших. В праздновании Троицы, как и Родительского дня, важное место отводится поминовению умерших, но в этот день на кладбище ходили по желанию. Самые главные обряды в этот день связаны с величанием березы: вокруг нее водили хороводы, с ней ходили по селу, ее наряжали, ставили в полисадник возле каждого дома. В п. Усть-Кемь рассказали, что в троицкую субботу девушки плели венки на березках (на укорененном дереве), а в эти венки вставляли цветочки. Каждая девушка делала свой венок, а в воскресенье утром их срезали и пускали в воду. Считалось, что чей венок дальше всего уплывет – та девушка далеко замуж выйдет.

Празднование Иван Купалы в Енисейском районе ограничивалось обливанием водой.

Сведения о традиционной народной культуре Енисейского района Красноярского края, полученные в ходе экспедиции 2017 года, позволяют сделать выводы о степени сохранности фольклора в исследуемом регионе и определить причины деформации либо исчезновения тех или иных традиций. Так, тяжелое военное и послевоенное время повлияло на бытование традиционной свадьбы и функционирование традиционных собраний молодежи, а поскольку в этот период государство изъяло из района всех лошадей, то исчезли и масленичные гуляния. Антирелигиозная агитация и пропаганда советского времени способствовали закрытию церквей, но не оказали особого влияния на существующую систему календарных праздников, центром которой является празднование Святков.

Поскольку во всех сферах бытования фольклора отмечается уменьшение роли музыкального компонента вплоть до его полного исчезновения, одним из значимых результатов экспедиции представляется обнаружение живого бытования причитаний и колыбельных песен. Тем не менее, к сожалению, приходится констатировать практически полное угасание даже в памяти информаторов основного музыкального репертуара енисейских вечёрок.

Некоторые музыкальные жанры традиционного фольклора, по сведениям информаторов, в большей степени могли сохраниться в старообрядческих поселениях, находящихся в труднодоступной местности, а значит, они всё еще ждут своих исследователей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №17-14-24601.

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project №17-14-24601.

Список литературы

Краханова О.В. Структура и драматургия енисейской вечерки // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №30. С. 68–75.

Чихачёва М.М., Экард Л.Д., Шкредова И.Н. Детский игровой фольклор Туруханского района Красноярского края (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции 2016 г.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №12–2. С. 183–186.

Huovinen E., Kaila A.-K. The Semantics of Musical Topoi: An Empirical Approach // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 2, December 2015, pp. 217–243. DOI: 10.1525/mp.2015.33.2.217

Koskinen I. At Least Two Concepts of Culture // *Folklore*. Vol. 125, November 2014, pp. 267–285. DOI: 10.1080/0015587X.2014.947858

Maes Pieter-Jan, Van Dyck Edith, Lesaffre Micheline, Leman Marc, Kroonenberg Pieter M. The Coupling of Action and Perception in Musical Meaning Formation // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 32, No. 1, September 2014, pp. 67–84. DOI: 10.1525/mp.2014.32.1.67.

Palmer C. Listening, Imagining, Performing: Melody As A Life Cycle of Musical Thought // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 1, September 2015, pp. 3–11. DOI: 10.1525/mp.2015.33.1.3

Widdowson J. D. A. New Beginnings: Towards a National Folklore Survey // *Folklore*. Vol. 127, December 2016, pp. 257–269. DOI: 10.1080/0015587X.2016.1198178

Krakhaleva O.V. Struktura i dramaturgiya eniseyskoy vecherki [The structure and drama of the Yenisei evening]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2008. №30, pp. 68–75.

Chikhacheva M.M., Ekard L.D., Shkredova I.N. Detskiy igrovoy fol'klor Turukhanskogo rayona Krasnoyarskogo kraya (po materialam fol'klorno-etnograficheskoy ekspeditsii 2016 g.) [Children's play folklore of Turukhansk district of the Krasnoyarsk Territory (based on folklore and ethnographic expeditions of 2016)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. 2016. №12–2, pp. 183–186.

Huovinen E., Kaila A.-K. The Semantics of Musical Topoi: An Empirical Approach // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 2, December 2015, pp. 217–243. DOI: 10.1525/mp.2015.33.2.217

Koskinen I. At Least Two Concepts of Culture // *Folklore*. Vol. 125, November 2014, pp. 267–285. DOI: 10.1080/0015587X.2014.947858

Maes Pieter-Jan, Van Dyck Edith, Lesaffre Micheline, Leman Marc, Kroonenberg Pieter M. The Coupling of Action and Perception in Musical Meaning Formation // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 32, No. 1, September 2014, pp. 67–84. DOI: 10.1525/mp.2014.32.1.67.

Palmer C. Listening, Imagining, Performing: Melody As A Life Cycle of Musical Thought // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 33, No. 1, September 2015, pp. 3–11. DOI: 10.1525/mp.2015.33.1.3

Widdowson J. D. A. New Beginnings: Towards a National Folklore Survey // *Folklore*. Vol. 127, December 2016, pp. 257–269. DOI: 10.1080/0015587X.2016.1198178

Джанызакова Сеиль Давлетовна,

магистрант направления «Антропология и этнология», лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований (ЛСАИ) Исторического факультета Томского государственного университета (г.Томск)

«Трудовая миграция глазами читателей городского портала «Новости в Томске» (по результатам контент-анализа комментариев к новостным сообщениям)

Современное интернет-пространство – это социальный институт, который создаёт информацию, знания, идеи и распространяет их в обществе. В свою очередь, социальные сети, информационные порталы – это ресурсы, где пользователь и читатель дает оценку тому или иному политическому, социальному, экономическому явлению, событию в стране и мире. Информационные материалы, обсуждаемые в интернет-среде влияют на общественные настроения и общую атмосферу в любом сообществе [1. С. 29]. Очевидно, что вопросы миграции не остаются в стороне от обсуждений в виртуальном пространстве. Их актуальность подтверждается тем, что миграция включена в глобальные процессы современности. Стремительный и массовый характер перемещений и технологическое развитие медиа приводят к тому, что каждый текст, включая комментарий, имеющий миграционный контекст, оказывается явлением межнациональной и межкультурной коммуникации.

В России актуальной остается проблема взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества, в том числе важен вопрос влияния средств массовой информации на восприятие трудовой миграции и конструирование образа мигранта [2. С. 167]. Материалы интернет-СМИ, посвященные миграционным процессам, могут выполнять толерантную и позитивную миссию, но чаще направлены на распространение у населения установок нетерпимости и призывов противостоять «им» как нашему противнику, защитить нашу ценность, отстоять ее. Как известно, это нередко означает: не пустить, прогнать, выселить, убрать «чужих», «не нас», «этнически других», «не таких, как мы» [1. С. 45].

В статье мы обращаем внимание на реакцию читателей, которая отражена в комментариях к новостям, посвященным мигрантам и миграции на новостном портале «Новости в Томске» за ноябрь 2015 - ноябрь 2016 гг. Ценность комментария состоит в том, что он дает интернет-коммуниканту возможность развернуто оценить ценность информации, уточнить непонятные моменты или выразить несогласие с автором корневого поста [4. С. 24], в данном случае новостного сообщения. В качестве основного метода исследования выбран метод контент-анализа. Цель анализа – выявление отношения читателей новостного портала, как части принимающего сообщества-жителей города к мигрантам, возможным вызовам и проблемам миграции в Томске.

Портал «Новости в Томске» был выбран в качестве исследовательского «поля» неслучайно. По данным на 2015 г. он стал самой читаемой региональной интернет-платформой [3]; также на портале возможна регистрации личного профиля читателя, позволяющая оставлять комментарии, ставить «лайки» и «дислайки». Наличие комментариев, их количество, возможность диалога пользователей – это реакция принимающего сообщества и оценка миграции читателями, что позволило определить для них наиболее волнующие вопросы.

Представленные на портале новостные заголовки в большинстве своем имеют провокационный характер, обращая взор читателя на информационный повод. Актуальность тематики заголовка для читателей новостного сообщения может быть измерена в количестве прочтений и в комментировании. Было выявлено, что наиболее обсуждаемыми стали часто прочитываемые новостные сообщения: «Томичу, прописавшему мигрантов за 800 рублей, грозят три года тюрьмы» (3812 прочтений и 10 комментариев); «Ученые ТГУ выясняют, как

молодежь Томска относится к мигрантам» (3652 просмотра и 24 комментария); «Исследование: 66 % горожан считают, что Томск обойдется без мигрантов» (2892 просмотра и 23 комментария) и «Томские приставы купили билеты и автокресла для выдворения семьи мигрантов в Ташкент» (2882 просмотра и 17 комментариев); «Опрос: томичи лояльно относятся к мигрантам и рады студентам-иностранцам» (1921 прочтение и 16 комментариев). Актуальными и требующими обсуждения, по мнению читателей «Новостей в Томске», стали поводы, где приведены результаты исследований томских ученых, посвященных отношению принимающего социума к трудовым мигрантам.

Всего комментариев за период с 2015-2016 гг. опубликовано 153. Автор условно разделил на три категории: прямая реакция на новостное сообщение; индифферентная, чаще всего, косвенно или вообще не связанная с новостным поводом; ответ на реакцию предыдущего комментатора. Для анализа отношения томичей к мигрантам и к миграции из трех категорий высказываний было выделено 12 смысловых групп, которые, в свою очередь, включены в ряд более широких «объединений»: социальные, экономические, финансовые угрозы со стороны мигрантов; критика власти, законодательства; противопоставление «своих» (русских как принимающее сообщество и русских в республиках СНГ) и «чужих» (мигрантов); дружелюбие к иноэтничным мигрантам; негативная оценка трудовой миграции.

В комментариях по отношению к мигрантам и оценки миграции важное место занимает страна либо регион-донор трудовой миграции. Чаще всего (8 упоминаний) указывают на страны Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан), что подтверждается официальной статистикой – граждане именно этих постсоветских республик занимают лидирующие позиции во внешней иммиграции в Россию. Следующая страна – Китай (6 упоминаний). В этой категории следует обратить внимание на новостное сообщение «Приставы выдворили из Томска 14 мигрантам из КНДР» – это единственный случай за указанный период, где в самой новости и в комментариях «встречаются» «корейцы», реже «граждане КНДР». Пользователь Евпатий пишет: «Из всех мигрантов, корейцы самые не заметные...». А Joker96 дополняет «Лучше бы наших южных друзей, торгующих на рынках выдворяли назад в их аулы и кишлаки, нет, эти гады (приставы – прим. авт.), как обычно, находят самых трудолюбивых, безобидных и беззащитных, что бы продемонстрировать показушную суровость закона». Вышеприведенные комментарии свидетельствуют о сравнительной оценке трудовых мигрантов из Средней Азии с гражданами КНДР: негативное отношение к «южным друзьям» и терпимое к корейцам, как к «самым незаметным из всех мигрантов».

Следующий важный момент, который автор относит к конструированию стереотипного образа мигранта – это комментарии, актуализирующие тезис о конкуренции за рабочие места иностранцев и россиян. Этот критерий явился одним из основных показателей взаимоотношений «приезжий-местный». По этому поводу пишет Михаил Иванович: «Для местных нет работы, зачем мигранты?». Здесь вопросы конкуренции на рынке труда начинаются обсуждаться читателями независимо от того, идет ли речь в новостном сообщении об этом. Комментаторы приводят в пример опыт других российских городов, что позволяет им аргументировать тезис, что мигранты отнимают рабочие места: «...P.S. Недавно вернулся с Е-бурга, просто поражен – половина мужского населения точно мигранты или бывшие мигранты (с российским паспортом). В общественном транспорте и маршрутках все водители и кондуктора – джигиты". У ж.д. вокзала по вечерам таборы тех же джигитов. В поездах (не курортных и не московских) их тоже много."Борзеют", однако, на вахты едут, на станциях где поезд стоит, сплошные "лезгинки"...»(кухонный ЧеГеВара).

По результатам контент-анализа комментариев 59 «реплик» пользователей имеют негативный характер по отношению к трудовым мигрантам. В этом случае наблюдается связь с «критикой власти» (134 комментария), «миграционных структур и законодательства» (41 комментарий). Тесно переплетены экономические, социокультурные вызовы со стороны

мигрантов для принимающего социума: «скоро Томск будет состоять из одних иностранных граждан), а им (властям-прим. авт.) главное бюджет у них вырос))))))» (ghjcnjnfr). Ироничное высказывание комментатора Мерлуш «Крым ваш - Сибирь наш!...», – якобы с такими мыслями трудовые мигранты приезжают в сибирские города, что проявляется в формировании отрицательных ожиданий томичей от «нашествия» мигрантов. 23 высказывания из 153 утверждают, что иностранные работники – угроза для россиян на рынке труда, не только в плане конкуренции, но и «сбивания» цен на труд.

Дружелюбное отношение к мигрантам, как к представителям разных национальностей и религий, встречается в 12 высказываниях. Чаще всего такие «реплики» выступают именно как защита в полемике между комментирующими новостное сообщение, высказывающие резко негативное восприятие мигрантов как «чужих» в противовес «своим»: Joker96 написал(а): Эти люди в своем большинстве не желают адаптироваться к нашему образу жизни, и не желают уважать местные традиции, при этом, напротив, не стесняются демонстрировать свое презрение к местному населению. (Ответ) Адаптация мигрантов в новой для них среде - это не простой процесс. Представьте себя на месте этих приезжих в другую страну. А мигранты, в большинстве своём, вполне нормальные люди, заброшенные к нам по причине невозможности заработать у себя на родине. Наше отношение к ним, как правило, вполне нормальное, терпимое и мы (взрослые люди) понимаем, что они здесь не от хорошей жизни (комментарий пользователя avt52). В сфере рынка труда читатели делятся своим опытом, аргументируя свою точку зрения в русле дихотомии «свои - чужие», но «чужие» рассматриваются исключительно в позитивном и дружелюбном ключе: «Я – за мигрантов. Я посмотрела, как они работают и как работают наши. Мне баню сложили в три дня 5 человек. Работали слаженно, каждый четко выполнял свою функцию, перерыв на обед 1 час + 2 перерыва на чай по 15 минут. работали с 9 и до 18. Их работодатель также восточной национальности, но с томской пропиской, их в родной стране набирает на работу на лето, платит за них положенную мзду государству. Мне очень понравилась бригада. А вот сосед за забором сдуру нанял на сборно-щитовой домик 3,5x3,5 метра двоих русских, так эти "работнички" ВСЕ ЛЕТО!!! собирали домик, по большей части, сидя на моей куче гравия и наблюдая мою задницу в красном купальнике на огороде. А какой фундамент мне поставили "мои" восточные жители аккуратный, все по уровню, прямые углы и какой эти русские–кривые страшные пеньки! Так что, буду делать дом, позову не русских» (пользователь suharik53).

Критикуется читателями чрезмерное «нашествие» «южных друзей», так как это трансформирует российское сообщество, что может отразиться на всех сферах жизнедеятельности россиян. «Естественным может явиться то, что «большой наплыв людей с другой культурой (или бескультурьем), религией и т.д. плюсов в перспективе не принесет» (пользователь Muzylka).

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, она может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов [5. С. 117]. Несмотря на это, важным остается вопрос корреляции уровня толерантности по отношению к мигрантам в виртуальном пространстве и за его пределами. Возможно, причиной этому служит конфликтность, агрессивность комментаторов в социальных сетях и информационных порталах, которая нередко имеет националистический характер, приводящий к межнациональному разногласию.

Список литературы

Малькова В. К. СМИ и современное полиэтничное общество // Антропология медиа: теория и практик. – М: ИЭА РАН, 2016. – С. 29-65.

Нам И. В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) / И.В. Нам [и др.] // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 165-192.

Портал «В Томске» — на первом месте в регионе по читаемости. – URL: <https://corp.vtomske.ru/news/view-140.html> (дата обращения 13.09.2017 г.)

Базина Е. С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности // Бизнес. Общество. Власть. – № 23. – 2015. – С. 24-36.

Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. – № 3 (23). – 2007. – С. 115-118.

Петрова Ксения Ильинична,

магистрант направления «История искусств» кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Севера как механизм конструирования региональной идентичности»

Коренные и малочисленные народы Севера представляют большой интерес для исследователей культуры. В настоящее время существуют целые комплексные разработки, предметами которых являются качество жизни, основные, связанные с этим, проблемы населения, государственная политика в направлении решения данных проблем, механизмы самоопределения, а также культура и основные способы ее сохранения. Результаты этих работ позволяют ученым спрогнозировать дальнейшее развитие коренных малочисленных народов и выработать наиболее продуктивные стратегии их поддержания и развития. Эта тема является наиболее актуальной для Красноярского края, на территории которого проживают представители 8 северных народов: долганы, нганасаны, ненцы, кето, селькупы, чулымцы, эвенки, энцы. Именно поэтому интерес к этим этносам первостепенен.

Но при этом возникает вопрос, а чем принципиально они отличаются от других? На него можно ответить так: народы создали своеобразную, специфическую культуру, а ее исследование и анализ позволит не только сохранять традиционные формы жизни этносов, но и предоставит возможности сформулировать особенности их мироустройства, мировоззрения.

Основным хранителем традиционной картины мира коренных северных народов, их культурной картины мира является искусство. Традиционный вид искусства народов Севера – декоративно-прикладное искусство, украшенные предметы быта: жилье, одежда и т.д., воспринимается как примета народа, как ресурс восстановления культурной памяти. Но есть и позиция, утверждающая, что уникальный характер данного явления оценивается с точки зрения его связи с хозяйственной жизнью народа. Чтобы лучше разобраться с тем, почему существует неоднозначность восприятия, необходимо изучить словарные определения данного понятия. Декоративно-прикладное искусство, согласно словарям, есть вид искусства, границы которого определяются не предметом, а спецификой творческого метода. Эта специфика представлена разнообразием жанров, связанных с художественными материалами, практическим назначением предметов и техникой выполнения работ. Однако главная особенность декоративно-прикладного искусства состоит в том, что его произведение – это не функциональная, но связанная с бытовыми нуждами людей вещь[1].

В исследовательской литературе есть множество работ, посвященных анализу ДПИ коренных и малочисленных народов Севера. Зачастую учеными исследуется декоративно-прикладное искусство, как элемент культуры, на базе которого происходит и закрепляется этническая идентичность этнокультурных групп. Такое исследование логично вытекает из определения ДПИ, которое было представлено выше.

Само понятие идентичности, а в особенности социальной, давно уже стало одной из главных тем социологии, психологии и других гуманитарных наук. Основной функцией идентичности является адаптация человека в социальной среде, а также ее организация, что говорит о том, что идентичность выступает как сложное, ступенчатое образование, имеющее многоуровневую структуру. Согласно теории Э. Эриксона, идентичность выстраивается посредством прохождения нескольких уровней: индивидуального, личностного и социального. На индивидуальном уровне человек осознает границы собственной протяженности, на личностном – ощущение уникальности своего личного жизненного опыта, а на социальном – отражение связи человека с социальными идеями и нормами. Этот признак раскрывает идентичность как феномен, приводящий к установлению тесной взаимосвязи индивида и общества.

Есть множество подходов к формированию идентичности, однако коренным малочисленным народам Севера присуща позиция эссенциализма и примордиализма. Эссенциализм основан на предположении о существовании изначальной «сущности», которая определяет идентичность (пол, раса и др.). Основу примордиализма составляют биологические признаки. Например, кровное родство, формирующее группу «семья»[2].

На основе исследования литературы, посвященной изучению идентичности, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, идентичность является выражением потребности индивида, поскольку именно группа дает то ощущение единства, которое необходимо человеку.

Во-вторых, идентичность позволяет переносить индивиду на себя положительные аспекты и качества, присущие его группе. Создавая образ более эффективного осуществления жизнедеятельности.

В-третьих, идентичность позволяет осуществлять право человека на выбор, который характеризуется положительным настроением, поскольку индивид осуществляет его исходя из своих предпочтений. Результатом этого выбора зачастую является ощущение надежности.

В-четвертых, идентичность предполагает одновременно выделение личности из культурной среды конкретно-исторического социума, но, в то же время, принадлежность человека к этому социуму.[3]

Актуальность поиска идентичности в регионах России связана с несколькими процессами в стране и мире. Во-первых, глобализация, которая делает необходимым стремление территорий обособиться и определить собственную специфику, для того, чтобы выдержать экономическую конкуренцию на мировом рынке, сохранить самостоятельное право на управление, а также подчеркнуть культурную уникальность. Во-вторых, социальные изменения в пост-советском пространстве, которые все еще вызывают необходимость самоопределения через обращение к устойчивым основаниям – семье, ближайшему окружению, территории, вновь подчеркивая важность региона как идентификационного ресурса.

В контексте формирования идентичности, есть разработки, посвященные изучению декоративно-прикладного искусства, как феномена формирования позитивной общероссийской идентичности (Н.П. Копцева, Н.Н. Пименова, 2013). Однако данное исследование предлагает рассмотреть данную ситуацию с другого фокуса: декоративно-прикладное искусство народов, не является чертой культуры, а самостоятельно формирует этнокультурную идентичность коренных и малочисленных народов Севера[4].

Для того, чтобы рассмотреть данный вопрос, будет использоваться комплекс методов исследования: библиографический анализ представлений и понятий этнокультурной идентичности, основные общенаучные методы, такие как: наблюдение, измерение, аналогия, экстраполяция, анализ, синтез, индукция, дедукция, интерпретация. Однако основным методом данной работы будет философско-искусствоведческий анализ, разработанный в теории В.И. Жуковского[5], предполагающий описание произведения искусства, с учетом различных философских концепций. Главная концепция, на которую будет опираться анализ, в этой работе – это теория Д.В. Пивоварова об идеальном отношении. В сочетании с теорией В.И. Жуковского, она предполагает, что произведение искусства формирует определенную схему действия при общении со зрителем. Эта схема и будет рассматриваться как механизм формирования этнокультурной идентичности.

Список литературы

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь.- М.: Эллис Лак, 1997.- 735 с.
2. Орлова, Э.А. Концепции идентичности/ идентификации в социальном научном знании // Вопросы социальной теории. Том IV – 2010 – С. 170-192

3. Колесов Д.В. Антиномии природы человека и психология различия. (К проблеме идентификации и идентичности, идентичности и толерантности) // Мир психологии. № 3–2004 - С. 16.

4. Копцева Н.П., Пименова Н.Н., Середкина Н.Н. Изучение декоративно-прикладного искусства и традиционных религий коренных малочисленных народов Севера как фактор формирования позитивной общероссийской культурной идентичности/ Педагогика искусства. Номер: 2, 2013. С. 15-30

5. Жуковский В.И. Теория изобразительного искусства/В.И. Жуковский. – СПб.: Алетейя, 2011. – 496 с.

Аброськин Даниил Александрович,

аспирант кафедры экономики Новосибирского государственного университета,

Рабчевский Никита Игоревич,

Магистрант направления «Стратегического управления» Новосибирского государственного университета

(г.Новосибирск)

«Перспективы развития международных отношений в освоении ресурсов Арктического шельфа»

В последнее время значение ресурсов Арктического региона в мире возрастает. На сегодняшний день к Арктике проявляется ресурсный, территориальный и экономический интерес. В данном исследовании приведен анализ стратегий арктических стран (Норвегия, Дания, Канада, США) при взаимодействии с Россией по развитию текущих проектов и реализации новых инициатив в освоении ресурсов на арктическом шельфе. Также поднимается вопрос о целесообразности скорейшего перехода к добыче ресурсов на шельфе России.

Ключевые слова: Арктический шельф, добыча углеводородов, международное партнерство

Арктика является одним из центров международного сотрудничества. Постепенно к региону повышается внимание ввиду перспектив разработки углеводородных месторождений Севера. Непредсказуемым становится соприкосновение интересов мировых держав в регионе.

Экспертным сообществом Арктике было дано название «крайний энергетический рубеж», так как регион – может стать одной из последних неосвоенных кладовых с природными ресурсами планеты [1]. В связи с чем обоснована как экономическая, так и политическая заинтересованность большинства государств к Арктике и, особенно в Арктическом шельфе.

Со стороны России видится необходимость развития нового направления международного экономического сотрудничества, в ходе которого будет организовано содействие появлению и развитию науки и технологий, повышена привлекательность и конкурентоспособность региона. В том числе, развитие и исследование энергетических ресурсов поможет в обеспечении стратегической безопасности.

На сегодняшний день состояние энергетического комплекса во многом определяет развитие мировой экономики. В мире, вопреки различным, в большинстве своем европейским, программам перехода к «зеленой» энергетике и применению возобновляемых источников энергии, потребление углеводородов занимает значительное место. Основным из перспективных направлений является повышение добычи энергоресурсов, из шельфовых месторождений.

Арктический шельф России – это богатый природными ископаемыми регион, способный обеспечить значимую долю энергетических потребностей, как России, так и мира в целом. Это наталкивает нас на предположение, что уже сейчас, одной из важнейших геополитических задач России является освоение ресурсов Арктического шельфа и укрепление своих позиций на международной энергетической арене. В свою очередь актуальным является вопрос, есть ли необходимость в наращивании темпов освоения энергоресурсов Арктике уже сейчас или оптимальным будет сосредоточение сил и ресурсов на добыче уже существующих месторождений и продолжении геологоразведочных работ в Арктике? Цель данного исследования - проанализировать экономический потенциал Арктики и выявить возможности и перспективы освоения ее энергетических ресурсов на международном уровне в сотрудничестве с основными арктическими державами.

Если говорить о российско-норвежских отношениях в плане развития региона, то на первом месте находятся вопросы освоения углеводородов на шельфе, далее о более обширном применении транспортных морских путей, главным образом, Северного морского маршрута. Поскольку Норвегия выступает крупнейшим экспортером сырья в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), она имеет интерес к расширению поставок, и, соответственно, к использованию маршрутов, в наибольшей степени выгодных для доставки. Это достаточно осуществимо с помощью объединения мощностей в сфере морского транспорта, поэтому довольно важным является применение СМП, так как он представляет собой наиболее краткий водный путь между Европой и АТР. Тем не менее, такая кооперация может привести к появлению конкуренции, ведь Норвегия также имеет интерес к растущему объему грузопотоков на Севере, который приходится именно на норвежские порты.

Для стратегического партнерства России и Норвегии существует база в рамках исследовательских работ и добычи нефти и газа. Так, например, в 2008 г. подписан договор между тремя известными компаниями: Россия – «Газпром», Норвегия – Statoil и Франция – Total, о возникновении совместной компании «Штокман Девелопмент АГ» для разработки Штокмановского месторождения. Сама компания «Штокман» отмечает, что это, в большей степени, проект РФ, развивающийся благодаря вовлечению международного опыта и инвестиций. Запасы месторождения оценены в 3,8 трлн. м³ газа и примерно 37 млн. т. газового конденсата. Данные запасы расположены в центральной части российского шельфа Баренцева моря. По разведанным данным считается, что Штокмановское на сегодняшний день одно из самых крупных месторождений мира. В 2012 году Statoil, а затем Total в 2015 покинули состав акционеров компании, и теперь Газпром - его единственный акционер. Так как произошло снижение цен на углеводороды и перепроизводство газа в США, проект, к сожалению, временно прекратил свою деятельность, однако в будущем планируется его дальнейшее развитие и возможная причастность иностранных компаний к этому процессу.

Также совместным российско-норвежским проектом в Арктике следует считать подписанное в 2012 г. соглашение между Роснефтью и Statoil о сотрудничестве по освоению частей российского и норвежского шельфа в Баренцевом и Охотском морях. Положительным моментом данного соглашения является участие Роснефти в освоении норвежских участков. Помимо этого, соглашение поможет в урегулировании вопроса о границах морских пространств. В целом, несмотря на различия в национальных интересах, конфликты из-за архипелага Шпицберген и ряд других аспектов, в отношениях России и Норвегии наблюдается конструктивное желание к компромиссному принятию решений, достижению поставленных целей и избеганию всевозможных конфликтов. После заключения «Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» растет возможность стратегического партнерства стран в вопросах усовершенствования и развития Арктики [2]. Немаловажным является принятие решений, основанных исключительно на международно-правовой базе, а также принятии принципа взаимной выгоды, а не только достижения высоких политических амбиций.

В перспективе российско-датского сотрудничества существует несколько приятных моментов, которые создают базу для дальнейшей совместной работы в Арктическом шельфе. Однако позиция Дании в первую очередь нацелена на кооперацию в рамках международных организаций и многосторонних соглашений, но не на двухстороннем партнерстве. Цель Дании - обеспечить безопасность навигации в арктических водах, увеличить сотрудничества и доверие в мировом сообществе, усовершенствовать системы обмена данными по вариациям в регионе. Вопреки существующей конкуренции между Россией и Данией в вопросах расширения границ континентального шельфа за пределы двухсотмильной зоны, её действия никогда не покидают рамки Конвенции ООН по морскому праву, это является подтверждением стремления страны к усилению стабильности, прозрачности и сотрудничества в Арктике, что совпадает с интересами РФ.

Дания отмечает, что одним из основных её интересов является увеличение роли Арктического совета. Тот факт, что становление АС, как единственной политической структуры, регулирующей возникающие вопросы и проблемы в Арктике, согласующей основные направления сотрудничества и разрабатывающей общие нормы и соглашения для стран-членов, является неоспоримо выгодным для обеих стран. Такое усовершенствование АС позволяет дать гарантию на исключительность арктических государств в вопросах принятия решений и определения ключевых параметров развития, не допуская помех со стороны неарктических стран. Таким образом уже заключены соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в регионе, а также соглашение по борьбе с нефтяными разливами в Арктической зоне.

Перспективным является двухсторонняя кооперация по освоению нефтегазовых ресурсов шельфа, а также использованию специальных судов для бурения скважин, строительства и обслуживания инфраструктуры, энергетической и транспортной. Важным направлением российско-датского сотрудничества представляется экология, а именно мониторинг изменений в климате региона, с целью избежать или преодолеть возможные негативные исходы. Выше изложенные перспективные курсы сотрудничества Дании и России в Арктическом регионе – всего лишь часть большого потенциала. Стратегия Дании в Арктике выражена стабильным и бесконфликтным развитием региона, создании благоприятных возможностей для наиболее тесного двухстороннего сотрудничества в совершенно разносторонних областях: экономической, политической, научной, социальной, экологической и других.

Несмотря на спорные отношения между Россией и Канадой, существует несколько сфер, в которых сотрудничество стран является возможным. Так, например, существует тенденция к укреплению институциональной базы российско-канадских отношений. Поводом к этому послужило создание российско-канадской Межправительственной экономической комиссии (МЭК) в середине 1990-х.

Цель данной комиссии направлена на усовершенствование условий в аграрных, экологических, инфраструктурных и других сферах. МЭК способствует реализации множества проектов, которые касаются сохранения и восстановления биологического многообразия и защиты окружающей среды Крайнего Севера. Политический «Договор о согласии и сотрудничестве» (1992) и разного рода экономические соглашения являются правовой базой в межстрановых отношениях, они регулируют и контролируют капиталовложения, торгово-коммерческие отношения, а также уклонение от налогообложения и многое другое.

В 2000 году было подписано и затем дополнено «Совместное российско-канадское соглашение о сотрудничестве в Арктике», в котором были заявлены ключевые курсы двухсторонней кооперации в Арктическом регионе, в их состав включены рациональное и правомерное пользование атомной энергией в мирных целях, в сельскохозяйственных, рыболовческих и других областях. Более того, с 2002 г. действует рабочая группа из нескольких стран по сотрудничеству в области мониторинга изменения климата. Важным аспектом является совместная инициатива России и Канады в поддержку превращения Арктического совета в главную международную организацию, которая бы обладала правом принятия решений, обязательных к исполнению для ее членов, и решении возникающих вопросов во всех сферах в регионе. Также РФ и Канада отстаивают необходимость четкого определения положения постоянных наблюдателей АС по вопросам неарктических государств и международных организаций. С помощью этого представляется возможным полностью понять границы возможностей неарктических государств и международных организаций в регионе и, одновременно, подтвердить преимущество пяти арктических государств, что является выгодным как России, так и Канаде – странам с наиболее протяженными границами в Арктике [3].

В итоге, на сегодняшний день основными проблемами в сотрудничестве между Канадой и Россией, а также во всем арктическом сообществе, является безопасность судоходства, загрязнение морской среды и т.п. Допускается, что грамотно согласованная политика правительственных ведомств и институтов может позволить снизить конфликтность российско-канадских отношений и укрепить механизмы кооперации не только в Арктике, но и в мире в целом [4].

Если говорить о двустороннем сотрудничестве США и России, необходимо упомянуть проекты, связанные с освоением природных ресурсов региона. Вовлечение финансовых ресурсов и новых технологий увеличивает доступность процессов бурения в арктической зоне. Совместные проекты существуют, например, у компаний Роснефть с ExxonMobil и Лукойл с ConocoPhillips. Однако в настоящее время развитие данных проектов приостановлено из-за наложенных на Российскую Федерацию санкций в связи с Украинским кризисом.

В вопросах военно-политического направления отношений существует тенденция к укреплению мер обоюдного доверия в регионе. Например, уведомление друг друга о прогнозируемых передвижениях военных кораблей, ограничение военного присутствия в особенно чувствительных природных областях. Однако на сегодня довольно сложно представить дальнейшее развитие отношений России и США в Арктике, ввиду влияния огромного числа факторов.

Также продуктивность внешней политики России по привлечению технологий и иностранных инвестиций играет важную роль. Наконец, неясно сохранится ли у США потребность в преимущественно односторонних действиях, или всё же они предпочтут многостороннее сотрудничество.

Перспективы России по работе на Арктическом шельфе. Что ждет Арктическую зону России в будущем?

Намерения министерства промышленной торговли РФ до 2020 года состоят в снижении на 20 процентных пунктов с помощью импортозамещения доли импорта в потреблении таких направлений как переработка сырья, сжижение природного газа, увеличение эксплуатации и нефтеотдачи скважин, их бурение, геологоразведка и транспортировка нефти и газа. Однако, ссылаясь на мнения экспертов, следует отметить, что для воплощения такого плана существует необходимость инвестировать в отрасли значительно раньше. Так как в такой короткий промежуток времени усовершенствовать или создать с нуля технологии, до этого момента не производившиеся в России, практически невозможно.

Эксперты выделяют два ключевых пути развития энергетической политики в данных условиях: первый путь состоит в сохранении прежних приоритетов в энергетической политике и стремлении справиться с негативными последствиями от введения санкционных ограничений, а второй путь – адаптивное изменение приоритетных направлений с учетом изменившихся экономико-политических условий, также связанных с санкциями.

Первонаправление подразумевает дальнейшее освоение ресурсов, но для воплощения данных планов необходимо финансирование и технологии, поступающие в основном из азиатских стран, главным образом из Китая, который является наблюдателем в Арктическом Совете, а также Индии, Сингапура, вместо Европы и США. Но существует проблема, которая связана с компетентностью стран востока, так как разработанные ими технологии для освоения участков, расположенных в значительно более благоприятных климатических условиях, могут не подойти для российской Арктики.

В связи с этим есть вероятность высоких финансовых затрат, при значимом риске невозврата капиталовложений, а также экологических рисков. Кроме того, существует проблема, связанная с целесообразностью стремления сохранить досанкционные масштабы

освоения путем больших заимствований при том, что в последние годы условия получения финансовой помощи на любом финансовом рынке стали существенно дорожать.

Второе направление связано с временным стратегическим снижением темпов освоения Арктического шельфа в связи с трудностями извлечения ресурсов и необходимостью огромных затрат и перехода к более усиленным работам по добыче углеводородов в уже действующих месторождениях, которые расположены в Западной и Восточной Сибири.

Если выбрать данную стратегию, то существует немалая вероятность избежать экологических потерь в регионе, а также произойдет уменьшение спроса на инвестиции в капиталоемкие проекты на континентальном шельфе при негативных условиях для их финансирования, а у предприятий России, которые занимаются производством нефтегазового оборудования, возникнет возможность расширить свою деятельность.

В целом, в мире существует понятие важности и уникальности Арктического шельфа, а также необходимости его освоения, однако, по мнению авторов, сложившиеся геополитические условия, несоответствие состояния флота с лицензионными обязательствами, низкие цены на нефть, неразвитая инфраструктура, экологические риски и сложная ледовая обстановка в определенных районах Арктики, говорят в пользу выбора более рационального варианта развития событий. Стоит временно отложить проекты по добыче нефти и газа и уделить внимание активированию геолого-разведочных работ, территориальных и климатических исследований, проектов по модернизации флота, усовершенствованию инфраструктуры и транспортных путей.

В будущем, после снятия санкций с России и российской нефтегазовой отрасли техническое оснащение за счет собственной или импортной инфраструктуры улучшится, возникнет необходимое финансирование, а также решатся остальные проблемы, настанет время провести работы по добыче на континентальном шельфе российской Арктики.

В заключение отметим, что развитие Арктики и исследование шельфа есть важная государственная стратегическая задача, а шельфовые проекты в Арктике представляют собой драйверы социально-экономического развития малодоступных, отдаленных районов страны. Развитие этих регионов в будущем принесет большую отдачу, а временная неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов не должна оказать влияние на реализацию намеченных планов.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Международное экономическое сотрудничество в Арктике. Арктический экономический совет /Под ред. В.П. Журавеля. — М.: АНО ЦСОиП, 2015. — 92 с.
2. Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: РИСИ, 2011. С.86-93.
3. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия Канады в освоении Арктики // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 148-150.
4. Уткин С.В., Карлусов В.В., Лунев С.И., Тулупов Д.С. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. М.: Аспект Пресс, 2013. С.231-256.

Резникова Ксения Вячеславовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Представления о цыганах в современном российском обществе»

Цыгане являются одним из наиболее неоднозначно (в том числе и крайне-негативно) воспринимаемых этносов. В данной работе предпринята попытка исследования представлений о цыганах, причин представлений, способов их формирования и изменения.

В качестве материала для изучения была выбрана дискуссия в «Живом журнале» [1], участниками которой стали молодые родители (по большей части – женщины), развернувшаяся в августе 2016 г. и инициированная цыганом. Тема дискуссии была обозначена следующим образом: «Лашё дес, русские сёстры! Скажите, а ваши дети боятся нас, цыган, когда видят на улицах? И что вы им про нас рассказываете? Спасибо. (Мне просто интересно знать, ВСЕ ли русские врут своим детям, будто мы сплошь наркоторговцы и-надо же такое выдумать-детей воруют или нет...)». Всего было оставлено по данной теме 438 комментариев.

Метод исследования – нарративный анализ. Высказывания, оставленные в дискуссии, были проанализированы с точки зрения того, как себе представляют цыган россияне, какие черты данного этноса видятся наиболее характерными. Это внешний вид, места дислокации, виды деятельности и др.

Внешний вид цыган. Внешность является одним из наиболее значимых маркеров цыганского этноса. Причем, женщины обладают более характерной внешностью, чем мужчины. Характерность эта обусловлена, во-первых, традиционной одеждой – цыганки носят платки, длинные юбки; во-вторых, атрибутом цыганок является присутствие рядом неопрятных детей. Характерных фенотипических признаков цыган участники дискуссии не смогли выявить. Следовательно, цыган, одетых не в традиционные одежды и не окруженных детьми, как правило, невозможно идентифицировать как принадлежащих к этому этносу.

Места дислокации цыган. Многие участники дискуссии отмечают, что сейчас цыган стало меньше, по крайней мере, в крупных городах. В Москве цыган можно встретить обычно на вокзалах, по городу их стали замечать редко. Проживают цыгане в Тульской области, в Брянске, в Уфе, в Ивановской области и др. Как правило, цыгане обитают в деревнях, поселках или городском частном секторе. Порой они занимают поселок целиком или составляют значительную часть его населения или живут таборами. Благополучные районы, по представлениям участников дискуссии, не связаны с цыганами.

Виды занятости цыган. Виды занятости цыган можно разделить на две группы. В одной – положительно или нейтрально оцениваемые общественностью. В другой – негативно. По мнению участников дискуссии, делами из первой группы заняты единицы цыган. К положительно или нейтрально оцениваемым занятиям можно отнести искусство, работы по металлу, заводское производство, спорт, науку. Искусство, в котором задействованы цыгане, – это театр, песни и танцы. Но даже в оценке этой сферы деятельности мнения разделились. Одни (и в первую очередь цыган) считают цыганское искусство неплохим и даже замечательным; другие – высказываются пренебрежительно или крайне негативно. Участник, инициировавший обсуждение, идентифицирует себя с котлярами – занимающимися работами с металлом. Кроме инициатора дискуссии о цыганах-жестянщиках упоминали лишь двое комментаторов и один из них – резко-негативно. Единожды в комментариях упоминаются цыгане-ученые, спортсмены и заводские рабочие.

К отрицательно оцениваемым участниками дискуссии видам деятельности цыган относятся по большей части противоправные занятия (воровство, грабеж, наркоторговля, незаконное хранение оружия), а также гадание, попрошайничество и т.п. Чаще всего

комментаторы приводят примеры незаконного завладения имуществом, осуществленного цыганами. Крадут цыгане не только имущество, но и детей. Мнение цыгана, участвовавшего в дискуссии, о воровстве неоднозначно. С одной стороны, умение воровать им расценивается как отличительная черта его этноса, которой он даже гордится (некоторые участники дискуссии также склонны рассматривать умение воровать как талант цыган). С другой стороны, этот же цыган говорит, что воров среди цыган не распространены, что это миф.

Типично-женским видом деятельности среди цыган является гадание; причем цыганки не только гадают, но также занимаются заговорами и активно предлагают эти услуги. За отказ от гадания или других услуг цыганки проклинают. Цыганки также побираются, причем, как отмечают участники форума, делают это не в форме просьбы милостыни, а в более агрессивной; активно попрошайничеством занимаются дети. Также цыганские подростки могут избивать других подростков. В целом, по большей части цыгане занимаются плохими, с точки зрения участников дискуссии, делами. Не единожды упоминается, что цыгане много мусорят.

Жертвы цыган и меры сопротивления им. Как правило, жертвами цыган становятся женщины: как участницы дискуссии, так и их родственницы, подруги. Также жертвами могут выступать не только физические лица, но и предприятия, в частности, связанные с газовой промышленностью.

В качестве мер сопротивления цыганам обычно называются три способа действий. Во-первых, игнорирование. Это самый простой метод борьбы с цыганами – переходить на другую сторону улицы, не разговаривать и др. Во-вторых, повторение приемов самих цыган: например, предлагать погадать им самим или проклинать их. В-третьих, поиск защиты у тех, кто воспринимается как более сильный. Как правило, женщины, будучи потенциальными жертвами цыган, таковыми воспринимают мужчин, в том числе родственников и представителей силовых органов. Для детей защитниками от цыган выступают родители.

Отношение к цыганам. Отношение к цыганам у участников дискуссии неоднозначное: оно двояко в силу наличия, по общему практически мнению, двух разных типов цыган, отличающихся в том числе по численности. К первому относятся осуждаемые общественностью цыгане, их большинство, это «типичные» представители этноса. Ко второму – малочисленные нетипичные цыгане, которые, с одной стороны, не осуждаемы, с другой – их сложно идентифицировать как цыган. Вообще, обычно о цыганах говорят во множественном числе. Это или цыганские поселки, деревни, таборы – в том числе в переносном значении; или совместные дела, осуществляемые группой цыган. Если о цыганах говорят в единственном числе, как правило, речь идет о нетипичных представителях этноса.

Подавляющее большинство участников дискуссии оценивает цыган негативно и резко негативно. Причем такое отношение к цыганам распространено не только в России, но и за ее пределами. Причины плохого отношения к цыганам, как правило, называют две. Во-первых, это личный опыт. Хотя участники дискуссии и говорят о том, что не все цыгане плохие, но хороших большинство не встречало. Во-вторых, отношение к цыганам у некоторых участников дискуссии сформировано еще в детстве наставлениями родителей. Отдельные участники дискуссии говорят, что цыганами их пугали, цыгане воспринимались как вымышленные персонажи. Мнения о том, какое отношение необходимо сформировать к цыганам у собственных детей, у участников форума разделились. Одна группа настроена толерантно и не собирается специально рассказывать детям про цыган. Другая группа намерена и уже рассказывает детям о цыганах в негативном ключе и обучает мерам сопротивления цыганам.

Нетипичные цыгане встречаются крайне редко, это отдельные представители этноса. Нетипичность может быть проявлена в нескольких аспектах. Так, во-первых, нетипичным является отсутствие традиционной одежды. Во-вторых, незадействованность в криминальных сферах и наличие легального заработка. В-третьих, наличие образования. В-четвертых,

оседлость. В-пятых, уважительное отношение к не-цыганам, проявляющееся в дружеских или даже семейных отношениях с представителями не своего этноса.

В дискуссии представлена также точка зрения, согласно которой по цыганам нельзя определить – типичные они или нет. А также крайне негативная точка зрения на цыган, заключающаяся в том, что исключений, нетипичных цыган не бывает.

Отношение цыган к цыганам и не-цыганам. Судя по анализируемой дискуссии, у цыган сильно противопоставление на своих (цыган) и чужих (всех остальных). Интересно обратиться в первую очередь к рассмотрению признаков, по которым происходит это разделение. Если извне цыган отличают по внешности, роду занятий, местам обитания, то складывается впечатление, что изнутри различие происходит, прежде всего, по кровной, кровнородственной принадлежности или непринадлежности к этносу. На такой вывод наталкивают два обстоятельства.

Во-первых, при описании цыган инициатор дискуссии активно использует слова, описывающие родоплеменную принадлежность, – клан, род, племя, семья, братья, сестры; перенимают его манеру и другие участники дискуссии. Во-вторых, у участниц дискуссии наличие «цыганских кровей» не является поводом хорошего отношения к цыганам. И такое отношение к собственным корням является для цыгана-зачинателя дискуссии поводом для осуждения, поскольку если человек признается в наличии цыганских корней, автоматически он должен придерживаться разделения на своих и чужих и всецело стоять на стороне цыган.

Проведя разграничение на своих и чужих, цыгане положительно отзываются о своих. Себя сами они (через инициатора дискуссии) называют «люди-праздник». Цыган яростно защищает цыганские кланы, то есть своих, даже если из участников на них никто и не нападал. Если у чужих можно воровать, то своих обходят стороной. При этом маркером разделения на своих и чужих может служить внешний вид. Зачинатель дискуссии упоминает только положительные характеристики цыган, например, почтительное отношение к старости. Причем делает это на противопоставлении «своих» и «чужих».

К чужим цыгане относятся достаточно плохо, не уважают их.

Способы изменения отношения к цыганам. Инициатор дискуссии в качестве средства для изменения представлений о цыганах обращается к фильмам, к книгам и другим средствам конструктивизма. И часть участников дискуссии также полагают, что конструктивизм – довольно сильное средство, но цыгане воспользовались его результатами для собственной наживы.

Точка зрения других участников дискуссии заключается в том, что конструктивизм может быть применен только на основании реальных действенных мер, предпринимаемых цыганами по улучшению собственного поведения.

Выводы: Цыгане опознаваемы представителями других этносов прежде всего по внешнему виду (в основном, женщины и дети), по роду занятий (отрицательным или условно-положительным) и местам обитания (поселки, городской частный сектор, вокзалы; в благополучных районах цыган практически нет). Жертвами противоправных действий цыган выступают, как правило, женщины. Меры сопротивления цыганам – игнорирование, использование их же методов, поиск защиты.

Цыгане четко разделяют всех людей на своих и чужих и делают это, видимо, по признаку кровной принадлежности. Свои активно и даже агрессивно защищаются, выгораживаются, в отношении своих не совершаются противоправные поступки. К чужим у цыган отношение плохое.

Отношение к цыганам основывается на двух составляющих: в первую очередь, это личный опыт (негативный зачастую), во вторую – представления, сформированные родителями (также негативные). Негативное отношение распространяется на типичных

цыган, к которым относятся все перечисленные ранее признаки; положительно участники дискуссии относятся к нетипичным цыганам.

Цыгане полагают, что отношение окружающих к себе можно изменить исключительно средствами конструктивизма (в частности, с помощью произведений искусства). Представители других этносов считают, что конструктивизм может быть применен только на основании измененного самими цыганами поведения.

Список литературы

Лашё дес, русские сестры!// Живой журнал «Мальши». – Режим доступа: <http://malynhi.livejournal.com/55739509.html?thread=1487011445#t1487011445>

Правда и вымыслы о цыганах // Арзамас. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/courses/4>

Хребтов Михаил Яковлевич,

Аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

«Основные культурные смыслы в сознании современной молодежи (на материале контент-анализа СМИ и интернет-опроса молодёжи)»

Практически любая социальная группа, независимо от своих размеров, устойчивости и степени интегрированности в социум, обладает культурными смыслами в своём сознании. «Историческая реальность, отражаясь в умах людей, порождает общественные настроения, идеологии, социальные психологии, национальные характеры и проч. Те, в свою очередь, оказывают действенное влияние на реальность»³⁴.

Одна из важнейших функций культурной общественной деятельности сознания – формирование культурных смыслов поколений. Посредством этих смыслов, закреплённых в общественном сознании нации или народа, создаётся этнокультурная картина мира, которая оказывает свое влияние на жизненные принципы, личное восприятие и осознание внешнего мира у каждого индивида. Общие культурные смыслы людей, принадлежащих к одной нации, народу или социальной группы составляют основу этнокультурного мифа, содержащего представление о главных общественных ценностях, общественной иерархии и этических запретах. В тех или иных различиях этот смысловой ценностный миф бытует в сознании поколений. «Важнейшую роль здесь, конечно, играет «вплетенность» в структуру личностных переживаний. Последние, характеризующие субъективную сторону мифа, его индивидуальную укорененность, выступают известным критерием истинности. Культурные смыслы мифа актуальны для индивидуума тогда, когда он находит в мифе ответ хотя бы на один свой смысло-жизненный вопрос»³⁵. Таким образом в смысловом мифе тесно взаимосвязаны традиционное историко-культурное содержание и личный опыт человека, его эмоциональное переживание этих смыслов.

Молодежь является социальной группой людей, которая имеет личностные смыслы, формирующие свои этно-культурные мифы, которые дают ответы на понимание их желаний, потребностей, стремлений и т.д. Поэтому данное исследование ставит своей целью выявить основные культурные смыслы современной молодежи, которые и развивают их культурные мифы. Данное исследование базируется на проведенном контент-анализе СМИ, где для анализа были использованы материалы из выступлений молодых людей в СМИ, молодежных ток-шоу, в социальных сетях, в ходе публичных молодежных протестов, а также художественные тексты с молодежным авторством, маркированные лозунгами и логотипами молодежные события, а также на социологическом опросе молодежи, в результате которого было опрошено 94 респондента возраста от 16 до 25 лет.

Проведенные контент-анализ СМИ и интернет-опрос молодых выявили основные культурные смыслы молодежи: стремление проявить себя и доказать свою значимость; желание самоутвердиться; прославиться, не взирая на культурные ограничения и запреты, а порой осознанно пренебрегая ими; утверждение своей самостоятельности, которая нередко оказывается мнимой; молодежный протест как доминирующая форма, содержание которой может быть самым различным; недовольство властью; стремление к самовыражению; увлечение различными течениями субкультур и «культурными миксами»; использование современной сленговой речи; стремление к обогащению; карьерный поиск; подражание кумирам; желание обладать самыми брендовыми продуктами благ; психологическая зависимость от интернета, от социальных сетей, компьютерных игр, видеоблогов; желание

³⁴Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность [Текст] / В. С. Швырев. - Москва: Прогресс-Традиция, 2003. - 172, [2] с.

³⁵Карлова О. А. *Mipnos sapiens* — миф разумный. — Красноярск, М.: КрасГУ, Академия поэзии, 2001

уехать в другое более перспективное место или страну на совсем или попутешествовать по миру; предпочтение западного образа жизни, образцы которого транслируются иностранными кинофильмами; общение с друзьями своего круга, чаще всего не лично, а через социальные сети; привязанность к современной громкой иностранной музыке (как западной, так и азиатской); неприемлемость однополых браков; стремление к занятиям спортом (причем спорт это не сама цель, но это способ достижения цели); потребность в поддержке родителей в важных и сложных жизненных ситуациях. Культурные смыслы, связанные с понятием «войны и мира», с проблемами родных и близких, а также с созданием собственной семьи отходят на второй план; так же, как желание заниматься общественными проблемами, проявляющееся у относительно небольшой части молодых людей. Опрос также выявил, что в выборе работы на первое место ставится заработная плата, далее сам процесс труда и атмосфера в коллективе.

Исходя из данных, полученных путем контент-анализа СМИ и интернет-опроса респондентов, можно убедиться, что к условиям актуализации культурных смыслов относятся: мощное влияние средств массовой информации и интернета, культурные практики самой молодежной среды, иностранное кино и сериалы, телевизионные ток-шоу, иностранная музыка, пропаганда западного образа жизни, популярные аспекты восточной культуры. Существенным также является «стремление к перемене мест» на более перспективные и комфортные, причем возможность мигрировать или возможность путешествовать для этой социальной группы является одним из определяющих факторов их успешности, статусности, материального достатка.

Эмоциональные переживания молодежи своих смыслов также связаны с противоречивыми процессами социализации и самоутверждения себя в мире, идентификации с одними смысловыми феноменами и резкого отрицания других, с чрезмерным увлечением модными явлениями и различными фанатскими движениями, приводят порой к тому, что характеристики современного молодежного сознания могут существенно отличаться от характеристик сознания, присущего обществу в целом. Поэтому вполне правомерно вошедшее в научный обиход понятие «молодежная культура», хотя более правильно было бы охарактеризовать её как молодежную субкультуру в контексте культуры общенациональной.

Стратификации молодежи в современном российском обществе достаточно велика, молодежные интересы охватывают профессионально-карьерное пространство, связаны с обширной спортивной и творческой деятельностью, различными формами досуга, группами в социальных сетях, общественными молодежными объединениями и так далее. Поэтому молодёжь является той значительной социальной группой, которая усложняет социальную организацию общества, что обусловлено интенсификацией культурных связей и обменов между поколениями, а также широко распространенного в последний период благодаря информационным технологиям межнационального и межкультурного диалога. Возникают новые варианты культурных смыслов, которые не вытесняют и не замещают предшествующие, а находят место рядом с ними. Тем самым углубляется и усложняется социально-культурная комплексность общества, но вместе с тем в него привносятся рассогласованность и разногласие, что становится источником потенциального общественного напряжения.

Список литературы

1. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность [Текст] / В. С. Швырев. - Москва: Прогресс-Традиция, 2003. - 172, [2] с.
2. Карлова О. А. *Mipnos sapiens* — миф разумный. — Красноярск, М.: КрасГУ, Академия поэзии, 2001.

Шантур Юлия Витальевна,

Направление «Зарубежное регионоведение» исторического факультета Иркутского государственного университета

«Образ мигранта через призму кинематографа»

Проблема миграции и образа мигранта уже давно беспокоит общественность не только России, но и всего мира в целом. Миграция, - неконтролируемая, нелегальная, очень обострилась в последнее время в связи с событиями на Ближнем Востоке. На данную тему написано уже множество статей, снято не меньшее количество фильмов, и, из-за своей актуальности, данная проблема заинтересовала и автора данной статьи.

При написании данной работы, автор опирался на другие работы по данной теме. Это, в частности, статья Авдониной Е.Ю. «Тема миграции в современном кинематографе: рефлексия над проблемой». В своей статье исследователь пишет о большом значении кинематографа (и, прежде всего, художественного кино) для восприятия зрителем каких-либо социальных проблем (в данном случае - проблем миграции). Сделав анализ трех фильмов на тему миграции, автор статьи приходит к выводам, что в современном мире проблема миграции является достаточно острой, а кинематограф, раскрывая эту проблему, помогает либо понять ее суть, либо примерить конфликтующие стороны и снять социальное напряжение, либо разрушить стереотипы зрителей относительно мигрантов.

Также, была взята статья Кривилевой Ольги «Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ?», в которой подробно рассматривается гипотеза о том, что возросший интерес режиссёров к проблеме миграции является политическим заказом, нежели естественным интересом.

В данной работе для анализа было взято три фильма (научно фантастический фильм Нила Бломкампа «Район № 9», комедия Пола Мазурски «Москва на Гудзоне и драма Аки Каурисмяки «Гавр»), которые выбирались в соответствии с определёнными критериями. Во-первых, выбирались фильмы разных жанров для того, чтобы проанализировать отражение проблемы миграции в фильмах разных категорий. Во-вторых, выбирались фильмы разных режиссёров с целью рассмотреть проблему с разных углов и точек зрения. В-третьих, все фильмы сняты в разное время и это тоже не случайность, а намеренный выбор, т.к. автор данной работы хотел проследить менялся ли образ мигранта в глазах режиссёров.

Научно-фантастический фильм Нила Бломкампа «Район № 9» (2009 г.) очень хорошо, хотя и аллегорично раскрывает проблему миграции (и в т.ч. апартеида). Данная работа рассказывает о межпланетном взаимодействии, а героями являются как реальные люди, так и вымышленные пришельцы. Для правдоподобности и максимального приближения картины к реальности режиссёр использует такой приём как мокьюментари (повествование с перемежающимися документальными кадрами). Достаточно лишь заменить вымышленных инопланетных существ реально существующими мигрантами и картина будет на лицо: беженцы приезжают в принимающую страну, где поначалу им оказывается полный пакет социальной помощи. Далее количество прибывших увеличивается, денег из бюджета расходуется всё больше, а среди населения начинает зреть недовольство: «Так много денег тратят на то, чтобы их здесь держать, как будто нет других проблем! Ну хотя бы держат их отдельно от нас.» [3]. Со временем ситуация усугубляется и уже начинаются нападения на мигрантов со стороны обычного населения с целью их уничтожения, массовые беспорядки и протесты. Подобное положение совершенно не выгодно принимающей стране, т.к. напряжённая атмосфера в обществе грозит вылиться в недовольство правительством и, возможно, к его отставке. Также, в такой обстановке страдают и сами мигранты, которые и без того неуверенно чувствуют себя, хотя бы потому, что находятся в чужой стране, живут локализовано от местного населения и полностью зависят от принимающей стороны.

Проблему миграции, затрагиваемую в данном фильме, можно проследить на конкретном примере Германии в 2016 году. Германия всегда была страной, куда стремились беженцы (например, в конце 90-х годов Германия приняла более половины миграционных потоков ЕС), но в 2016 году возник миграционный кризис. Как известно, в 2015-2016 гг. активизировался миграционный поток в Европу, и в ФРГ в частности, из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Желаящих переехать в хорошие условия жизни, которые правительство предоставляло нуждающимся, становилось все больше, а на их обеспечение требовалось дополнительное финансирование, что, в свою очередь, порождало недовольство населения. Катализатором агрессии со стороны граждан в отношении мигрантов стали массовые нападения последних на женщин ФРГ в канун наступления 2016 года, что вызвало волну протестов против мигрантов. Вся эта ситуация привела к тому, что осенью 2016 года правительство ФРГ приняло решение о депортации большей части мигрантов.

Следующий кинофильм, который показывает проблему миграции - это работа Пола Мазурски «Москва на Гудзоне» (1984 г.). Картина показывает 1980-е гг., разгар «холодной» войны. На гастроли в США приехал советский цирк, и саксофонист - Владимир Иванов, увидев кардинально отличающуюся от советской, жизнь граждан Америки, решает больше никогда не возвращаться на Родину. Он никогда раньше не задумывался об эмиграции из СССР, но увидев «свободное» общество и другой уровень жизни людей, он вдруг сбежал. Владимир пытается устроиться на работу, но так как у него пока что нет гражданства, он перебивается временными подработками. Однако чтобы получить гражданство, нужно выждать в огромной очереди и пройти множество процедур приёма, что растягивается года на три. Живя в Америке, он знакомится с обратной стороной жизни принимающего общества и с множеством других проблем, таких как языковой барьер, предвзятое отношение к русским, проблемы трудоустройства и получения гражданства, бандитизм и безразличие к иммигрантам.

Фильм «Москва на Гудзоне» на примере главного героя - Владимира Иванова очень чётко и лаконично показывает проблемы мигрантов. Приезжающие люди, помимо проблем административного и бюрократического характера, сталкиваются с трудностями среди общества. Всегда существует языковой барьер между носителями разных языков и, как следствие, недопонимание друг друга. Помимо этого, мигранты и иммигранты сталкиваются с проблемой конфликта менталитетов.

И, наконец, последний фильм, который был использован при написании данной работы, - это кинофильм «Гавр» финского режиссёра Аки Каурисмяки, вышедший в 2011 г. Сюжет разворачивается вокруг бывшего французского писателя Марселя Маркса, который однажды он встречает мальчика Идриссу — нелегального мигранта из Африки и помогает ему скрываться от полиции. Друг главного героя Чанг, тоже мигрант. Он рассказывает небольшую часть своей жизни, из которой становится понятно, что ему нелегко живётся в чужой стране. Прежде, чем ему дали разрешение на работу он вынужден был долгое время обивать пороги различных инстанций, заполнять бумаги, оплачивать страховки и т.д.

Этот непримечательный момент иллюстрирует серьёзную проблему - адаптации мигранта в чужой стране как гражданина. Данную сюжетную линию нельзя назвать голословной, потому что, мигрантам действительно нужно пройти через множество организаций и фирм, прежде, чем им дадут хотя бы вид на жительство. Например, в Иркутской области, чтобы получить патент нужно принести ряд документов (паспорт, полис, сертификат о сдаче экзамена по русскому языку, медицинские справки и т.д.) и заплатить 3106 руб. [2] А ведь это немалые деньги для мигранта, учитывая то, что экзамен и заполнение медицинской справки тоже платные. Получается, что приехав в какую-либо страну на

заработки, мигранты сначала сами должны заплатить немалую сумму, чтобы их не депортировали из этой страны.

Следующий пример тяжёлого положения мигрантов (но, в данном случае нелегальных) раскрывается в образе африканского мальчика Идриссу. Он, вместе с ещё полусотней мигрантов, нелегально прибыл в Гавр в грузовом контейнере. Как только полицейские, обнаружив нарушение миграционного закона, открыли контейнер с мигрантами, часть людей забрали в участок, часть отправилась в лагерь для беженцев, а сам мальчик сбежал. Лагерь для беженцев представляют собой ужасную картину: грязь, антисанитария; люди, которые спят на матрасе в палатке и готовят еду на костре на улице. Правительство не занимается ими, разве что только периодически сносит эти, самостоятельно возникшие, лагерь, депортируя часть их жителей на родину.

Получается, что по прибытии в другую страну, мигрант либо должен пройти через все «круги ада», чтобы официально там остаться и работать; либо жить в нелегальных лагерях для беженцев, скрываясь от полиции и, в девяти из десяти случаев, промышляя бандитизмом.

Анализ данных кинокартин показывает положение мигранта в принимающем обществе, и раскрывает такие проблемы, как адаптация мигрантов в принимающей стране, порядок их официального признания и трудности с получением гражданства. Фильмы также способствуют формированию у зрителя картины жизни мигранта, и выносят такую важную и серьёзную проблему, как столкновение менталитетов и культурное недопонимание между принимающей стороной и мигрантом.

Вышеперечисленные фильмы достаточно полно раскрывают большой спектр проблем мигрантов, подтверждение чему можно найти в реальной жизни (что и было сделано в данной работе для большей достоверности и насыщенности). Таким образом, данные фильмы отражают очень серьёзную и, особенно в последнее время, актуальную проблему.

Список литературы

1. Авдони́на Е.Ю. Тема миграции в современном кинематографе: рефлексия над проблемой [Электронный ресурс] / Е.Ю. Авдони́на // V Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы», сборник материалов. – 2015 - URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/20924> (дата обращения: 10.09.17)

2. Кривилева О. Г. Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? [Электронный ресурс] / О.Г. Кривилева // Известия Иркутского университета, серия Политология и Религиоведение. – 2012 - № 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-v-evropeyskom-kino-stihiynyy-protsess-ili-politicheskiy-zakaz> (дата обращения: 26.04.2017).

3. Халилбеков Х. Сколько стоит патент в регионах России в 2016 году? [Электронный ресурс] / Х. Халилбеков // Россия для всех. – 2016. – URL: <http://tjk.rus4all.ru/infographics/20160102/726408758.html> (дата обращения: 30.04.2017)

Фильмография

3. «Район № 9» («District 9»), реж. – Нил Бломкамп, ЮАР, США, Франция, 2009.
4. «Москва на Гудзоне» («Moscow on the Hudson»), реж. – Пол Мазурски, США, 1984.
5. «Гавр» («Le Havre»), реж. – Аки Каурисмяки, Финляндия, Франция, Германия, 2011.